

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

2
1982

ВЕСШІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

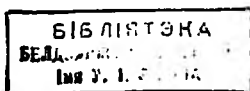
ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

№ 2
ЖНІВЕНЬ

ПСІХАЛОГІЯ

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказны сакратар*), **В. С. ГРЫГОР'ЕУ**,
І. І. ЖБАНКОВА, **У. Р. ІВАШЫН**, **В. Р. РУДЗЬ** (*нам. галоўнага рэдактара*),
А. М. САРЖЭЎСКІ, **А. Я. СУПРУН**,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*),
Р. В. БУЛАЦКІ, **Р. І. ВАДЭЙКА**, **А. А. ВОЛК**, **І. К. ГЕРМА-
НОВІЧ** (*адказны сакратар*), **В. В. КАЗЛОВА**, **І. П. КАХНО**,
Ф. І. КУЛЯШОУ, **М. У. ПІСКУНОУ**, **В. П. РАГОЙША**,
Б. В. СТРАЛЬЦОУ, **П. І. ТКАЧОУ**, **М. Я. ЦІКОЦКІ**, **Л. М. ШАКУН** (*нам. адказнага рэдактара*),
І. В. ШАБЛОЎСКАЯ,
П. П. ШУБА

**ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА**

Серия IV, № 2, 1982

Издательство Белорусского государственного университета
имени В. И. Ленина
220048, Минск, проспект Машерова, 11
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42

На русском и белорусском языках

Рэдактар **А. А. Смыч**
Малодшы рэдактар **Г. М. Добыш**
Мастацкі рэдактар **С. В. Бялянок**
Тэхнічны рэдактар і карэктар **Г. І. Хмарун**

Здадзена ў набор 16.06.82. Падпісана да друку 17.08.82. АТ 14699.
Фармат 70×108¹/₁₆. Паперы друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7.
Ул.-выд. арк. 7,81. Тыраж 960 экз. Заказ 991. Цана 80 кап.

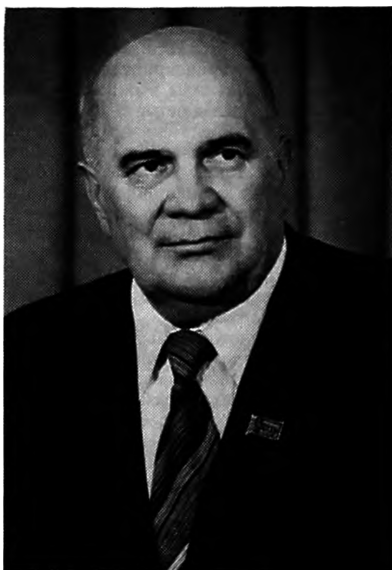
Адрес редакцый: 220080, Минск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Минск, праспект Машэрава, 11

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Минск, Ленінскі пр., 79

© Вестник БДУ імя У. І. Леніна, 1982

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ БЕЛЫЙ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения крупного советского ученого в области физики и механики полимеров, вице-президента Академии наук БССР, ректора Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, лауреата Государственной премии БССР, заслуженного деятеля науки и техники БССР, члена КПСС с 1947 г., академика АН БССР Владимира Алексеевича Белого.

Научная деятельность Владимира Алексеевича началась в Ростовском-на-Дону институте инженеров железнодорожного транспорта, который он окончил с отличием в 1945 г.

После успешной защиты диссертации в Москве В. А. Белый был направлен в Гомель для организации Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта. Здесь под его руководством создается первая в Белоруссии периферийная научно-исследовательская лаборатория АН БССР, преобразованная в 1969 г. в Институт механики металлополимерных систем АН БССР, который возглавил Владимир Алексеевич. В 1969 г. В. А. Белый был назначен ректором открывшегося в Гомеле государственного университета, оставаясь одновременно директором ИММС на общественных началах.

Отдавая много сил и энергии научно-организационной деятельности, В. А. Белый продолжает исследовательскую работу и сосредоточивает знания и опыт на решении важнейшей народнохозяйственной проблемы — создании новых конструкционных материалов.

Владимир Алексеевич Белый сформировал новое направление в науке — механику металлополимеров. Деятельность созданной им научной школы охватывает практически все аспекты механики металлопо-

лимеров: от поиска на атомномолекулярном и надмолекулярном уровнях физических и химических закономерностей взаимодействия отдельных элементов металлополимерных систем до создания научных принципов формирования новых композиционных материалов.

Широкий диапазон научных интересов В. А. Белого и его учеников способствовал развитию и ряда смежных областей знаний: структурной механики, теории адгезии, теории трения и изнашивания. Обнаружен ряд весьма важных эффектов в области механики металлополимеров: наследственное термоокисление, транскристаллизация, способность расплавов полимеров растворять металлы в окислительной среде. Получены принципиально новые научные данные о механике трения полимерных материалов, в частности, найдена связь молекулярной подвижности и образования свободных радикалов, эмиссионных явлений и фрикционных характеристик; изучен механизм фрикционного переноса; предложены новые методы управления фрикционными свойствами при взаимодействии твердых тел. Все это нашло отражение в монографиях В. А. Белого и его учеников: «Трение полимеров», «Трение и износ материалов на основе полимеров» (недавно англо-американским издательством «Пергамон пресс» опубликован английский перевод). В. А. Белый является автором 9 монографий и около 400 научных трудов, из них около 80 вышли в свет за рубежом.

Под руководством В. А. Белого разработаны новые методики и оригинальные приборы для изучения различных процессов в металлополимерных системах. Его теоретические исследования удачно сочетаются с большой практической и изобретательской деятельностью. Он автор многочисленных изобретений, имеет более 20 патентов в Англии, Франции, США, Японии, ФРГ, Италии, Швеции и т. д. Для изготовления композиционных материалов и изделий из них, в основе которых лежат изобретения В. А. Белого и его учеников, уже построены и строятся крупные промышленные предприятия, дающие большой технико-экономический эффект. Более 100 учеников Владимира Алексеевича стали активными изобретателями, двоим из них, как и самому В. А. Белому, присвоено почетное звание заслуженного изобретателя БССР.

За успехи в изобретательской деятельности Владимир Алексеевич Белый награжден почетной медалью «Техника — колесница прогресса», четырьмя золотыми медалями и почетными дипломами ВДНХ СССР. Он является членом Центрального Совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов.

Академик В. А. Белый неоднократно выступал с научными и учебно-методическими докладами на многочисленных международных конгрессах и конференциях в ГДР, Англии, США, Франции, Японии, Польше, Италии, ФРГ, Югославии, на Кубе, Филиппинах и в других странах. Во Франции за научные достижения в области трибоники он удостоен почетных медалей имени Вокансона (1968) и Жаккара (1970).

В. А. Белый с 1973 г. возглавляет научно-техническую комиссию ГКНТ при Совете Министров СССР по сотрудничеству с Великобританией в области трения и износа.

Всемирным центром анализа научных публикаций (США) отмечено весьма большое количество ссылок на научные работы В. А. Белого, что свидетельствует об их популярности у ученых различных стран.

Целью своей жизни Владимир Алексеевич считает подготовку кадров высшей квалификации. Среди его учеников более 50 докторов и кандидатов наук.

В 1969 г. Владимир Алексеевич Белый избирается членом-корреспондентом, затем действительным членом, а в 1973—вице-президентом Академии наук БССР.

В 1978 г. В. А. Белый назначается ректором Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. С этого времени благодаря настойчивости, умению и энергии Владимира Алексеевича значительные изменения произошли в жизни университета. Возросло количество и

повысилось качество публикаций и монографий, научных разработок, защищаемых авторскими свидетельствами СССР и патентами за рубежом. Если в 1977 г. было получено 82 авторских свидетельства, то в 1980—204, а количество авторов изобретений увеличилось от 319 до 532. Экономический эффект от внедрения научно-исследовательских работ возрос от 4,6 млн. руб. в 1977 г. до 23,6 млн. руб.— в 1981.

Существенно улучшилась подготовка кандидатов и докторов наук. Если в 1977 г. защитили диссертации на соискание степени кандидата наук 38 человек, то в 1981—105.

За высокие показатели в социалистическом соревновании среди вузов страны университет трижды (1979, 1980, 1981 гг.) награждался переходящим Красным знаменем Министерства высшего и среднего специального образования СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Владимир Алексеевич Белый ведет большую общественную работу. Он член Центрального Комитета Компартии Белоруссии и депутат Верховного Совета БССР, в котором возглавляет комиссию по науке и технике. Избирался делегатом XXIV и XXVI съездов КПСС, ряда съездов Компартии Белоруссии, съездов профсоюзов.

В. А. Белый является активным борцом за мир. С докладами о миролюбивой политике Советского государства он выступает перед различными аудиториями в нашей стране и за рубежом. За активную деятельность в борьбе за мир он награжден двумя высшими наградами Советского комитета защиты мира.

Многогранна и общественно-научная деятельность В. А. Белого: заместитель председателя научного совета АН СССР по трению и смазкам, член комиссии Президиума АН СССР по физике и механике полимеров, член экспертного совета ВАК по машиностроению, председатель комиссии по премиям Ленинского комсомола Белоруссии, член научного совета по «Полимерным материалам в народном хозяйстве» ГКНТ Совета Министров СССР, член редколлегий ведущих академических журналов «Поверхность: физика, химия и механика», «Механика композитных материалов», а также «Бюллетень ВАК» и др.

Велика роль В. А. Белого в организации всесоюзного журнала АН СССР и АН БССР «Трение и износ», главным редактором которого он является. Журнал объединил усилия советских ученых в данной области и завоевал большой авторитет в нашей стране и за рубежом, о чем свидетельствует приобретение права на перенесение его в США на английском языке с целью распространения во всем мире.

Плодотворный труд академика АН БССР В. А. Белого высоко оценен Коммунистической партией и Советским правительством. Он награжден орденом Ленина, орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, медалями, Почетными грамотами Верховного Совета БССР.

Свое шестидесятилетие Владимир Алексеевич встретил в расцвете духовных сил и научного таланта. Неиссякаемость творческой энергии, научного потенциала и смелых замыслов Владимира Алексеевича вызывает восхищение. Поздравляя Владимира Алексеевича с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, личного счастья, новых свершений на благо нашей Родины.

Да 100-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа

С. М. ПРОХАРАВА

АНАЛІЗ РУСКІХ І ПОЛЬСКІХ ПЕРАКЛАДАЎ ВЕРША Я. КУПАЛЫ «А ХТО ТАМ ІДЗЕ?»

Першы пераклад верша «А хто там ідзе?» на рускую мову быў зроблен М. Горкім у 1911 годзе — у час новага рэвалюцыйнага пад'ёму. Змест арыгінала быў перададзены ім дакладна, і прагрэсіўны рускі чытач зразумеў, што беларусам *захотелось людьми зваться* ў той час, калі царызм пазбавіў беларусаў самастойнасці. М. Горкі стараўся як мага дакладней перадаць не толькі змест, але і форму арыгінала. Ён захваў асноўныя сінтаксічныя асаблівасці верша, яго анафарыстычнасць («А хто там ідзе...», «А что они несут...», «А куда они несут...», «А кто же это их...», «А чего ж теперь захотелось им...»), аказіянальна-аўтарскае словазлучэнне *разбудил их сон*. На лексічным узроўні захавана дамінанта верша — як і ў арыгінале, тройчы паўтараецца метафарычнае словазлучэнне *нести кривду*. Словы *слепой, глухой* у перакладзе выконваюць тую ж функцыю (алюзіі), што і ў арыгінале, перададзена ўвасабленне паняццяў *нужда, горе*.

Сустракаюцца і адступленні ад арыгінала. Відаць, свядома М. Горкі зняў паўторы, замест іх уключыў ампліфікацыі (дабаўленні) і ўвёў воб-раз беларускіх балот, які захавалі і іншыя рускія перакладчыкі верша:

А кто там идет по болотам и мхам
Огромной такой толпой?
— Белорусы.

У арыгінале:

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У вгломністай такой грамадзе?
— Беларусы.

Пераклад М. Горкага, як відаць, эквілінарны (колькасць радкоў захавана), але не заўсёды эквівакабульны. Перакладчык захваў рытм адказаў, мужчынскую рыфму ў пытаннях, але вытрымаць эквіметрычнасць у пытаннях яму не ўдалося. Разгледзім гэта на прыкладах пытання першага трохрадкоўя:

Арыгінал	Колькасць складоў	Пераклад	Колькасць складоў
○ ⊥ ○ ○ ⊥ ○ ⊥ ○ ○ ⊥	10	○ ⊥ ○ ○ ⊥ ○ ○ ○ ⊥ ○ ⊥	11
○ ○ ⊥ ○ ○ ○ ⊥ ○ ○ ⊥	10	○ ⊥ ○ ○ ⊥ ○ ⊥	7

Нягледзячы на адступленні ад арыгінала, пераклад М. Горкага можна аднесці да лепшых. Сэнс верша перакладчык перадаў дакладна, рускі чытач атрымаў уяўленне і аб форме арыгінала, таму пераклад і ў наш час не страціў сваёй вартасці.

У 1912 годзе верш Я. Купалы быў надрукаваны ў кнізе «З акаліц Дзвіны», выдадзенай у Віцебску на польскай мове¹. Невядомы перакладчык ускрыўся за ініцыяламі М. W. S. Першы польскі пераклад, як

і наступныя, эквілінарны, у ім захаваны многія сінтаксічныя асаблівасці арыгінала:

A kto tam idzie w tej zwartej lawinie,
co za gromada, kiejby rzeka plynie?
— Białorusini.

Але перакладчык не вытрымаў анафарыстычнасці верша, не перадаў аказіянальна-аўтарскага словазлучэння *razbudził ich сон*, якое замяніў блізім, але няпоўнаасцю адэкватным *bydźił z zadumy*. Лексічны ўзровень перададзены не зусім дакладна, але вытрымана дамінанта верша — тройчы паўтараецца метафарычнае словазлучэнне *nieść krzywdy*, захавана функцыя слоў *ślepi, głusi* і ўвасабленне паняццяў *nędza, niedola*.

Першы польскі пераклад перадаў змест верша, але ў перадачы формы былі дапушчаны адступленні, якія былі абумоўлены аб'ектыўнымі прычынамі: польская мова мае іншую, у параўнанні з беларускай, сістэму націску, таму пераклад не можа быць эквіметрычным (не можа быць перададзены рытм). Але першы польскі перакладчык адступіў і ад прынцыпу рыфмоўкі арыгінала. Ён рыфмуе ўсе радкі трохрадкоўя (*lawinie — plynie — białorusini*).

З таго часу верш неаднаразова перакладаўся на рускую і польскую мовы, ёсць амаль даслоўныя (эквівакабульныя) і вольныя пераклады. На рускую мову верш перакладаўся чатыры разы: М. Горкі (1911), У. Раждзественскі (1929), М. Браун (1948), М. Ісакоўскі (1950), на польскую — шэсць разоў: ананімны перакладчык (1912), К.-А. Яворскі (1952), К. Сухадольская (1952), Р. Квяткоўскі (1957), Т. Хрусьцялеўскі (1971), Я. Гушча (1971)². Усе перакладчыкі перадалі сэнс арыгінала, захавалі форму дыялога, усе пераклады эквілінарныя, ва ўсіх вытрыманы настрой арыгінала (нават вольныя пераклады, да якіх можна аднесці пераклад Тадэуша Хрусьцялеўскага «*A kto to tak śpieszy?*» ці даволі далёкі ад арыгінала пераклад У. Раждзественскага «*Кто там идет?*»).

Па гэтых перакладах рускія і польскія чытачы маюць магчымасць атрымаць даволі поўнае ўяўленне аб арыгінале. Што датычыць некаторых дэталей, то можна адзначыць наступнае. Амаль усе перакладчыкі захавалі лексічную дамінанту верша — тройчы паўтарылі словазлучэнне *несці крывду*. Перакладчыкі на польскую мову гэта маглі зрабіць без цяжкасцей, таму што польскае слова *krzywda* (магчыма форма мн. ліку *krzywdy*) мае амаль такія ж значэнні, як і беларускае слова:

A ktoż poruszył te tysiączne tłumy,
Z krzywdą, iść uczył... (Ян Гушча)

A ktoż to nauczył tak wielki tłum ludzi
Przed świat ponieść krzywdę? (Т. Хрусьцялеўскі)

A ktoż poruszył te tysiączne tłumy,
nieść krzywry uczył i budził z zadumy? (М. В. С.)

У рускай народна-паэтычнай мове слова *крывда* ў значэнні 'хлусня, мана, няпраўда' часцей за ўсё супрацьпастаўляецца *правде*, але *крывда* мае і значэнне 'несправядлівасць'. У апошнім значэнні гэтае слова і, можа быць, ужыта ў рускім перакладзе. Такім чынам, Максіму Горкаму ўдалося захаваць дамінанту верша і тройчы паўтарыць метафарычнае словазлучэнне *несці крывду*. Пасля М. Горкага тое ж самае зрабілі М. Браун і М. Ісакоўскі, якія ў свае пераклады ўвялі беларусізм — *крывду несть научил*. У. Раждзественскі пераклаў слова *крывда* рускім словам *обида*:

Куда ж несут обиду они,
Кому расскажут про горькие дни?

Рускія перакладчыкі М. Браун і У. Раждзественскі, ідучы за М. Горкім, захавалі і аказіянальна-аўтарскае словазлучэнне *разбудил их сон*. Толькі М. Ісакоўскі замяніў яго нарматыўным фразеалагічным словазлучэннем *разогнал их сон*. Польскія перакладчыкі не захавалі аказіянальна-аўтарскага словазлучэння і замянілі яго альбо нарматыўным

адэкватным (*ze gnu ja zbudzil* — Я. Гушча), альбо словазлучэннямі, блізкімі па сэнсу.

Некаторыя польскія перакладчыкі захавалі слова *грамада*, таму што польскае слова *gromada* па значэнню часткова супадае з беларускім:

A kto tam idzie, a kto tam idzie
Taką, ogromną, taką gromadą? (Ян Гушча)

A kto tam idzie w tej zwartej lawinie,
co za gramada, kiejby rzeka plynie? (М. В. С.)

Праўда, іншыя польскія перакладчыкі гэтае слова замянілі (напрыклад, Т. Хрусьцялеўскі пераклаў слова *грамада* як *tlum*).

Рускія перакладчыкі не захавалі слова *грамада*, таму што беларускае *грамада* і рускае *громада* — міжмоўныя амонімы. М. Горкі пераклаў слова *грамада* як *толпа*, такім жа чынам пераклалі яго У. Раждзественскі і М. Браун, а М. Ісакоўскі апусціў гэтае слова:

A кто там идет по болотам и мхам
Огромной такой толпой? (М. Горкі)

Кто там идет? Кто там такой
Двигается тесной, широкой толпой? (У. Раждзественскі)

A кто там идет, а кто там идет
Огромной толпой меж лесов и болот? (М. Браун)

A кто там идет, а кто там идет
Посреди лесов и гнилых болот? (М. Ісакоўскі)

Як бачым, у гэтым трохрадکوўі з'яўляецца ў М. Горкага, М. Брауна, М. Ісакоўскага вобраз беларускіх балот, а ў апошніх яшчэ і лясоў, які адсутнічаў у арыгінале.

Усе перакладчыкі, як рускія, так і польскія, захавалі алюзію на выступленне Кірыла (Канстанціна Філасафа) і ўжылі словы *сляпы* і *глухі* ў аўтарскім значэнні 'які не мае магчымасці ствараць культуру на роднай мове'. Характэрна, што Т. Хрусьцялеўскі, каб зрабіць вобраз больш дакладным, уводзіць у пераклад яшчэ і слова *піеті*.

Калі характарызаваць пераклады ўсебакова, то, на нашу думку, найбольш блізкімі да арыгінала з'яўляюцца пераклад ленынградскага савецкага паэта Мікалая Брауна на рускую мову і пераклад Яна Гушчы на польскую. Гэтыя перакладчыкі не толькі дакладна перадалі змест, але ў асноўным захавалі характэрныя асаблівасці формы арыгінала: паэтычны сінтаксіс — інверсію дыслакацыі, абрамленні, анафарыстычнасць, паўторы, прыныцып актуалізацыі слоў. Лексічны ўзровень пера-

кладаў максімальна набліжаны да арыгінала. Нават у колькасных адносінах арыгінал і пераклады максімальна блізкія (табл. 1).

Розніца ў першым трохрадکوўі ў Я. Купалы і М. Брауна ствараецца за кошт дабаўлення ў перакладзе *меж лесов и болот*, а ў трэцім у Я. Купалы *наказ* — прыслоўе, а ў М. Брауна *на показ* — назоўнік з прыназоўнікам (табл. 2).

Таблица 1

Колькасць словаформ у трохрадکوўі		
Я. Купала	М. Браун	Ян Гушча
13	15	13
17	17	17
16	17	15
15	15	15
13	13	13

Таблица 2

Агульная колькасць словаформ у творы	у тым ліку					
	назоўнікі	прыметнікі	дзеясловы	займеннікі	прыслоўі	службовыя словы
Я. Купала 74	16	12	10	9	6	21
М. Браун 77	19	11	10	7	5	55
Ян Гушча 73	17	12	11	11	4	18

Пераклад М. Брауна набліжаецца да арыгінала і ў рытмічным маюнку, параўн. першыя радкі:

Арыгінал	Колькасць складоў	Пераклад М. Брауна	Колькасць складоў
○○○○○○○○○○○○○○	10	○○○○○○○○○○○○	10
○○○○○○○○○○○○○○	10	○○○○○○○○○○○○○○	11
○○○○○○	4	○○○○○○	4
○○○○○○○○○○○○○○	11	○○○○○○○○○○○○○○	11
○○○○○○○○○○○○○○○○	12	○○○○○○○○○○○○○○	10
○○○○○○	4	○○○○○○	4

Вартасці перакладаў М. Брауна і Яна Гушчы не зніжаюць вартасцей перакладаў М. Горкага, М. Ісакоўскага, У. Раждзественскага, Т. Хрусьцялеўскага і іншых. Кожны з іх дае магчымасць адчуць настрой арыгінала выдатнага твора беларускай паэзіі, які ўвайшоў у скарбніцу сусветнай літаратуры.

¹ Z okolic Dźwiny. Księga zbiorowa. Na korzyść czytelni polskiej w Witebsku, 1912. Пераклад змешчаны і ў кн.: Wiersze białoruskie. Łódź, 1971.

² Пераклады змешчаны: М. Горкага — у кн.: Я. Купала. Избранное. М.—Л., 1950; Ус. Раждзественскага — у кн.: Альманах беларускай літаратуры. Л., 1929; М. Брауна — у кн.: Антология белорусской поэзии. Л., 1948; М. Ісакоўскага — у кн.: М. Ісаковский. Избранное. М., 1950; М. В. С., Я. Гушчы, Т. Хрусьцялеўскага — у кн.: Wiersze białoruskie. Zódz, 1971; К.-А. Яворскага — *Życie słowiańskie*, 1952, № 8; К. Сухадольскай — *Głos Szczecina*, 1952, № 49; Р. Квяткоўскага — *Przyjaźń*, 1957, № 28.

³ З польскіх перакладчыкаў толькі Ян Гушча увёў у пераклад беларусізм *лапці*.

В. М. ГАЛАЯ, В. Н. КІРЫСЬ

ГЕРМАНІЗМЫ У МОВЕ ТВОРАЎ ЯНКІ КУПАЛЫ

Неспарыўная сувязь з народам, сынам якога быў і назаўсёды застаўся Янка Купала, веданне яго спраў і клопатаў, яго паэзіі і мовы карэнным чынам уплывалі на характар і накіраванасць творчасці мастака, на яе выяўленчыя сродкі, на выбар і апрацоўку ім слова. У мове твораў Я. Купалы¹, як наогул у слоўнікавым складзе беларускай мовы, ужываецца значная колькасць іншамовнай лексікі, у тым ліку германізмаў, якія прапікалі ў беларускую мову ў розныя перыяды яе развіцця і ахоплівалі самыя разнастайныя сферы жыцця беларускага народа. Тут назвы пабудов і іх асобных частак (гэтым «будаўнічы выступ, карніз» < нвн. Gesis; коміні < нвн. Kamín; лата < нвн. Latte; лэх, лэха «склеп, падзя-мелле» < свн. loch; мур «каменны або цагляны будынак; сцяна; будаўнічы матэрыял» < свн. mûge; стадола «хлеў для коней; халодная пабудова» < свн. stadel; трама «бэлька» < нвн. Tram; цэгла < свн. ziegel; шынок «карчма» < нвн. Schenke, Schank), назвы прадметаў да-машняга і гаспадарчага ўжытку (варстат < нвн. Werkstatt, гэбель < нвн. Nobel; загарак «гадзіннік» < свн. seger; зэдаль < свн. sedel; куфар «сундук» < нар.-ням. Kuffer; ліхтар «ліхтар, падсвечнік» свн. < liuh-taere; лямпа < свн. Lampe; пляшка < нвн. Flasche; пудэлок «скрыначка» < нвн. Paudel), розных тавараў, матэрыялаў і іншых прадуктаў вытворчасці (гонты < нвн. Ganter; груца «каша з цэлага абтоўчанага ячменю» < нвн. Grütze; пляйстары «соты» < нвн. Pleister; памяранец «апельсіні» < нвн. Pomeranze; фартух < свн. vortuoch; цытрына «лімон» < нвн. Zitrone; ядwab «шоўк» < ст. вн. gotto-webbi), назвы людзей па іх занятках (гандляр < нвн. Händler; гарбар < нвн. Gärber; грабар < свн. grabaere; майстар < нвн. Meister; фельчар < нвн. Feldscher; фурман < свн. vuorman; ахмістрыня «загадчыца дамашняй гаспадаркай у лана» < нвн. Hofmeisterin) і інш.

Некаторыя народныя словы загучалі ў творчасці паэта па-новаму, набылі новае значэнне. Напрыклад, дыхт < свн. *dicht*: Гэткая — дыхт для мяне жонка! (VI, 232). У сучасных народных гаворках слова *дыхт* ужываецца ў значэнні «фанера, тоўстая фанера», *шыба* «аконнае шкло; акно» < свн. *schibe*: глянула ў шыбы з хаткі на двор (V, 15). Купалаўскім наватворам з'яўляецца таксама назоўнік *чыншавік* «зборшчык падаткаў», які паходзіць ад запазычанага слова *чынш* «падатак» < свн. *zins*: усіх чыншавікоў сталі чысціць (VI, 271), дзеяслоў *шмальцаваць* «націраць, церці» < свн. *schmelzen*: плеченая вобраць — адны матузы, галаву шмальцуе горш ад дзермазы (IV, 162). У помніках старабеларускай пісьменнасці сустракаецца дзеяслоў *смолцовати* ў значэнні «пакрываць эмаллю». Характэрнай асаблівасцю купалаўскага словаўжывання з'яўляецца частае выкарыстанне назоўнікаў у памяншальна-ласкальнай форме, што збліжае яго мову з народнай мовай: кубялок < нвн. *Kübel*, шнурок, шынкарочак, комінак.

Сваю працу над словам Я. Купала засяроджваў на паглыбленні семантыкі інішамоўнай лексікі, на пераасэнсаванні і ўдасканаленні яе, на прыстасаванні да выказвання грамадска-палітычных ідэй і настрою. Палітычны сэнс мае ў слоўніку Я. Купалы назоўнік *крама* < свн. *krat*: пахаваем мы тут краму, што труд прадала (V, 35); не такая людзі крама, у якой людскасць аглядаюць (I, 411). Адметнага ад стаўшага традыцыйным тлумачэння вымагаюць купалаўскія ўжыванні назоўніка *гарт* < нвн. *hart*: гарт аперся на кургане, як ноч, уздыхае, і ў кургане ўздыханне гарту пацінае (II, 208). Значэнне слова *гарт* тут істотна адрозніваецца ад таго, якое замацавалася за ім «цвёрдасць, моц»: значан гарт у руках (III, 138); гарт нашых сіл маладых (IV, 126).

Некаторыя словы нямецкага паходжання выкарыстоўвае паэт не ў сваім уласным, намінацыйным значэнні, а ў пераносным. Праўда, і ў агульнанароднай мове яны таксама ўжываюцца ў пераносным сэнсе, але робіцца гэта безадносна да класавай прыналежнасці саміх людзей. Напрыклад, клямка < свн. *klam*: ды стогнуць, мучацца пад клямкамі браты, як некалі ў прыgone (V, 149); ланцуг < свн. *lapp+zug*: доўга цягаў тачку пад зван ланцугоў (I, 409); спутаць не дам я дам ланцугамі (III, 56). У пераносным значэнні даюцца такія словы, як *бляха* «медаль» < свн. *blech*: шынкарочак за буфетам у бляхах грудзі (VI, 135); *гмін* «натоўп, грамада» < свн. *gemein*: бачу — гмін люду пхнецца (II, 334); *маляр* «пра дрэннага мастака» < нвн.: *Maler*: бажам не веру маляваным, што мажуць фарбай маляры (III, 306); *шруб* < нвн. *Schrauben*: здушыў вужака грудзі ў сто сталёвых шруб (III, 278).

Янка Купала як вялікі наватар і будаўнік мовы ўмела скарыстоўвае ў сваёй паэзіі запазычаныя словы для параўнання, яскравага паказу жыцця і быту беларусаў. Напрыклад, гмах < нвн. *Gemach*: грамада — вялікі гмах: адзін ляжа, сто ідзе. А хто ж роўны грамадзе? (I, 144); кнот < свн. *knote* — на горкай асіне, бы кнот, хістаўся нябожчыкаў сын (IV, 30); крышталь < нвн. *Kristall* — адсвеціцца ў слязах, як свечка ў крышталі (II, 201); мур — неба тваё маўчыць, як падземелля мур (III, 126); пампушка < нвн. *Pfannkuchen* — грудзі пухлыя, як пампушкі (I, 197); цвек < свн. *zwic* — бульба — як арэхі, як цвек — бурачок (III, 99).

Паэзія Я. Купалы з'яўляецца сацыяльнай, грамадскай. Нават такое аддаленае ад палітычнай тэрміналогіі слова, як *шнур*, набывае ў слоўніку паэта пэўны сацыяльны змест. Ужываючы яго, паэт падкрэслівае цяжкае становішча селяніна: як жа ты, шнур (нвн. *Schnur*) наш, глядзіш сіратаю (I, 173); родзе шнур несамавіта (I, 257); шнур наш хаваецца ў гірсу, у званец (II, 158).

Фразеалагізмы Я. Купала выкарыстоўвае не ў іх традыцыйным афармленні, а звычайна перапрабляе ў залежнасці ад сваіх канкрэтных задач. Так, фразеалагізм «дыхту даць» (свн. *dicht*) ужываецца ў творы паэта ў значэнні «хутка выконваць што-небудзь»: даюць дыхту, даюць жару (IV, 274): дыхту нейкага даваў (IV, 212). Параўн. сучаснае бел.

рускае «даць дыхту» — негатыўная ацэнка работы, дзейнасці са значэннем «слаба працаваць, не перарабіцца».²

Запазычаныя германізмы не заставаліся ізаляванымі ў слоўнікавым складзе беларускай мовы. Яны, як і ўласна беларускія, служылі базай для ўтварэння новых слоў па мадэлях беларускай мовы. У Янкі Купалы знаходзім даволі значную колькасць такіх вытворных: вандроўка, габляваны, замшовы, крамная, крамнік, мураваны, падмурак, фальцавальная фурманка, чыншавік, шынкар, шынкарка, шынкоўня, цагляны.

Аналіз германізмаў у творчасці паэта паказвае, як Янка Купала, удала карыстаючыся агульнанароднай, абласной і гістарычнай мовай, з зайздросным умельствам адбіраў з яе толькі самыя трапныя, выразныя і дакладныя запазычаныя словы. Яны выконваюць пэўныя стылістычныя функцыі і адыгрываюць значную ролю ў мастацкай палітры паэта. Широка выкарыстоўваючы ў сваёй творчасці скарбы народнай лексікі, ён быў вялікім наватарам і будаўніком мовы.

¹ Купала Я. Збор твораў, т. I—VI.—Мінск, 1972—1975 (запазычаныя словы ў перакладах Я. Купалы з іншых моў не аналізуюцца). У дужках рымскімі лічбамі ўказваецца том, арабскімі — старонка зборніка.

² Гл.: Мяцельская Е. С., Камароўскі Я. М. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі.—Мінск, 1972, с. 70.

Т. В. КАБРЖЫЦКАЯ

АНАЛІЗ ТВОРАЎ ЯКУБА КОЛАСА «ДА ПРАЦЫ!» І «НАПЕРАД!» У ШКОЛЕ

Паслярэвалюцыйная лірыка Якуба Коласа, якая вывучаецца ў 9-м класе, уключае разам з другімі вершы «Да працы!», «Наперад!». На вывучэнне гэтых твораў адводзіцца адзін урок.

Верш «Да працы!» — гэта першы твор, якім адкугнуўся пясняр на падзеі Вялікага Кастрычніка. Ён з'явіўся ў друку 8 лістапада 1917 года — праз два тыдні пасля векапомных падзей. Пры гэтым трэба ўлічыць, што Якуб Колас у дні Вялікага Кастрычніка знаходзіўся ў г. Абаяні Курскай губерні, а верш быў надрукаваны ў мінскай газеце. Перасылка твора па пошце ў тых складаных умовах займала не менш тыдня. Так што верш «Да працы!», несумненна, нарадзіўся ў сэрцы паэта адразу, як толькі дайшлі да яго хвалючыя весткі з Петраграда аб пераходзе ўлады ў рукі Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў.

Браты! Вялікая дарога
Чакае нас і родны край —
Жніво настала, працы многа,—
Навукі семя засявай! (7)¹—

радасна звяртаецца Якуб Колас да сваіх суайчыннікаў.

Галоўнае ўжо дасягнута — у выніку перамогі рэвалюцыі народ узяў уладу ў свае рукі. Цяпер на чарзе будаўніцтва новага, самага справядлівага ладу. Прычым —

Не царскі біч, не панскі хам,
Хай будзе лад у сваёй гасподзе
Ствараць народ-уладца сам.

Напамінак пясняра пра цара і пана быў у той час надзвычай актуальным. Скінутыя класы, царскія і панскія прыслужнікі, як і меркаваў паэт, будуць імкнуцца перашкаджаць будаўніцтву новага жыцця ці адкрыта, ці прыстасоўвацца да новых умоў і шкодзіць спадцішка. Толькі народ-уладца, які са зброяй у руках заваяваў сабе ўладу, зможа збудаваць належны «лад у сваёй гасподзе», на сваёй роднай зямлі.

Адным з асноўных шляхоў да новага жыцця, на думку Якуба Коласа, з'яўляецца шлях асветы, навукі ці, як пазней назавуць яго, — шлях

культурнай рэвалюцыі. Пасля сацыяльнай рэвалюцыі павінна была адбыцца рэвалюцыя культурная. Якуб Колас, настаўнік па прафесіі, чалавек, які ўсё сваё жыццё нёс святло навукі ў самыя цёмныя закуткі роднай зямлі, вельмі добра адчуваў патрэбу новага часу і недвухсэнсоўна выказаў яе:

Святло нясеце — ў зроку дрэмле
Наш мілы край, наш родны кут.
Хай уваскрэснуть нашы землі,
Няхай асветліцца наш люд.

Такім чынам, беларускі пясняр сваім вершам не толькі шчыра прывітаў тыя шырокія шляхі, якія адкрыў перад народамі Вялікі Кастрычнік, але і ўказаў на адну з галоўных дарог, па якой павінен быў, на яго думку, рухацца да свай мэты народ, — дарогу асветы, культурнай рэвалюцыі.

Наколькі дальнабачным аказаўся Якуб Колас, паказала сама гісторыя. Адбіўшы ўсе напады знешніх і ўнутраных ворагаў, савецкі народ ад малага да вялікага засеў за школьныя парты, узяўся за ліквідацыю непісьменнасці, а затым пачаў авалодваць сакрэтамі самых складанейшых навук. Дзяржаўнае будаўніцтва, індустрыялізацыя, калектыўнае гаспадаранне на зямлі патрабавалі высокаадукаваных спецыялістаў. І такіх людзей выхавала Савецкая ўлада. Кажучы словамі Якуба Коласа, «уваскрэслі нашы землі», «асвятліўся наш люд».

Верш Якуба Коласа «Да працы!» — гэта верш-заклік, верш-пабуджэнне. Адсюль — своеасаблівае яго лексікі, паэтычнага сінтаксісу. Пачынаецца ён зваротам, экспрэсіўнасць якога замацавана клічнікам — «Браты!». Наогул, у вершы экспрэсію аўтарскага выказвання ў многіх месцах падкрэсліваюць клічнікі — ад самой назвы твора («Да працы!») і да асобных выказванняў («Навуці семя засявай!», «Хай будзе спор нам у прыгодзе!»). І нават там, дзе іх няма — загадны лад дзеясловаў, пабуджальныя словы «хай», «няхай» ствараюць інтанацыйнае заклік, пабуджэння да актыўнага дзеяння. Сам час, час бурнага развіцця, рэвалюцыйнага абнаўлення свету, прадвызначыў такую агітацыйна-заклікальную форму твораў. Яна была характэрна для рускіх і ўкраінскіх рэвалюцыйных паэтаў — У. Маякоўскага, Д. Беднага, П. Тычыны, В. Элана-Блакiтнага і інш. Вершы-заклікі былі таксама ў Янкі Купалы (напрыклад, «Час!», «На снаход!», «Свайму народу»). Эпоха дыктавала адпаведныя формы паэтычнага асэнсавання.

Разгледзеўшы верш «Да працы!», на адным і тым жа ўроку мэтазгодна спыніцца і на санетным трыпціху Якуба Коласа «Наперад!». Трыпціх (вершаваны цыкл, што складаецца з трох асобных твораў) названы таксама словам-заклікам: «Наперад!». Аднак у ім мы не знойдзем ранейшай мнагастайнай заклікальнасці, даведзенай да лаканічнасці і аголенасці лозунгу. Якраз наадварот! У вершаваным цыкле «Наперад!» прысутнічае непаспешлівая, паглыбленая развага філасофскага характару, засяроджанасць на пэўных думках і пачуццях. Тут паэт сам імкнецца разабрацца ў складанасцях зямнога быцця, у хуткаплыннасці і зменлівасці часу, у аднасці чалавека і прыроды. Наогул, паэтычны сэнс «Наперад!», як і кожнага сапраўднага твора філасофскай лірыкі, мнагапланавы, неадназначны, яго вобразная мова часам з цяжкасцю паддаецца перакладу на мову фармальнай логікі. Чым усё гэта выклікана?

«Наперад!» напісаны праз дваццаць гадоў пасля перамогі Вялікага Кастрычніка, калі палітычнае жыццё ў нашай краіне трывала ўвайшло ў свае сталыя берагі, калі сацыялізм поўнасцю перамог на ўсіх франтах. Стабілізацыя палітычнага жыцця абумоўлівала сабой зварот паэтаў да філасофскіх тэм, праблем чалавечага існавання, сувязі чалавека з прыродай і г. д. У сваім вершаваным цыкле Якуб Колас якраз і паглыбляецца ў асобныя з гэтых праблем, імкнучыся выявіць сваё разуменне іх, свае да іх адносіны. Прычым, яму — і гэта асабліва трэба падкрэсліць — дапамагае сама форма санета — чатырнаццацірадкавага твора

своеасаблівай рыфмоўкі, які складаецца з дзвюх чатырохрадковых і дзвюх трохрадковых строфаў. Настаўнік прапануе вучням адкрыць хрэстаматы і пераканацца, што кожны з вершаў, аб'яднаных пад назвай «Наперад!», адпавядае гэтай строгай класічнай форме. Пэўная, адна і тая ж колькасць радкоў вядзе да лаканічнасці, афарыстычнасці паэтычнага выказвання. Своеасаблівая ж кампазіцыя санета абумоўлівае характар разгортвання вобразнай думкі. Як падкрэсліваў М. Багдановіч у артыкуле «Санет», «...у першых васьмі строчках развіваецца тэма санета, у астатнім (вершы — Т. К.) — заключэнне да яе; ставіцца пытанне і даецца адказ: малюецца абразок і выкладаецца паясненне да яго»².

Настаўнік ставіць перад вучнямі заданне прааналізаваць кожны з вершаў трыпціха ў адпаведнасці з законамi санетнай формы. Даўшы ключ да спасціжэння таямніцы санету, да раскрыцця яго «сакрэта», настаўнік, безумоўна, дапаможа вучням, скіруе напрамак іх пошукаў.

Звернемся да першага санета. На самым яго пачатку Якуб Колас перадае сваё пачуццё захаплення прыгажосцю жыцця.

Грымяць мнагаспеўнасцю гукаў супольных,
Як гімн перамогі, вясной ручаі,
І мары аб сонцы струменяць гаі... (101)

Гэтыя радкіносяць характар пейзажнага адлюстравання. Аднак мы ўжо адзначылі, што вершы трыпціха маюць характар філасофскіх разваг. Таму, спрабуючы, як падказаў нам Багдановіч, у першых васьмі радках вызначыць тэму твора, мы не будзем яе шукаць у самім апісанні прыроды.

Прадаўжаючы чытаць верш, уважліва прыглядаемся да чацвёртага радка:

І тоіцца мудрасць у далечых вольных.

Чым жа ён адрозніваецца ад папярэдніх, што ў ім адразу ж звяртае ўвагу? Тут выкарыстаны словы новага лексічнага пласта. Ужо адно толькі слова «мудрасць» надае ўсёй строфе філасафічную афарбоўку. А слова «вольных» набывае таксама выразнасць свайго асноўнага сэнсу. Гэта не звычайнае азначэнне. Яно пастаўлена аўтарам тут абсалютна свядома. Гэтыя словы (словы філасофскага нападўнення) падказваюць нам здагадку: а ці не хацеў аўтар тэмай свайго верша зрабіць думку аб мудрасці волі, свабоды?!

Чытаем далей, пяты і шосты радкі. Звяртаем увагу на слова «бязмежным». Раней мы ўлавілі думку пра мудрасць свабоды, цяпер жа ўзнікае здагадка, што паэта турбуюць нейкія перашкоды, дакладней — межы.

Сёмы і восьмы радкі расшыфроўваюць прыхаваную думку аўтара, сцвярджаюць правільнасць нашых здагадак, дапамагаюць канчаткова вызначыць тэму верша. Якуб Колас гаворыць пра раз'яднанасць родных сыноў адзінай, яшчэ не сабранай сям'і. Сям'я раз'яднана таму, што існуюць межы — несправядлівыя граніцы. Чары блакіту таму і прывабліваюць паэта, што нябесныя, наддольныя прасторы лучаць бязмежныя краі.

Пераканаўшы вучняў, што сапраўды першыя дзве строфы санета фармуюць яго тэму, настаўнік дапамагае раскрыць змястоўнасць другой часткі санету, яго апошніх строф, а затым падагуліць развагі і вызначыць ідэю ўсяго верша.

Думка санета, выяўленая ў першых васьмі радках, у апошніх шасці не толькі канкрэтызуецца, але і выразна пашыраецца. Тут ужо ідзе гаворка не толькі пра «родную сям'ю», але і пра тое, каб наогул «рассунуць граніцы» паміж краінамі. Аўтар марыць, задумваецца. Ён ставіць пытанне: як жа ўспрыме перамены раскутае, неразмежаванае чалавецтва? І дае на яго адказ:

І хто засумуе па новай радзіме?
Ці прыйдзе вялікі той час і калі?

І як яго людскасць раскутая ўспрыме?
Правслаўлена будзе цудоўнае імя
Таго, хто рассуне граніцы зямлі
І мудрасцю праўды краіны абвіме.

У гэтых радках — і мара пра хутчэйшае набліжэнне камунізму, які змяце ўсе граніцы. Разам з тым тут і роздум паэта, выкліканы падзеяй роднай яго Беларусі на дзве часткі — Усходнюю і Заходнюю, жаданне хутчэй «рассунуць граніцы», сабраць разам усю сям'ю — «каб дружба гучала у песнях застольных». Зрэшты, роўна праз два гады — у 1939 годзе — мара паэта ажыццявілася. І Якуб Колас пазней праславіў «вялікі той час» і «цудоўнае імя» савецкіх воінаў-вызваліцеляў, якія падалі заходнебеларускім працоўным руку дапамогі, надзяліўшы іх «новай радзімай».

У другім санеце Якуб Колас малюе прыгажосць навакольнага свету, «справдечную красу», што «разліта» усюды — ад зораў Млечнага Шляху і да «бляску расы». Ён сцвярджае мнагастайнасць праяў жыцця: «усюды разліты жыцця галасы». Сэнс жыцця, усяго існага на зямлі паэт бачыць у «калавароце няспыннага руху», у зменлівасці ўсяго, у пастаянным абнаўленні. Восьмы радок другога санета канчаткова выяўляе яго тэму. Паэт не толькі сцвярджае усюдыіснасць жыцця, але і хоча падкрэсліць, што ў яго праявах ёсць розны сэнс («і многа ў іх сэнсу для чуткага слуху»).

Як жа далей будзе паэт развіваць сваю думку, як яго ўласны «чуткі слух» уловіць гэтае «мноства» галасоў, як здолее ён у ім разабрацца? Чытаем другую палову верша. Тут, кажучы словамі Багдановіча, малюецца абразок і даецца паясненне да яго: тут выказаны дзве думкі, прычым другая пададзена па прыцыпу кантраста да першай. Дапаможам вучням зразумець гэта.

Раджаюцца, гаснуць заранкі і ночы,
Мяняюцца ходы прыліваў і рэк
І ў часах губляецца голас прарочы.
Адзначан для кожнай істоты свой век. (102)

У гэтых радках ад жыцця прыроды паэт пераходзіць да жыцця чалавека. Яшчэ раз сцвярджаючы думку пра мнагастайнасць жыццёвых праяў, іх зменлівасць, аўтар у той жа час надае гэтай думцы новы паварот. Рух і зменлівасць безупынныя, *вечнага* нічога няма! У прыродзе — кожнай істоце адзначаны свой век. У грамадстве — нават прарочыя галасы з часам губляюць сваю моц. Аднак паглыблены філасофскі роздум падказвае паэту і іншую думку. Усё мяняецца, усяму, здавалася, прыходзіць канец. Але чалавек, яго думы, яго справы — вось што самае галоўнае з мноства праяў жыцця, вось што мае непераходзячае значэнне і вечную бессмяротную каштоўнасць. Чалавек (у філасофскім, а не канкрэтным разуменні гэтага слова) не баіцца смерці, ён не падуладны часу.

Жыццё безупынна ўсё крочыць і крочыць,
А разам з ім — вечны юнак-чалавек.

Апошні санет з цыклу «Наперад!» — гэта гімн чалавечай няўрымслівасці, жаданню ўсё ведаць, да ўсяго дайсці сваім розумам. Якуб Колас заклікае чалавека-вандроўніка пазнаць прыгажосць зямлі, прыроды, усё, чым багата зямля, сам чалавек,—

І юнасць людскую, і мудрае слова,
І ясную радасць добра, перамог,
І гэты шырокі, чароўны разлог,
Дзе заўжды прыгожа ўсё, молада, нова.

Санеты з вершаванага цыклу Якуба Коласа «Наперад!» прасякнуты аптымізмам, светлай радасцю, верай у вялікія магчымасці чалавека і вечнае абнаўленне жыцця. Яны выявілі светаадчуванне і светаўспрыманне чалавека новай, сацыялістычнай эпохі. Ён не толькі сын свайго

часу, але і рухаючая сіла гісторыі. Менавіта перад гэтым чалавекам адкрыты «дарогі і новыя далі, і вечнага руху святых скрыжалі».

Калі дазволіць час, настаўнік можа правесці з вучнямі работу па вызначэнню рыфмоўкі санетаў. Знайсці форму, зрабіць яе графічны запіс павінны самі вучні. Неабходна ім толькі нагадаць, што вялікай літарай прынята абазначаць жаночую рыфму (калі націск падае на перадапошні склад), малой літарай — мужчынскую рыфму (калі націск падае на апошні склад). Настаўнік дапаможа раскрыць перад вучнямі выяўленчыя, мастацкія функцыі рыфмоўкі вершаў. У першых васьмі радках кожнага санета, які ўвайшоў у трыпціх, запіс рыфмы такі: АваА АваА. У другой частцы санетаў, як бачым, рыфмы іншыя, не такія, як у першай частцы. Закон санетнай формы не дапускае паўтарэння рыфмаў у розных яго тэматычных частках. Такім чынам, рыфмы першых дзвюх строфаў аб'ядноўваюць іх паміж сабою, звязваюць іх у адно цэлае, дапамагаюць выяўленню той думкі, якую мы назвалі тэмай санета і якая, як мы пераканаліся, выяўляецца менавіта ў гэтых першых васьмі радках твора. Наступныя шэсць радкоў таксама так ці інакш звязаны тэматычна паміж сабою. Таму і тут рыфмоўка мае сваю пэўную заканамернасць. Аднак, паўтараем, рыфмы другой часткі санета маюць сваю самастойную завершанасць, ні ў якім разе не паўтараючы рыфмоўкі першых васьмі радкоў.

Пададзім поўную схему рыфмоўкі кожнага з санетаў:

AbbA	AbbA	CdC	CdC
AbbA	AbbA	CdC	dCd
AbbA	AbbA	CCD	eeD

Гэта схема яшчэ раз падкрэсліць правільнасць нашых назіранняў і разважэнняў, дапаможа зрабіць тэарэтычныя падагульненні па вершу. Вельмі дарэчы тут будзе напамініць вучням, што мастацкая дасканаласць паэтычнага твора складаецца з некалькіх кампанентаў: значнаści ідэйнага зместу, арыгінальнасці вобразнага мыслення і дасканаласці элементаў формы, архітэктанічнай завершанасці. У той жа час работа па вызначэнню структуры санетнай формы даць настаўніку магчымасць правесці з вучнямі гутарку пра складанасць працы паэта, пра існаванне пэўных строгіх законаў паэтычнага мастацтва, не ведаць якіх, не лічыцца з якімі паэт не мае права. Канешне, каноны не павінны станавіцца догмай. Традыцыі могуць узбагачацца, развівацца за кошт наватарства таленавітых паэтаў. Так, доўгі час адзінай дазволенай тэмай санета была любоўная. Пазней тэматыка санета пачала пашырацца за кошт філасофскіх матываў. У канцы XIX стагоддзя выдатны ўкраінскі паэт Іван Франко ўзбагаціў сусветную літаратуру санетамі палітычнага зместу, надрукаваўшы «Турэмныя санеты». Якуб Колас выявіў таксама наватарскі падыход, які заключаецца ў выкарыстанні новага для санетнай формы памеру: замест класічнага пяцістопнага ямба ў санетным трыпціху «Наперад!» арганічна загучаў чатырохстопны амфібрахій.

Работа над вершамі «Да працы!», «Наперад!» падказвае лагічнае завяршэнне ўрока. Настаўнік прапануе вучням падумаць над параўнальнай характарыстыкай твораў. Выкананне гэтага ўвогулле складанага, праблемнага задання аблягчаецца папярэднім грунтоўным аналізам вершаў. Настаўнік замацоўвае думку вучняў пра творчыя пошукі паэта, пра эвалюцыю яго светаўспрымання, пра духоўны рост самога чытача коласаўскіх твораў.

¹ Тут і далей у дужках даюцца старонкі наступнага выдання: Колас Якуб. Збор твораў у 12-ці тамах.— Мінск, 1962, т. 2.

² Багдановіч Максім. Збор твораў у двух тамах.— Мінск, 1968, т. 2, с. 382.

Е. В. СОКОЛОВА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ РЕАЛИЗМА А. И. ЭРТЕЛЯ

Александр Иванович Эртель — один из крупнейших писателей второй половины XIX века. Л. Н. Толстой считал его талантливым человеком, писателем с самостоятельной манерой¹. А. П. Чехов называл его великолепнейшим пейзажистом. И. А. Бунин, перечисляя друзей и современников Эртеля (Гаршина, Г. Успенского, Короленко, Чехова), недоумевал, почему этот большой писатель оказался в числе почти забытых. «А ведь в общем, — писал Бунин, — он был не меньше их, за исключением, конечно, Чехова, — в некоторых отношениях даже больше»². В 1901 году М. Горький хотел пригласить Эртеля сотрудничать в издательстве «Знание» и глубоко сожалел, что не смог этого сделать. «...Адреса Эртелева не знаю, — писал он Бунину. — Сего очень хотел бы просить, ибо — очень его ценю и люблю»³.

В критической литературе Эртель рассматривается обычно в ряду писателей-народников, хотя относить его к народничеству можно только со множеством оговорок. Он часто общался с народниками, печатался в их изданиях, открывал школу для крестьянских ребят, подвергался репрессиям как народник. Но никогда не воспевал «святости» деревенской жизни, как это делали другие писатели-народники, не призывал «суетливую» интеллигенцию идти на «выучку» к мужику, не считал, что Россия в своем развитии может миновать капиталистическую стадию. Не прислушивался он и к голосу тех критиков-народников, которые призывали писать не о том, что есть, а о том, что хотелось бы им видеть в жизни. Литературными учителями его были не столько писатели-народники, сколько А. В. Кольцов, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Г. И. Успенский. О своем отношении к народничеству Эртель писал: «Как доктрина, как партия, как учение «народничество» решительно не выдерживает критики...»⁴. Сила пера Эртеля в том и состоит, что он правдиво отражал в своих произведениях жизнь «освобожденного» крестьянства, поднимал в своих произведениях проблемы, которые требовали безотлагательного решения. Творчество этого большого писателя развивалось в русле самого трезвого реализма.

В 1878 году Эртель впервые побывал в Петербурге, познакомился со многими его достопримечательностями и с общественно-политическими веяниями, распространенными среди демократически настроенной интеллигенции. Через П. В. Засодимского он сблизился с издателем журнала «Русское обозрение» Г. К. Градовским и с его помощью опубликовал рассказ «Переселенцы». Рассказ этот в художественном отношении не представляет особого интереса. Но в нем намечены такие темы, которые позже станут магистральными во всем творчестве писателя. Речь идет о переменах в жизни крестьян, вызванных пресловутым «освобождением», о разрушении старого уклада жизни, о несостоятельности нового жизнеустройства и о долге каждого честного интеллигента по отношению к многострадальному крестьянству. Понятно, что такие широкие по замыслу темы в небольшом рассказе можно было только намечать. Скоро он понял, что для плодотворной писательской работы недостаточно общих впечатлений, нужны глубокие исследования народной жизни, и потому неудивительно, что молодой писа-

тель приступает к изучению достоверных данных о крестьянском кредите, во многом предопределившем положение послереформенного крестьянства. Результаты этого исследования нашли отражение в его «Письмах из Усманского уезда» — произведении, на которое неоднократно потом ссылались, по словам самого писателя, «исследователи народной жизни». Так, художественной оцую, без специальной подготовки молодой Эртель входил в круг писателей-народников, то и дело сталкиваясь в замыслах с такими явлениями, которые явно превышали в то время его писательские возможности или уводили в сторону от намеченного плана.

Петербургские встречи Эртеля с Н. Н. Златовратским, Н. И. Наумовым, Г. И. Успенским, В. М. Гаршиным, С. Н. Кривенко, И. С. Тургеневым духовно обогащали, способствовали его стремительному интеллектуальному росту. Из писателей народнической ориентации наиболее близким для него оказался Г. И. Успенский. Беседы с ним привлекали Эртеля не только правдивостью и искренностью отношения к крестьянству, но и особой исторической логикой. «В Успенском, — писал он, — на меня как бы дохнула трезвым дыханием своим история»⁵. Успенский был близок Эртелю еще и тем, что, подобно ему самому, не принимал народнических идей, не жертвовал во имя их жизненной правдой. Эртель, в сущности, создавал свою теорию, основанную на практическом участии в изменении условий жизни на началах добра и справедливости с применением любых средств, кроме физического насилия.

Жизнь Эртеля, по его же словам, была «вечным горением в делах душевных, общественных и житейских» и протекала в «страдальческих поисках внешней и внутренней гармонии». То же самое, пожалуй, можно сказать и о жизни Г. И. Успенского, также стремившегося к гармонии, хотя и в несколько ином направлении. Основной причиной постоянных душевных волнений Эртеля как раз и было отрицание им насильственных средств борьбы в эпоху вызревания в стране революции. Беда Эртеля, как и Успенского, а в какой-то степени и многих других писателей последних десятилетий XIX века в том именно и состояла, что усвоенный им «здоровый смысл» патриархального крестьянства не был еще всей исторической правдой. И Эртель это чувствовал. Трудно было быть писателем, обладающим большим талантом, энергией и жизнеспособностью и не имеющим ясного представления о том, как и к чему прилагать эти качества. И не оттого ли Эртель более всего ценил в Успенском умение рассказывать о фактах и явлениях жизни так, «что были видны корни и нити, связывающие эти факты и явления с их исторической подпочвой»⁶.

О том, как Эртель представлял себе историческую связь эпох и как это преломлялось в практике его творчества, красноречиво свидетельствует цикл его рассказов «Записки Степняка» (1879—1883).

Давно замечено, что, создавая свои рассказы, Эртель ориентировался на «Записки охотника». Это подчеркивается уже общим заглавием цикла. Без труда угадывается также влияние Тургенева в изображении пейзажа средней полосы России. Но есть и большая разница в подходе писателей к отражению жизни деревни. И объясняется она не только тем, что Эртель имел дело с крестьянством совсем другой эпохи. Тургенев, как известно, и в 80-х годах продолжал ориентировать русскую общественную мысль на цивилизованный Запад. Эртель этого не делал. И не только потому, что он в какой-то мере испытывал влияние народников, стремившихся направить развитие страны по некапиталистическому пути, а главным образом потому, что уродливые отношения, складывавшиеся в современной ему деревне, вызывали в нем отвращение ко всей капиталистической цивилизации. А это уже было то, что в понимании исторического процесса сблизало его не с Тургеневым, а с Некрасовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным и Успенским.

Характеризуя рассказчика, от имени которого ведется повествование в «Записках Степняка», Эртель замечает: «Любимым его писателем был Глеб Успенский, любимым поэтом — Некрасов»⁷. Не случайно, что такие политически острые рассказы, как «Полоумный» и «Обличитель», не вошедшие в «Записки Степняка», хотя и предназначавшиеся для них, посвящались памяти Н. А. Некрасова.

В рассказах «Степная сторона» и «Под шум вьюги» наиболее отчетливо проявляется идейно-художественная основа всего сборника. В первом речь идет о времени и месте действия, историческом прошлом степного края, об особенностях характеров его людей, их отношении к переломным

моментам жизни и тому новому, что входило в жизнь вместе с развитием капитализма. Во втором представлена общая атмосфера жизни степной деревни 70-х годов — то, что удалось рассказчику увидеть и услышать «под шум вьюги», символизирующей начавшуюся в стране суматоху, путаницу, «абракадабру». Назначение этих рассказов — связать настоящее с прошлым, художественно исследовать факты и явления современной жизни в их связи с «исторической подпочвой». То, что намечено в этих произведениях, расширяется и углубляется во всех последующих рассказах. В целом же «Записки Степняка» представляют собой существеннейшее дополнение к тому, что можно узнать о жизни русской деревни из произведений самых больших писателей этого времени, включая Л. Н. Толстого.

Степная сторона в восприятии рассказчика не отличается ни особой красотой природы, ни какими-либо выдающимися качествами людей, ни величием преданий, ни чем-либо другим. Все, что было хорошего в прошлом степняка, давно забылось. «Вечный недосуг, вечное чиновничье и помещичье ярмо как бы обесцветили его фантазию, притупили его память на все необычное, на все выходящее из уровня серенькой, прозаической действительности... Он тих, страшно терпелив, добродушен, но любит разгул, питает склонность к веселой беседе, и в пору этого разгула, во время этой беседы становится раздражительным и буйным... Он в большинстве плохой мирянин, а между тем не может себе представить иной формы землевладения, как общинная».

В степном народе, замечает рассказчик, было не менее плохого, чем хорошего. Нравственность его отличалась жестокостью и страшным невежеством: «Он был таков, каким его воспитало многовековое ярмо». «Тракторная цивилизация» усугубила уродливые стороны крестьянской жизни. Стало развиваться хищничество и, как следствие, — «зашаталась община под напором тысячи плотоядных инстинктов, зашевелившихся в степной глуши»⁸. И все же автор любит свой край, хотя и не может понять самой сути этой любви, насквозь пропитанной «тоскливой печалью».

Основной мотив рассказа «Под шум вьюги» — растерянность. В состоянии растерянности находятся все действующие лица произведения, включая рассказчика. Снежный вихрь, застигший рассказчика в пути, удивительно гармонирует с тем жизненным вихрем, во тьму которого надолго погрузилась деревня со всеми ее обитателями. В эту страшную вьюжную ночь недремлющими были только трактор да пьяные мужики.

Гонимый тоской, «от которой бежать хочется, куда глаза глядят», рассказчик принимает решение ехать к некоему Панкратову. По дороге, под завывание вьюги, провожатый Григорий рассказывает о том, что вся его жизнь проходит в труде, заботах и постоянном страхе перед голодной смертью. Из разговоров Григория с рассказчиком и из отрывочных бесед их обоих с крестьянами — «однодворками» или «барскими» становится все более и более ясным, что особенности крестьянской жизни определяются не какими-то «вечными устоями» с якобы исконно присущей им «поздней земледельческого труда», как говорили об этом народники, а частнособственническими отношениями, в водовороте которых нет и не может быть никакой поэзии.

Крестьяне то и дело жаловались на зависимость своей жизни от помещиков, купцов, тракторщиков, но, будучи формально свободными, во всех своих бедствиях обвиняли самих себя, считали основной причиной разорения хозяйств свою же нерасторопность, невежество, бескультурье.

В конце рассказа автор устами ходока совсем уж по-некрасовски объясняет причины распространившегося в крестьянской среде пьянства, воровства и других пороков: пьянство от непомерного для них труда, разорения, неуверенности в завтрашнем дне, воровство — «от кабатчиков больше...».

В рассказе нет острых конфликтов. Занимательность его сюжета определяется прежде всего самой постановкой глубоких общенатересных проблем, а также тревогой за судьбу рассказчика и сопровождавших его людей, блуждающих по завьюженной степи. Путники в течение ночи несколько раз оказываются на самом краю гибели и всякий раз неожиданно для себя выходят из казалося бы безвыходного положения. Рассказ интересен еще и тем, что в нем как бы вопреки всем ужасам жизненных обстоятельств прославляется народная, ничем нестремимая, жажда жизни.

Рассказ «От одного корня» свидетельствует о том, что Эртель уже в самом начале писательской деятельности не связывал своих идеалов с

крестьянской общиной. Общий тон этого рассказа мало чем отличается от предыдущего. Разговоры рассказчика с соседями и мужиками степного хутора сопровождаются пространными описаниями на редкость дождливой осени. Грязь, гниль, бездорожье — обязательные элементы всех изображенных в рассказе пейзажей. Долгие дожди стали для рассказчика такими же привычными, как разговоры о газетных и уездных новостях, сплетни. Автор всячески подчеркивает полнейшую беспристрастность рассказчика к тому главному, о чем он хочет рассказать людям. А это главное состоит в очень ярком сопоставлении типов двух крестьян, выслушав которых, рассказчик крепко задумался о судьбах деревни. «Ведь вот от одного корня, — рассуждал он, — из одной стороны, из одной среды, из одной деревни даже, при одинаковых условиях росли, одинаковые напасти испытывали... И вышло какое-то недоразумение... С одной стороны: «главное дело — свинья, с другой — «мир»... За кем победа? За кого «будущее?»»⁹ Ответа на эти вопросы писатель не дает и, видимо, не может дать, хотя симпатии и антипатии его проявляются ясно.

Одним из этих крестьян был Василий Мироныч — разбогатевший на торговле мужик, кулак-мироед, «серый министр», как его звали односельчане. В приведенной здесь формуле направлений в деревенской жизни он представляет собой, конечно, свинью. Что же касается «мира» с его глубокими традициями, но подвергшимися разложению еще в дореформенное время, то он представлен в рассказе Трофимом Кузькиным — человеком лет сорока, с бледным лицом и «безмятежным взглядом, полным какой-то тихой, ласковой радости».

По всему видно, что писатель бесконечно любит Трофима, сочувствует ему, но осознает, что человек этот весь в прошлом и что цепляется он, по существу, за то, чего уже почти не было в деревне, и что высокая человечность его, доброта и отзывчивость каким-то чудом удерживаются на зыбкой почве жалких остатков разложившейся общины. Но в то же время писатель хорошо осознает, что будущее деревни не может строиться и по «линии» Василия Мироныча, так как эта «линия» не отвечает элементарной человечности. Судя, однако, по тому, как процветает Василий Мироныч и как бедствует Трофим, можно сказать, что побеждает пока свинья в человеческом облике, но это далеко не последнее слово в истории развития крестьянской жизни. Эртель глубоко верит в человека и никак не может смириться с положением, при котором прекрасные умственные и духовные возможности, заложенные в нем, обращались бы против него самого.

В этом рассказе Эртеля ощущается некоторая переключенка с «Записки охотника». Но в данном случае нас интересует не столько манера повествования, близкая к манере Тургенева, особенно в той части, где рассказывается о выезде Степняка на охоту и о встрече его с Трофимом, сколько характеры и поведение действующих лиц, напоминающие тургеневских Хоря и Калиныча. Ни в рассказе Тургенева, ни в рассказе Эртеля судьбы героев не ставятся в зависимость от правительственной политики. Характеры их определяются исторически сложившимися условиями жизни, иначе говоря, экономическими отношениями. Умный, практичный Хорь и бесконечно добрый с артистически тонкой душой Калиныч в эпоху крепостничества, когда крестьян не считали людьми, воспринимались как укор помещикам-крепостникам, а в конечном итоге и как протест против рабства. Герои же эртелевского рассказа Василий Мироныч и Трофим, наделенные соответственно близкими героям Тургенева качествами, в эпоху складывавшихся в стране буржуазных отношений настолько разошлись, что в скором времени сами станут осознавать себя врагами, хотя и произошли «от одного корня».

В рассказах «Записки Степняка» обнаруживается прекрасное знание молодым Эртелем самого духа прогрессивной русской литературы, в которой нашли отражение исторические судьбы народа. Эртель ни в чем не повторяет своих предшественников, но, читая его рассказы, нельзя не вспомнить и о «Капитанской дочке», и о стихотворении Лермонтова «Родина», и о стихотворении Кольцова об обездоленной народной жизни, и о «Записках охотника», и о поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», и о «Нравах Растеряевой улицы» Г. Успенского. Вот уж постине: всякое новое немыслимо без старого, оно никогда не строится на голом месте.

Реализм Эртеля, выражающий авторские симпатии по отношению к крестьянству, приобретает особое значение благодаря своей открыто критической направленности против господствующих классов.

¹ См.: Литературное наследство.— М., 1939, кн. 37—38, с. 465.

² Бунины И. А. Собр. соч. в девяти томах.— М., 1967, т. 9, с. 414.

³ Горький М. Собр. соч. в тридцати томах.— М., 1955, т. 29, с. 88.

⁴ Эртель А. И. Письма.— М., 1909, с. 243.

⁵ Глинка-Волжский А. С. Глеб Успенский в жизни.— М., 1935, с. 327.

⁶ Там же, с. 32.

⁷ Эртель А. И. Записки Степняка.— М., 1958, с. 4.

⁸ Там же, с. 14—15.

⁹ Там же, с. 74.

Т. В. КОВАЛЕВА

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА И ЖОРЖ САНД

Богатый и интересный материал для сравнительного исследования русской и французской литератур предоставляет творчество И. С. Тургенева и Ж. Санд. У обоих писателей в произведениях, созданных ими независимо друг от друга, проявляются общие тенденции в идейном содержании, сюжете, принципах изображения характеров, в особенностях композиции и художественного стиля. Поэтому творчество Ж. Санд и Тургенева в типологическом плане сопоставимо и может служить предметом сравнительного изучения.

В творчестве Ж. Санд и Тургенева есть область, в которой с наибольшей силой проявляется близость художественных видений писателей, — изображение идеального женского характера. Ж. Санд и Тургенев — певцы возвышенной любви, чувства глубокого и сильного, нравственно просветляющего человека, поднимающего его над прозой повседневной жизни, — создали целую галерею женских образов, покоряющих читателя обаянием красоты и духовного величия. Героинь Ж. Санд и Тургенева объединяет цельность характера, нравственная чистота, способность к сильному всепоглощающему чувству, самоотверженность, жажда деятельного добра, неприятие ханжеской морали собственнического общества.

Ж. Санд пришла во французскую литературу со своей собственной темой — темой эмансипации женщины. С первых же произведений образами свобододолюбивых, сильных духом, мятежных героинь она утверждала мысль о необходимости изменения общественных законов, согласно которым женщина обречена на экономическое и духовное рабство, выступила против лицемерия буржуазного института брака, отстаивала право женщины самой решать свою судьбу. С именем Ж. Санд, которую Ф. Энгельс назвал мужественной защитницей прав женщин¹, связывают движение за раскрепощение женщины. «Жорж Санд и женская эмансипация.. как-то слились в одно...», — писал русский журнал «Дело»².

Судьба русской женщины, ее чаяния и надежды — одна из проблем, волновавших Тургенева. Во взглядах на роль женщины в обществе писатель был близок к В. Г. Белинскому и революционным демократам 60-х годов. «Блестящее будущее за тем народом, который поставит женщину не только наравне с мужчиной, а выше его», — говорил он³. В период работы над романами «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», повестью «Ася», создавая образы замечательных русских девушек, И. С. Тургенев в первую очередь опирался на факты русской жизни, на опыт предшествующей русской литературы, что не исключает и возможности литературного влияния Ж. Санд.

Уже в первом романе Ж. Санд «Индиана» (1832) перед читателем предстает сильный женский характер, находящийся в глубоком конфликте с обществом и в борьбе с ним отстаивающий свою духовную независимость, право на свободу чувства. Индиана — натура страстная, цельная, самоотверженная. В любимом человеке для нее заключается целый мир, с ним она связывает надежду на освобождение от семейного рабства, мечту о будущем счастье. Она решается на разрыв с мужем, бросая тем самым открытый вызов ханжеской морали аристократического общества. Но ее любимый Реймон, мелкий и эгоистичный человек, не способен оценить самоотверженную любовь Индианы, красоту ее души. Он уговаривает Индиану вернуться к мужу. Для Реймона карьера, успех в обществе — главное в жизни, он весь во власти аристократических предрассудков. Прощальное письмо Индианы обличает моральную трусость, внутреннюю несостоятельность

Реймона, его неспособность в решающий момент перейти от слов к действию.

Подобно Индиане героиня повести И. С. Тургенева «Ася» — необычная девушка со страстной и нежной, гордой и прямой натурой, готовая идти за любимым человеком «далеко, на молитву, на трудный подвиг». Ася ищет деятельности полезной для людей, а «то дни уходят, жизнь уйдет, а что мы сделали?»⁴ Светла и прекрасна ее первая чистая любовь, неудержим порыв к счастью, к свободе, у нее «крылья выросли». Но лучшие стремления Аси разрушаются в столкновении с эгоизмом и безволием пустого человека, показавшегося ей героем. Несостоятельность героя повести, характерный для него разрыв между словом и делом сближают его как с образами «лишних» людей русской литературы, так и с некоторыми мужскими персонажами Ж. Санд. Любовь у Ж. Санд и Тургенева является своеобразным испытанием в определении духовной и социальной значимости героев. Не выдержавшие его терпят поражение и в общественной деятельности. Более полно эта тема раскрыта в романах «Орас» и «Рудин»⁵.

У Ж. Санд и Тургенева женщина во многих случаях неизмеримо выше мужчины в нравственном отношении, превосходит его силой характера, энергией и решительностью. В их произведениях женщины нередко — единственные положительные персонажи, они выражают писательский идеал, позитивную программу.

Однако в произведениях Ж. Санд и Тургенева действуют и другие мужчины и женщины, для которых характерны иные отношения. Такие герои, как Эдме («Мопра»), Эжени («Орас»), Консуэло, Лиза («Дворянское гнездо»), Елена («Накануне») отдают свою любовь человеку, достойному глубокого, сильного и искреннего чувства, одухотворенному большой идеей, разделяющему убеждения и надежды женщины, поддерживающему ее на жизненном пути. Здесь любовь изображается как союз равных по своему духовному и нравственному облику людей.

Таким образом, в созданных Ж. Санд и Тургеневым женских образах наблюдается много общего. Оба писателя воспели физическую и душевную красоту женщины, создали сильные, яркие, цельные женские характеры. Ж. Санд и Тургенев выступили против ханжеской морали общества собственников, за семью, основанную на взаимной любви и духовной близости обеих сторон, провозгласили красоту свободного человеческого чувства. Но все это не исключает и существенных различий между ними в трактовке темы.

Индиана, Леллия, Валентина, Марта — образы, созданные творческой фантазией писательницы как воплощение «идеальной правды». Они живут и действуют в совершенно необычной, часто экзотической обстановке, преодолевают самые невероятные препятствия, из которых всегда выходят победительницами. Женщины Ж. Санд прекрасны, добродетельны, рассудительны, они — само совершенство. Изображение человека не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть, вело к идеализации, приукрашиванию жизни. Так, Тургенев в 1857 году в письме к Полине Виардо отмечал отсутствие правды в характере главной героини романа Ж. Санд «Даниэлла»⁶.

Женские образы И. С. Тургенева — результат наблюдений над русской жизнью. Он показывает влияние общественной среды, в которой протекает жизнь героинь, те идейные и материальные условия, которые сформировали их духовный мир. Тургеневские девушки сложнее, многограннее, противоречивее и, если можно так выразиться, идейнее женских характеров Ж. Санд. В своем избраннике они видят наставника, руководителя на пути к новой жизни, любовь у них всегда рождается на почве духовной близости и связана со стремлением к высоким общественным идеалам.

У героинь Ж. Санд любовь более эмоциональна, традиционна. Это прежде всего глубокое личное чувство. Поднимая бунт против семейного деспотизма, они в конце концов находят свое счастье в союзе с достойным человеком: Индиана с Ральфом, Марта с Полем Арсеном, Консуэло с графом Альбертом. У Тургенева любовь героинь почти всегда трагична: не состоялось счастье Аси, внутренне сломлена Наталья Ласунская, ушла в монастырь Лиза Калитина, да и Елена Стахова не долго была счастлива: смерть Инсарова оборвала их совместную жизнь. Решение Тургеневым темы любви соответствовало традициям реалистической русской литературы, «натуральной школы» и больше отвечало правде жизни.

Женщинам идеальным противопоставлены в произведениях Ж. Санд и

Тургенева женщины-хищницы, натуры трезвые, практические, нарочито заземленные. Их отличают бедность духовного мира, неспособность к подлинному глубокому чувству, чудовищный эгоизм, нравственная развращенность. Это виконтесса де Шайи («Орас»), Варвара Павловна Лаврецкая («Дворянское гнездо»), Марья Николаевна Полозова («Вешние воды»).

Нередко любовь изображается писателями как проявление некоей стихийной и разрушительной силы, неподвластной и враждебной человеку. Она подчиняет себе все существо героя и в конце концов приводит его к гибели. Именно так трактуется тема любви в одном из «венецианских» романов Ж. Санд «Леоне Леони» и в повестях Тургенева «Переписка», «Вешние воды». Умирая вдали от родины, Алексей Петрович, герой тургеневской «Переписки», в предсмертном письме почти в тех же словах, что и Жюльетта («Леоне Леони»), объясняет причину своей несчастной любви вмешательством разрушительных, неподвластных ему сил.

И тем не менее для Тургенева и Ж. Санд прежде всего характерно глубокое уважение к личности женщины, преклонение перед ее нравственным и духовным величием, демократичность в решении женского вопроса.

Творческая близость Тургенева и Ж. Санд ощущается не только в идейном освещении женских характеров, но и в их художественном воплощении, в соприкосновении русского писателя с поэтикой романтизма. Особенно наглядно это проявляется в портрете. Портрет у Ж. Санд не индивидуализирован, его функция состоит в том, чтобы создать у читателя определенное настроение от встречи с героиней, вызвать необходимые автору эмоции. Тургенева также мало интересуют подробности внешности героинь. Он набрасывает их портреты как бы пунктирными линиями, создавая их общий контур. Как и у Ж. Санд, у русского писателя портрет служит цели эмоционального воздействия на читателя, формируя настроение, необходимое для правильного восприятия образа. Описания внешности идеальных женщин у Ж. Санд и Тургенева окрашены авторской симпатией и глубоко лиричны. Для усиления эмоционального воздействия портрет строится на основе широкого использования поэтической образности: эмоционально-оценочные эпитеты, развернутые сравнения, метафоры.

Отмечая близость творческой манеры Ж. Санд и Тургенева в области портретной живописи, проявившуюся в невнимании к подробностям, деталям внешнего облика героинь, в стремлении передать в первую очередь впечатление, а не зрительный образ, нельзя в то же время не видеть и различий между писателями.

У Ж. Санд внешность героини, как правило, описывается при ее первом появлении. В дальнейшем это изображение не претерпевает существенных изменений. Так, однажды нарисовав портрет Валентины в одноименном романе, Ж. Санд больше не возвращается к нему. В романах И. С. Тургенева портрет в большинстве случаев динамичен и служит цели углубления психологической характеристики образа.

Ж. Санд для изображения внешности своих героинь использует ограниченный набор художественных деталей. Так, характерными атрибутами портрета ее женщин являются бледность, черные глаза, волосы воронова крыла, высокий рост. В палитре Ж. Санд нет полутонов и оттенков, что порождает своего рода романтический штамп в ее портретной живописи. Индиана, Лелля, Эдма, Консуэло внешне выглядят как близнецы. Тургеневские девушки, близкие по духовному складу героиням Ж. Санд, во внешнем облике сохраняют отличительные черты, не напоминая и не повторяя друг друга. Они в большей степени, чем героини французской писательницы, психологически индивидуализированы. Страстная, порывистая Ася внешне не похожа на «тихую» (эпитет, неоднократно употребленный Тургеневым), ясную, но мужественную Лизу Калитину или героическую Елену Стахову.

Тургенева сближает с Ж. Санд и широкое использование романтического стиля в речи положительных персонажей. Обычно это наблюдается в момент наивысшего душевного подъема, когда язык героев приобретает торжественный, возвышенный, патетический характер. Стиль романтического повествования часто наблюдается и в пейзажных зарисовках Тургенева. Примером такого пейзажа может служить картина лунной ночи в «Дворянском гнезде» (С., VII, 212—213). Здесь употребление эмоционально-окрашенных эпитетов («молодая расцветающая жизнь», «безмолвная, ласковая ночь», «благовоная глубина»), приема повторения («ночь, безмолвная, ласковая ночь...»), неопределенных местоимений (что-то, как-то), слов, обо-

значающих оттенки и полутоны (неожиданно странно, таинственно-приятное), ярких сравнений («свет... падал пятном дымчатого золота») придает повествованию романтический характер, усиливает его эмоциональное воздействие на читателя.

Ж. Санд и Тургенев мастерски изображают явления природы. Пейзаж в их произведениях чаще всего играет роль психологической параллели по отношению к состоянию героя и служит средством раскрытия его настроения.

Сравнительное изучение творчества Ж. Санд и Тургенева в его типологическом аспекте не только дает возможность более глубокого проникновения в художественный мир писателей, но и позволяет установить некоторые закономерности европейского литературного процесса середины XIX века. Характерной чертой реализма вообще, и русского в частности, в этот период является его творческое взаимодействие с романтизмом. И. С. Тургенев, крупнейший представитель психологического течения в русском реализме, не только начал свой творческий путь как романтик, но и на протяжении всей писательской деятельности использовал достижения романтического искусства. В свою очередь романтизм середины века, и творчество Ж. Санд как его крупнейшего представителя, испытывают влияние утверждающегося в этот период реализма. Оставаясь по способу обобщения действительности романтиком, писательница, однако, берет на вооружение то новое, что принес в литературу реализм Бальзака — изображение человека в сложных взаимоотношениях с обществом. В произведениях Ж. Санд 40-х годов появляется герой, характер которого во многом определяется средой, его окружающей. Так, взгляды и поступки Бернара Мопра, Ораса обусловлены условиями их жизни, полученным в юности воспитанием.

В середине XIX века как в русской, так и во французской литературах наблюдается процесс взаимообогащения художественных систем: романтизм вбирает в себя достижения нового реалистического искусства, а писатели-реалисты опираются в своем творчестве на завоевания романтиков, что ощутимо проявляется в творчестве Ж. Санд и Тургенева.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 533.

² Дело, 1870, № 10, с. 168.

³ И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников.— Л., 1930, с. 323.

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 28 томах. Сочинения.— М.— Л., 1960—1968, т. VII, с. 99. В дальнейшем все ссылки на сочинения и письма Тургенева даются по этому изданию в тексте статьи с указанием в скобках серии, тома и страницы.

⁵ Сравнительный анализ этих произведений дан в работах: Каренин В. Л. Тургенев и Жорж Санд: Тургеневский сборник. / Под ред. А. Ф. Кони.— Пб., 1921; Батюто А. Тургенев-романист.— М., 1972, с. 302—310.

⁶ См.: Иностранная литература, 1971, № 1, с. 183.

РОМУАЛЬД МАХАЛИНЬСКИ

ДЕТСКИЕ ХАРАКТЕРЫ В НОВЕЛЛИСТИКЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

В одном из дневников Андрей Платонов (1899—1951) записал: «Любовь к ребенку — любовь к роднику своей души»¹. Судьба детей занимает довольно большое место в творчестве писателя. Его произведения о детях поражают богатством психологического содержания, умением глубоко и пластично показать переживания. Способность тонко и правдиво изобразить натуру, путь ребенка к духовному созреванию, смену настроений в его душе ставит Платонова в ряд лучших знатоков детской психики в русской советской литературе.

Детская судьба привлекла столь пристальное внимание автора «Джана» не случайно. Детство самого писателя прошло в нищенских условиях дореволюционной рабочей Ямской Слободы на окраине Воронежа. Тяжелое материальное положение семьи вынудило ребенка рано повзрослеть. Этому периоду жизни писатель посвятил автобиографический рассказ «Семен», в котором он создает картину детства без детства, показывает момент нравственного перелома в процессе духовного формирования человека. Семилетний герой рассказа решает заменить семье умершую мать. Платье-капот

матери, которое надевает Семен, становится символом глубоких нравственных перемен, происшедших в душе мальчика, символом его первого шага во взрослость. Ему «хотелось поскорее стать похожим на женщину и на мать, потому что иначе все дети перемрут и отец не будет работать»².

Польский литературовед Рене Сливовски замечает, что «Семен» напоминает рассказ польского писателя Болеслава Пруса «Антек». «Но в сопоставлении с «Семеном» новелла нашего позитивиста, такого чувствительно к людским бедам, звучит почти как идиллия. Ведь трудно представить себе большую нищету, большее унижение, чем то, что должен был пережить в детстве Семен (и Платонов) — в детстве, лишенном какой бы то ни было радости, наполненном неустанной заботой не только о себе, но об обеспечении минимальным пропитанием многочисленной семьи»³.

Подтверждением справедливости этого тезиса служат слова из письма Андрея Платонова своей будущей жене: «Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности»⁴. Это же могут сказать о себе и маленькие герои рассказов «Алтеркэ», «На заре туманной юности», «Свет жизни» и других. Сироты и полусироты при сражающихся на войне отцах, они растут без родительских ласки, заботы и ума. И самая светлая пора жизни поэтому ассоциируется у них с мечтой о куске хлеба, а не о прекрасной утренней розе Маленького Принца.

Пятилетний герой одноименного рассказа Алтеркэ не знает своей матери вообще, она умирает после родов. Существование отца с сыном, вынужденных ютиться на половине кухни, снятой у мельничного приказчика, доведено до предела нищеты. Может быть поэтому в душе мальчика живет столь острое чувство жалости и сострадания к обездоленным живым существам: людям, животным, птицам. Платонов подчеркивает, что способность к состраданию — свойство глубоких и одаренных натур, и именно таким изображает Алтеркэ: «На это время он переставал скучать, потому что чужая жизнь занимала его сердце больше своей»⁵.

Структурой образности, стилистикой, всем идейно-художественным пафосом своих произведений А. Платонов утверждает гуманную и значительную мысль о духовном богатстве маленьких тружеников, детей, лишенных детства.

В литературе 20 — 30-х годов нашего столетия детская тема нашла свое воплощение в рассказах М. Шолохова, А. Гайдара, в повестях и романах В. Катаева, А. Макаренко, Н. Островского. Однако наиболее полно и концентрированно она представлена все же в новеллистике Андрея Платонова. Продолжая и развивая лучшие традиции своих предшественников и современников, писатель пошел в освоении этой темы собственным путем. Он сталкивает детей с важными философскими и моральными проблемами, утверждает непреходящую ценность великих идеалов детства, причем все это реализуется у него посредством тонкого и точного психологического анализа.

Герои рассказов А. Платонова поставлены часто в очень сложные драматические обстоятельства. Это не только соответствовало правде жизни, но и позволяло исследовать формирующиеся характеры в ситуациях экстраординарных, обнажающих их глубинную суть. Так, десятилетний Аким из рассказа «Свет жизни», желая облегчить жизнь своей семье, решает жить у чужой женщины: «Пускай мою долю родные съедят — у нас шесть душ, я седьмой, рта большие, а я у тебя буду, тебе ведь скучно, ты хромая, сидишь в избе, а теперь я с тобой — тебе лучше»⁶.

Бесспорно, в обращении к подобным драматическим ситуациям прозаiku угрожала опасность сблизиться на нитонацию сентиментальной слезливости. А. Платонов, обладая достаточным чувством меры и вкуса, счастливо избегал этой крайности. О горестях и невзгодах маленьких людей он рассказывает со сдержанной внутренней силой и простотой, что придает повествованию необходимую объемность и полифоничность.

В рассказах Платонова звучит и характерный для него мотив личной ответственности человека за судьбы окружающих его людей. Рано повзрослевшие герои прозаника не боятся отвечать за других, проблема выбора решается ими альтруистски. Таким является Семен, такова Ольга — героиня рассказа «На заре туманной юности», которая делает все для подруги Лизы, такова девятилетняя Наташка из рассказа «Июльская гроза». Защищая от грозы своего четырехлетнего брата Антошку, она ведет себя как мать, сердце которой полно любви к ребенку: «Наташка измучилась вся. Она остановилась, села возле ржи и изо всех сил прижала к себе вымокше-

го Антошку, чтобы хоть он остался живым и теплым около нее, если сама она умрет. Но ей подумалось, что вдруг Антошка помрет, а она одна уцелеет, и тогда Наташа закричала криком, как большая женщина, чтобы ее услышали и помогли, ей показалось, что хуже и грустнее всего было бы жить последней на свете»⁷.

В образах Наташи, Алтеркэ, Ольги и других воплощена нерушимая ценность человеческой жизни—любовь к человеку. Счастливым, по Платонову, может быть лишь тот, кто сможет стать «средством для счастья других». Тема жизни-посвящения появляется у Платонова очень рано и решается, в отличие от большинства современных писателей, через образы детей, думающих и действующих наивно, но прямо и честно. Жить для других учит детей и пример старших, утверждающих это жизненное кредо собственной кровью на войне, собственными жертвами и потом в напряженном ритме трудовых буден, своей ежедневной готовностью помочь людям («Июльская гроза»). Старики ассоциируются у него с идущей от земли жизненной мудростью, с теми высокими и вечными истинами, к которым постоянно должен стремиться человек. Старики помогают детям делать первые шаги в «прекрасном и яростном мире», отвечают на сотни вопросов, неизбежно возникающих в этот удивительный период жизни, когда все впервые и все так интересно. В рассказе «Цветок на земле» изображены мальчик Афоня и его девяностолетний дедушка Тит. Афоня просит старика: «А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про все!»⁸ И дедушка объясняет внуку одну из жизненных истин: «Ты видишь: песок мертвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живет и не дышит: он мертвый прах... А цветок, ты видишь жалконький такой, а он живой, и тело себе создал из мертвого праха. Стало быть он мертвую сыпучую землю обращает в живое тело и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное на белом свете, вот тебе и есть откуда все берется. Цветок этот—самый святой труженик, он из смерти работает жизнь»⁹. Исподволь, незаметно и без излишней дидактики Платонов приводит своих героев к пониманию философского закона диалектической взаимосвязанности жизни и смерти, умирающего и рождающегося, к утверждению непрерывности и необходимости жизни. Эта философская подсветка основных образов и мотивов позволяет включить новеллистику Платонова в контекст общефилософских поисков русской классической литературы, всегда стремившейся к осмыслению высоких и вечных категорий и истин.

Так, Платонов сталкивает своего маленького героя с одной из самых значительных тайн бытия—смертью. Дети знают, что наравне с жизнью существует и смерть. Ее они считают естественным завершением жизни и принимают без страха и отчаяния (Ольга, Семен, Егор из рассказа «Железная старуха», Сергей из «Маленького солдата» и др.).

Но сколь драматичными и даже трагичными ни были бы обстоятельства, в которые поставлены герои Платонова, пафос его произведений остается жизнеутверждающим, оптимистичным. Диалектика жизни и смерти решается писателем в пользу жизни.

Этой философичностью письма, умением за внешним событийным рядом увидеть глубинные и вечные вопросы человеческого бытия и объясняться, на наш взгляд, наиболее удачно прозаик Платонов. Писатель необыкновенно точно и объемно умеет передать сиюминутность бытия, вкус и аромат остановленного мгновения времени. Но на высветенных из толпы случайных и неслучайных, рождающихся и умирающих лицах мы явственно видим отблески высокого огня Вечности. Это стремление к постижению философии жизни, философии времени реализуется у прозаика посредством экспрессивных, пластичных образов, многомерной подтекстовости письма, посредством гибкой, отточенной, аналитической платоновской фразы. В прозе Платонова нередко происходит слияние философской мысли, психологического анализа, гротеска, лиризма. «У Платонова это слияние реализуется на уровне отдельных предложений, а точнее, в любом ситуативно-образном отрывке»¹⁰. Все эти особенности его стиля характерны и для произведений о детях.

Создавая образы детей, А. Платонов утверждает глубокую мысль о том, что в них проявляется закодированная в человечестве любовь к будущему. Думается, что обращение к детям и детству понадобилось писателю для того, чтобы еще раз напомнить о тех высоких и чистых идеалах, к которым будут вечно обращаться люди и без которых он не мыслит себе человека нового, коммунистического будущего.

- ¹ Literatura radziecka, 1973, № 6, s. 109.
² Платонов А. Потомки солнца.— М., 1974, с. 331.
³ Sliwowski R. Rodowód mistrza. (W:) Dawni i nowi.— Warszawa, 1967, s. 78.
⁴ Волга, 1975, № 9, с. 161.
⁵ Платонов А. Потомки солнца, с. 130.
⁶ Платонов А. Течение времени.— М., 1971, с. 413.
⁷ Платонов А. Рассказы.— М., 1962, с. 128.
⁸ Там же, с. 238.
⁹ Там же, с. 239.
¹⁰ Romapowski Z. Wszyscy ludzie i cała ziemia.— Nurt, 1971, № 2.

Е. А. ЛЕОНОВА

О НЕКОТОРЫХ КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССКАЗОВ И. БОБРОВСКОГО О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Крах фашистского государства и его армии не был концом немецкой нации. Для того, чтобы определить дальнейший путь Германии, чтобы в сознании миллионов немцев произошел коренной перелом, надо было вскрыть причины возникновения фашизма, его истоки, его корни. Одним из тех, кто взял на себя осуществление этой огромной задачи в литературе ГДР, был Иоганнес Бобровский. Творчество И. Бобровского тесно связано с темой второй мировой войны, а его книги о далеком прошлом — это одновременно книги и о прошлом недавнем: о фашизме и войне. Но есть в творчестве писателя и произведения, которые непосредственно изображают события периода фашизма и войны. Это многие стихотворения и несколько рассказов: «Пророк», «Плясун Малиге», «Мышиный праздник», «Темно, мало света». Рассказы И. Бобровского, «подобно зеркальной поверхности, отражают горизонт его творчества: ответственность... совинновость...»¹.

Вплотную к теме совинновости и ответственности И. Бобровский подходит в рассказе «Мышиный праздник». Молодой солдат вермахта, находясь на оккупированной польской территории, вроде не совершает никаких преступлений. На первый взгляд, он «немец нестрашный»². Но писатель апеллирует к памяти свидетелей и участников войны и к разуму тех, кто не испытал ее ужасов, но знает о войне по рассказам и до сих пор видит ее последствия. Объективно и этот немецкий солдат виновен, ибо пришел на чужую землю как захватчик. «Теперь для нас все они одинаковы» (123), одинаковы, потому что участвуют в осуществлении преступных планов Гитлера.

Еще менее похож на фашиста плясун Малиге из одноименного рассказа. Он — против войны, он даже не верит в нее, ведь «там, за Мазурами, есть города, которые хранят еще следы прошлой», а кроме того — «есть еще и пакт о ненападении» (131). Но и с Малиге (как и с самого себя) автор не снимает ответственности за происходящее. В этом убеждают заключительные строки рассказа, в которых ощущается сознание вины перед людьми, тревога и смутное беспокойство, вызываемые воспоминаниями о войне: «И еще я знаю, что наступает вечер. После всего, что было... И мы могли бы перейти мост и побродить по городу в этот ночной час, если бы нас не ждала неизбежная встреча с самим собою...» (135).

Рассказ «Темно, мало света» представляет собой своеобразный итог в короткой прозе И. Бобровского. Здесь тема второй мировой войны органически соединена с темой непреодоленного прошлого в Западной Германии.

Сам писатель указывал на особенности раскрытия одной и той же темы в своей поэзии и прозе. «Это касается выбора изобразительных средств, который производится по своим особым законам»³.

Главное, что позволяет отнести миниатюры И. Бобровского к жанру рассказа, — это, на наш взгляд, их разговорность, сказовость. (Прав был С. Залыгин, когда писал: «Рассказ в языке своем, во всем своем облике отражает наличие писателя не столько даже пишущего, сколько рассказывающего, собеседующего»)⁴.

Разговорный характер рассказам И. Бобровского придает, в первую очередь, особый строй языка. Писатель предпочитает такое сцепление слов и предложений, которое не претендует на строгую логичность, а придает

речи героев яркую выразительность. Интонация языка И. Бобровского — житейская, разговорная. От рубленых фраз он может неожиданно перейти к длинным предложениям, от точных, метких выражений-штрихов — к многословно; подчеркнутая дистанция между автором и героем, создаваемая с помощью иронии, сменяется фамильярным замечанием, вроде «славный человек наш П.».

Большую роль играет в создании сказовой, разговорной речи выбор способа повествования: от третьего или от первого лица. У И. Бобровского эти два способа вообще трудно разграничить, они не существуют у него «в чистом виде». В «Мышином празднике» повествование ведется от третьего лица и с этой точки зрения, по сравнению с остальными тремя рассказами, наиболее объективно. Но и здесь присутствие автора обнаруживается введением фразы: «Что ж, посидим и посмотрим» (122). В «Про роке» и «Плясуне Малиге» это «мы» встречается или подразумевается уже часто: «мы встанем», «рядом с нами окажутся», «наш знакомый», «мы-то знаем», «мы расскажем» и т. п. Это усиливает «эффект присутствия» автора, создает интимный, даже заговорщический тон его беседы с читателем и одновременно со своими героями. Но в этих двух рассказах есть моменты, когда «мы» переходит в «я», т. е. присутствие автора уже не подлежит сомнению: «я думаю», «я сказать не берусь». Таким образом, авторское «я» — одно из слагаемых «мы», а это подчеркивает близость автора и к читателю, и к герою. Следовательно, есть рассказчик, который от своего лица, от своего «я» ведет рассказ: «Я знаю только то, что рассказал...» (137) и т. п.

Рассказ «Темно, мало света» ведется от первого лица — от лица г-на Фенске, западноберлинского жителя, — конечно, до того момента, пока он не передоверяет повествование тому или иному посетителю «Охотничьего домика».

Позиция и взгляды автора и рассказчика ни в одном из рассказов полностью не совпадают. Автор знает больше, видит дальше и глубже. То, что сближает их, — это тревожное настроение, беспокойная совесть, заставляющая вновь и вновь вспоминать прошлое и вглядываться в настоящее. Автора и рассказчика роднит тонкое поэтическое восприятие мира, мечтательность. А главное — сходство судеб, которые определила война.

От роли автора в определенной мере зависит композиция произведения. В рассказах И. Бобровского эта роль далеко не «служебная», и ее наличие объясняется отнюдь не просто стремлением связать в единое целое разные события. Личная авторская интонация является организующим началом, придает повествованию разговорность, сказовость. Не будь этой интонации — не было бы и рассказов, т. е. они не были бы рассказами И. Бобровского.

Автор родствен своим героям, родствен нам, и это такое родство, которое превышает простого кровного. Порой кажется, что не он, а мы думаем и говорим, настолько нам понятны его мысли, настолько мы вовлечены в разговор. Что касается размышлений автора и героев, то они настолько переплетены в рассказах И. Бобровского, что часто трудно определить, кому же они принадлежат: «Что ж, посидим и посмотрим. Войне исполнилось уже несколько дней. Страна называется Польшей. Она совсем плоская и песчаная. Дороги в Польше неважные, и везде много детей. О чем тут еще говорить? Сюда явились немцы, им нет числа, один из них сидит тут в еврейской лавчонке, совсем молодой, молокосос. В Германии у него осталась мать, и отец его пока что тоже в Германии. И две сестренки. Настало время повидать мир, так он, должно быть, думает. Сегодня мы в Польше, а потом, может быть, прогуляемся в Англию, а эта Польша — до чего же она польская» (122—123). Где здесь мысли автора, где — старика, а где — солдата?

Создается впечатление непрерывного, устойчивого ритма повествования, что подчеркивается почти полным отсутствием тире и кавычек (за исключением рассказа «Темно, мало света»). В то же время, как это ни удивительно, повествование И. Бобровского воспринимается как диалог, как беседа. Не отождествляя себя ни с рассказчиком, ни с героями, автор способен все же взглянуть на мир глазами каждого из них, оценить происходящее с разных точек зрения. Но, несмотря на возможность такого «перевоплощения», авторское «я» не теряется среди множества персонажей и звучит вполне отчетливо. Такой способ повествования избран совершенно сознательно, о чем недвусмысленно говорят слова самого писателя:

«Автор, вводя себя в повествование, сохраняет тем самым за собой не только возможность комментировать... но и держать персонажей за руку»⁵.

Необычен и в буквальном смысле слова беспокоен поэтический язык И. Бобровского. Виртуозный, то напряженно-медлительный, то энергичный, красочный и — рациональный, скрывающий в себе глубокий смысловой подтекст и тонкую пронию. Язык для писателя — не просто материал, из которого он лепит свои поэтические фигуры, это прежде всего один из элементов воссоздаваемой действительности. Этим и обусловлены сложность речи, ее дифференциация, что ведет, в свою очередь, отнюдь не к легкому прочтению произведений И. Бобровского, а к чтению вдумчивому — не только глазами, но и умом, и сердцем.

Различные источники дали начало поэтическому языку И. Бобровского: он обращался к славянским языкам и славянской поэзии, мягкость и пещенность черпал в литовской речи, он стремился проникнуть в тайные тайны немецкого народного языка, влить в литературу живительную свежесть фольклора:

«Я с головой ушел в фольклорный материал... Я испытываю вполне обоснованную тревогу за состояние нашего языка. Если мы удовлетворимся сегодняшними литературными нормами, его развитию грозит застой. Поэтому я старался употреблять народные выражения, народные обороты вплоть до жаргона, чтобы сделать язык более разнообразным, красочным и живым. С этой точки зрения я смотрел и на синтаксис. Я стремился к использованию укороченной формы предложения, конструкций, не очень распространенных у немцев, но зато очень удобных. Я должен хорошо читать и произносить все, что написал»⁶.

Тонкое языковое чутье, талант и упорная работа над постижением тайн народной речи привели к появлению в творчестве И. Бобровского неповторимых образов, наделенных индивидуальной речью, к созданию такого поэтического языка, о котором В. Гирнус метко сказал: «Фольклор на уровне мировой литературы»⁷.

И. Бобровский в своих произведениях — не только писатель, он — и художник, и музыкант. Разносторонне одаренный, он сам рисовал, изучал искусство. Поэтому не удивительно, что свои произведения, в том числе рассказы, он строит по законам музыкального сочинения. Этим объясняется его тяготение к наполненным глубоким смыслом вариациям и лейтмотивам, к непрерывному, непринужденному ритму повествования, к свободному перемещению во времени и пространстве.

У И. Бобровского взаимопроникают реальное и нереальное, земное и сказочное. Он пишет зримо, пишет не красками, а словами, но видится картина, — редкий дар, признак настоящего таланта. И. Бобровский способен передать игру света, переливы цвета, колебание воздуха, сливая эти «движения» природы с «движениями души» человека, приводя их в неразрывное гармоничное единство: «В лавке все залито белизной. Свет заполняет всю комнату, до самой двери в задней стене. К ней прислонился Мойзе, весь белый-белый, и, кажется, что он все глубже и глубже уходит в стену — с каждым словом, которое он говорит» (123).

Язык И. Бобровского лаконичен, но этот лаконизм оправдан стремлением активизировать работу читательской мысли. При таком подходе к изображению действительности естественно преобладание иносказаний, намеков на не высказанный прямо или не договоренный до конца смысл: «И не только днем, в эту жаркую пору... прохожий жметесь, тяжело дыша, поближе к низким островерхим домам... Но и по вечерам, когда неизвестно откуда потянет прохладой... все стараются не отходить от дома, куда можно в любое время выйти отдохнуть...»

Мало ли есть причин, чтобы не выходить на рыночную площадь, да еще одному, в этом тридцать девятом году» (130).

Каждый рассказ И. Бобровского — это система своеобразных «толчков» к глубоким и долгим раздумьям. Недоговоренность и одновременно смысловая насыщенность повествования, соединение далеких во времени и пространстве событий и образов — все это создает сложную архитектуру рассказов, несмотря на то, что сюжет в них или намечен пунктирно, или вообще отсутствует.

Сложность композиции в рассказах И. Бобровского во многом объясняется и обилием вставных историй и анекдотов. В особенности это характерно для рассказа «Темно, мало света», где вставные истории как будто называются друг на друга, создавая своеобразные «ступеньки», соединенные между собой своего рода «площадками» — авторскими коммента-

рпиями. Здесь уже вставные истории играют не вспомогательную роль — по сути дела, они и составляют рассказ. Именно они и возвращают нас к недавнему прошлому: «Здесь любят потолковать о войне» (146). Между всеми вставными историями — хотя они как будто случайно всплывают в памяти рассказчиков — существует определенная идейно-тематическая связь. В этих историях нет батальных описаний, но облик войны в них вырисовывается четко. Намеки и иносказательность превращают рассказ в притчу.

При создании рассказа «Темно, мало света» перед И. Бобровским стояли две задачи: во-первых, показать тональную разницу всех шести вставных историй, во-вторых, сохранить единство авторского повествовательного стиля. Писатель с честью выходит из трудного положения, создав многокрасочный смысловый спектр. При этом речь каждого героя индивидуальна, однако произведение в целом звучит именно как рассказ одного — но очень наблюдательного — человека.

Малые размеры рассказов, с одной стороны, и значительность предмета изображения, с другой — все это требует от писателя полновесности каждого слова, выразительности каждого штриха. В этом плане трудно переоценить значение каждой «счастливо увиденной» (Г. Ленобль) детали. И. Бобровский, создавая рассказы, не только скрупулезно отбирает детали, но и умело расставляет, соотнося их друг с другом и со всем произведением в целом. Эти детали могут быть как существенными, «любовыми», так и косвенными. Их значимость зависит больше от их точности, меткости. В рассказах они так мастерски расположены, что заметны и порознь, а в совокупности создают живой, «картинный», легко представляемый образ. О манере писателя выделять необходимое слово, жест, мысль можно сказать словами одного из его героев: «Сказано не громче обычного, но с таким выражением в голосе, что сразу повернешься на каблуках» (133).

Об отношении Малиге к полякам И. Бобровский скажет буквально несколькими словами: «Он просто заходит в польский дом и играет на рояле» (132). В двух — трех фразах писатель показывает поведение немецких солдат в оккупированной Франции: «Этот альбом я привез из Франции... Тогда я слабо разбирался в марках, но сразу смекнул, что коллекция очень ценная... Француз все равно бы не смог сохранить альбом» (145). Или: «Солдат Шейфф из Кельна... присел на мостки. Господи боже, канал от этого грязнее не станет, что бы вы там ни болтали» (146).

После смерти И. Бобровского литературовед из ГДР Вернер Лирш писал: «Эта способность к аккумуляции действительности, являющаяся отличительным признаком настоящей художественной силы, еще и еще раз заставляет нас мучительно сознавать, что со смертью Бобровского значительнейшее из нашей жизни осталось невысказанным»⁸.

Таким образом, идейно-художественная сложность рассказов И. Бобровского о второй мировой войне обусловлена их тематической объемностью, сложностью авторского мировосприятия, воплотившегося в своеобразии художественной манеры писателя, композиционных и стилистических особенностях его произведений.

¹ Roscher Achim. Bobrowskis Stimme.— Neue Deutsche Literatur, 1967, N 5, S. 153.

² Бобровский И. Избранное.— М., 1971, с. 123. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

³ Sauter Josef-Hermann. Interview mit Johannes Bobrowski: Mein Thema.— Neue Deutsche Literatur, 1965, N 12, S. 137.

⁴ Залыгин С. Рассказ и рассказчик. Заметки писателя.— В кн.: Литература и современность. Сб. II. Статьи о литературе 1970—1971 годов.— М., 1972, с. 325.

⁵ Гирнус В. Красные розы Иоганнесу Бобровскому.— Иностранная литература, 1969, № 2, с. 222—223.

⁶ Sauter Josef-Hermann. Interview mit Johannes Bobrowski, S. 137—138.

⁷ Гирнус В. Красные розы Иоганнесу Бобровскому, с. 224.

⁸ Liersch Werner. Bewährung eines Themas.— Neue Deutsche Literatur, 1967, N 5, S. 152.

А. Р. МУРАШКА

БЕЛАРУСКАЯ МЕТЭРАЛАГІЧНАЯ ЛЕКСІКА

Метэаралагічныя з'явы і паняцці, звязаныя з імі, абазначаюцца як спецыяльнымі, тэрміналагічнымі словамі, так і шырокаўжывальнымі лексемамі, што абумоўлена сферай іх выкарыстання.

На фоне літаратурнай метэаралагічнай лексікі выступаюць народныя словы, якія нярэдка выражаюць дадатковыя семантычныя адценні, з'яўляюцца выразнымі трапнымі назвамі пэўных метэаралагічных з'яў і сведчаць аб назіральнасці і блізкасці да прыроды тварцоў і носьбітаў гэтых слоў.

У склад метэаралагічнай лексікі ўключаны не толькі ўласна метэаралагізмы, якія непасрэдна выражаюць пэўнае метэаралагічнае паняцце, — *дождж, гром, туман, вецер, снег, мароз, лёд, крыга* і да т. п., але і словы, апасродкавана звязаныя з метэаралагічнай лексікай, якія называюць пэўныя прыкметы, стан, дзеянне і ў спалучэнні са словамі першай групы таксама выконваюць ролю метэаралагізмаў, дапаўняючы іх семантыку: *дуць, веяць, усхадзіцца (пра вецер), ліць, пайсці, нахапіцца, капаць, крапіць; дробны, буйны, марудны, надакучлівы (пра дождж)* і інш.

Адны дыялектныя назвы метэаз'яў нічым не адрозніваюцца ад літаратурных лексем з той жа семантыкай: *хмара, дождж, град, бура, навальніца, снег, лёд, мароз* і інш.

Другія ж адрозніваюцца фанетычна пры аднолькавай структуры і семантыцы: *іней — віня, імжа — імга, пасмурны — пахмурны, воблака — болака, аблачына — балачына* і інш. (да ліку фанетычных адносяцца і адрозненні акцэнталагічнага плану: *хобладна — халодна — халадно, іней — інэй, пахмурны — пахмурны, воблак — аблók, пэрун — пярўн* і інш), граматычна: *воблака — воблак, завяя — завій*; альбо структурна: *замаразкі — прымаразкі, вясёлка — всялуха, лівень — залева — улева, імжа — імжака — імжачка, непагода — непагодзь — нягодзька, цеплыня — цяпло — цепль* і інш.

Больш цікавай з'яўляецца група народных слоў, якія ўсім сваім гукавым комплексам супроцьпастаўлены семантычна-адэкватным літаратурным лексемам (*маланка — бліскавіца — зіхавіца, мяцеліца — круцеліца — кудаса, слата — халепа*), альбо дыялектныя лексемы з пэўнымі семантычнымі зрухамі: дадатковымі адценнямі, дэталізацыяй асноўнага значэння і да т. п.: *пазёмка, круцеліца, крутавея, зазімак, адзімак*.

Асаблівую ўвагу прыцягваюць тыя народныя словы, якія не маюць сінанімічных паралеляў у літаратурнай мове, дзе тыя ж паняцці выражаюцца апісальна альбо словаспалучэннямі: *галутвы, галашчок, сухаветрыца, ветраніца* (гл. ніжэй) і інш.

Пэралічаныя асаблівасці і адзакі народных лексем у супастаўленні з літаратурнымі спрыялі ўтварэнню ў беларускай метэаралагічнай лек-

сіцы даволі багатай сінаніміі ў розных семантычных разрадах слоў. Для абазначэння стану атмасферы ў пэўным месцы ў пэўны час ужываюцца назвы *надвор'е, пагода*. Яны пашыраны як у народнай, так і ў літаратурнай мове. У навуковым стылі пераважна ўжываецца першая лексема. Лексема *пагода* можа ўжывацца з больш вузкай семантыкай, менавіта абазначаць добрае надвор'е: *зрабіць за пагодай, скасіць у (за) пагоду, заўтра будзе пагода* і да т. п. У такім жа значэнні, г. зн. 'добры, спрыяльны (у адносінах надвор'я)' выступаюць і прыметнікі *сонечны, ясны, пагодны, пагодлівы, пагожы* ў спалучэнні з пэўнымі назоўнікамі: *сонечны дзень, яснае надвор'е, пагодная раніца* і да т. п. З іх толькі слова *пагожы* не фіксуецца слоўнікамі літаратурнай мовы. Для назвы дрэннага надвор'я існуе больш лексем, з якіх пераважаюць аднакарэнныя ўтварэнні: *непагадзь, непагода, нягода, негадзь, негадзіна, нягодзька, нянасце, мрака, мразь*. З іх два першыя словы належаць літаратурнай мове, астатнія ўжываюцца ў гаворках.

Для абазначэння высокай тэмпературы паветра, нагрэтага ўлетку сонцам, існуе цэлы рад слоў, аб'яднаных агульным значэннем, але якія адрозніваюцца аб'ёмам выражанага паняцця, ступенню праяўлення прыкметы, дзеяння (іх можна аднесці да колькасна-паняціўных сінонімаў): гэта назоўнікі *гарачыня, гарач, спека, спякота, пекла, жара, жарышча, жарота, вад, сквар*; прыметнікі *гарачы, спякотны, спякотлівы, пякельны, вадны, вадлівы* (аб сонцы, сонечных праменнях, аб паветры, часе дня, года і да т. п.); безасабовыя дзеясловы *прыпякае, пячэ, смаліць, скварыць*. Гэтыя словы адрозніваюцца не толькі адцэннямі значэння, але і стылістычнай афарбоўкай і сферай выкарыстання. Тэрытарыяльна абмежаваны лексемы *жара, жарышча, жарота, вад, сквар, спякотлівы, вадны, вадлівы*. Астатнія належаць літаратурнай мове. *Гарачыня*, якая суправаджаецца працяглай адсутнасцю ападкаў, выражаецца аднакарэннымі назвамі *засуха, засуш, суш, сухмень*. Гэты ж стан надвор'я перадае і безасабовы дзеяслоў *сушыць*. Семантычна блізім з'яўляецца і назоўнік *бяздожджыца*. Для абазначэння гарачага вільготнага надвор'я (звычайна перад дажджом, навальніцай) ужываюцца назоўнікі *духата (духота), духмень, задуха, парнасць, вад (вада)*. Літаратурнымі з'яўляюцца лексемы *духата, парнасць*, з якіх часцей ужываецца першая. Астатнія належаць толькі дыялектнай лексіцы. Той жа стан надвор'я перадаюць і безасабовыя прэдыкатыўныя словы *душна, парна, вадна (вадліва)*, а таксама прыметнікі *душны, задушлівы, парны, вадны (вадлівы)* у спалучэнні з пэўнымі назоўнікамі (*надвор'е, дзень* і інш.).

Вялікая маса згусцелай вадзяной пары ў атмасферы называецца словам *воблака (воблак, аблók, бóлак)*, *хмара (хмура, хмарыска)*, *туча, туляг, пама, памяг (памег), навiсь*. Гэтыя назвы адрозніваюцца не толькі гукавым комплексам (ці нязначнымі фанетычнымі зменамі, якія, праўда, не абумоўлены асаблівасцямі сістэмы пэўных гаворак) і граматычнымі адзнакамі (катэгорыяй роду), але і семантычна. Як правіла, лексмай *воблака* абазначаецца невялікая, нязначная колькасць згусцелай вадзяной пары, якая неабавязкова выпадае ў выглядзе дажджу ці граду; *хмара* ж звычайна нясе ападкі. Дыялектныя назвы *туча, туляг, пама (памяг, памег), навiсь* раўназначны назоўніку *хмара*. Аднак у гаворках лексемы *воблака* і *хмара* могуць быць семантычна-адэкватнымі, праўда, пэўную ролю пры гэтым адыгрываюць прыметнікі-азначэнні, якія дапаўняюць, удакладняюць значэнне назоўнікаў: *Сушеца вялізны палаваны воблак — дождж будзе, альбо град*. Дэрыватыўныя ўтварэнні вядомы не ад усіх назоўнікаў названага сінанімічнага раду: *воблачны, бязвоблачны, хмарны (хмурны), бяхмарны, пахмурны, хмарыца (хмурыца), захмарыца* (пакрышца хмарами) і дыялектнае *тучыцца* (роўназначнае дзеяслову *хмарыцца*).

Атмасферныя ападкі, выпадаючыя з хмар (воблакаў) у выглядзе кропель вады, абазначаюцца лексмай *дождж*, якая семантычна дапаўняецца адпаведнымі прыметнікамі: *доўгатэрміновы, зацяжны, надакуч-*

лівы, праліўны (заліўны), вялікі, малы, буйны, дробны, марсячы, абложны, завальны, грыбны, сляпы, цыганскі. Апошнія тры прыметнікі з назоўнікама *дождж* утвараюць устойлівыя словазлучэнні, якія ўжываюцца ў гутарковай мове і маюць дадатковае значэнне, менавіта, 'дождж пры яркім святле сонца'. Семантыка слова *дождж* удакладняецца і дзеясловамі: *ісці, падаць, цячы, капаць, крапаць, крапіць, пырскаць, сыпаць (сыпацца), сеяць (сеяцца), расіць, церусіць, імжэць, імлець, марасіць, мразіць, мрачыць, матрашыць, шамацець, шамнуць, сячы, дзюрыць, дзюжыць, цураліць, смаліць, нахапіцца, атабраць, жарнуць*, якія адрозніваюцца не толькі сферай выкарыстання (літаратурная мова ці дыялекты), але і семантыка-стылістычна, выражаючы паняцці рознага аб'ёму, розную інтэнсіўнасць дзеяння, працягласць, нечаканасць і да т. п. Для назвы вельмі дробнага дажджу існуе цэлы рад слоў, большасць з якіх — аднакарэнныя ўтварэнні: *імжа (імга, імгла), імжэль, імжака, імжачка, мігла, жэмжа, морась, пацяруха* (фанетычныя змены асобных лексем не абумоўлены асаблівасцямі гукавой сістэмы гаворак). З іх літаратурным з'яўляецца толькі першае. Моцны праліўны дождж таксама мае спецыяльныя назвы: *лівень, залева (улева), лея, аплава, палой*. Безасабовы дзеяслоў *задажджыць* абазначае надыход дажджлівага надвор'я. Атмасферныя ападкаў ў выглядзе невялікіх ледзяных шарыкаў паўсюдна называюцца *град*ам.

Атмасферная з'ява, якая працягваецца ў выглядзе бурнай непагоды з грывотамі і маланкай, называецца *навальніцай, навалай, гразой, хуртавінай*, а таксама словаспалучэннямі *навальнічны* альбо *навальны дождж*. Разрад атмасфернай электрычнасці ў паветры мае літаратурную назву *маланка*, якой у гаворках сінанімічны *маладня, бліскавіца (боліскаўка), зіхавіца*. Гэтае ж значэнне выражаецца і радама дзеясловаў: *бліскаць, зіхацець (зіхаць), успыхваць, палыхаць, зыркаць, шугаць, паліць*, якія могуць выступаць альбо ў спалучэнні з вышэйадзначанымі назоўнікамі, альбо як безасабовыя. Слова адрозніваюцца семантычнымі адценнямі пры агульным лексічным значэнні. Напрыклад, *паліць, шугаць* звычайна ўжываюцца, калі гаворыцца пра вялікую маланку, якая ўспыхвае раз-пораз. Імгненныя светавае ўспышка на небе без грому, наглядаемая ўначы альбо вечарам, называецца *зарніцай і заранкай* (апошняя толькі ў гаворках). Грукат і трэск, якія суправаджаюць разрад маланкі, маюць некалькі назваў: *гром, грывоты, грывенне, пярун (перун)*. Гэтыя словы некалькі адрозніваюцца сваёй семантыкай: *гром* — грукат, які суправаджае маланку ў час навальніцы, *грывоты* — гэта раскаты грому, *пярун* — удар грому. Дыялектызм *грывенне* раўназначна літаратурнаму *грывоты*. Семантычна-адэкватнымі з'яўляюцца дзеясловы *грывець, грукатаць (пра гром)*. Блізкія па значэнню дзеясловы *ўдарыць, біць, страляць, паліць, смаліць* (аб пяруне, гrome) належыць літаратурнай мове і адрозніваюцца аб'ёмам выражанага паняцця, экспрэсіўна-стылістычнай афарбоўкай: *страляць, паліць, смаліць* — больш экспрэсіўныя і часцей ужываюцца ў гутарковай мове.

Літаратурныя лексемы *вясёлка, радуга* і дыялектычныя *вяслуха, райдуга, тэнча, смок (цмок)*, а таксама словазлучэнне *божы пояс* (паяс) абазначаюць рознакаляровую дугападобную паласу на небе ў час дажджу, калі свеціць сонца. Паўсюдна *расой* называецца атмасферная вільгаць, якая асядае пры ахаладжэнні дробнымі вадзянымі кроплямі. Кропля расы — *расіна, расінка*. Дзеясловы *падаць, выпадаць, садзіцца* таксама могуць выступаць як сінонімы на падставе агульнага значэння 'ўпасці на зямлю (аб атмасферных ападках — у даным выпадку аб расе ці тумане)'. Супрацьлеглае значэнне выражаюць словы *высахнуць, апасці, абутрыць* (аб расе), з якіх апошняя — дыялектызм.

Непразрыстае паветра, насычанае вадзянымі парамі, называецца *туманам, імглой (мглой), міглой, млой, навіссю*. Усе гэтыя словы, акрамя двух першых, дыялектна абмежаваныя. Гаворкам вядома і безасабова-прэдыкатўнае слова *мляно* ў значэнні *тумана*. Агульнае значэнне — 'зацягнуты імглою, туманам' — характэрна для прыметнікаў *асмуг-*

лы, асмужаны, туманны. Дзеяслоў *туманіцца* мае значэнне 'засцілацца туманам'. Туманнае надвор'е перадае і назоўнік *туманнасць*. Прыметнікі *густы, цяжкі, лёгкі, празрысты* і дзеясловы *пускацца, падаць, слацца, падымацца, развейвацца, раставаць* і інш. у спалучэнні з назоўнікам *туман* дапаўняюць яго значэнне, выражаючы пэўны стан надвор'я.

Паніжэнне тэмпературы паветра перад надыходам зімы выражаюць дзеясловы *халадзіць, захаладзіць, пахаладаць, зазібець* (апошні толькі ў гаворках). Агульнае значэнне 'нізкая тэмпература навакольнага асяроддзя (паветра)' уласціва словам літаратурнай мовы *холод, халадзіна, халадэча, халадзішча* (суфіксальныя ўтварэнні належаць гутарковай мове) і дыялектызмам *сцюжа (стужа), стынь*. Тое ж паняцце выражаюць прыметнікі *халодны, сцюдзёны (студзёны), зімны* (акрамя першага ўсе дыялектна абмежаваныя) і безасабова-прэдыкатыўныя словы *халадна (халадно), сцюдзёна (студзёна), зімна, здараво*.

Дзеясловы *падмерзнуць* і *падшэрхнуць (зашэрхнуць, зашорхнуць)* абазначаюць — 'пакрыцца тонкім пластом лёду (пра ваду, мокрую зямлю і да т. п.)'. *Падшэрхнуць* ужываецца і як раўназначнае дзеяслово *падсохнуць* (пра зямлю, глебу). Лёгка ранішні мороз увосень ці вясной абазначаюць літаратурная і дыялектная назвы *замаразкі, прымаразкі*. У гаворках ёсць і семантычна-дыферэнцыраваныя лексемы: *зазімак* (замаразкі на пачатку зімы) і *адзімак* (у канцы зімы, напрудвесні). Моцныя зімовыя халады ў народнай мове маюць рад назваў, якія адрозніваюцца аб'ёмам выражанага паняцця і сферай ужывальнасці: *мароз, маразьяка, склюд, скавыш, пякун, траскун*. Літаратурнай мове належаць толькі першая лексема. Гаворкам вядомы цікавыя словы *галашчок, галутвы (галуты)*, якія абазначаюць непакрытую снегам зямлю, скаваную марозам, альбо мороз пры непакрытай снегам зямлі. Вялікія зімовыя халады могуць абазначацца і словазлучэннямі, у якіх значэнне назоўніка *мароз* семантычна дапаўняецца прыметнікамі *моцны, вялікі, ядраны, сядравы, здаровы, зыркi, траскучы, пякучы* і інш. Надыход халадоў, марозаў выражаецца агульнанароднымі дзеясловамі *падмарозіць* і *пачацца, наступіць, надыйсці, ударыць, даць*, якія семантычна збліжаюцца на падставе агульнага значэння 'пачацца (аб з'явах прыроды, халадах)'. Для слоў *ударыць, даць* характэрна дадатковае адценне значэння — пачацца раптоўна, нечакана, з сілаю. Узмацненне, павелічэнне марозу перадаецца дзеясловамі *бярэ(цца), мацуе, крапчэе, цісне, крэпіць, трашчыць, пячэ, скварыць, смаліць, злуе(цца), ярыцца*, большасць з якіх ужываецца ў гутарковай мове і мове мастацкай літаратуры дзякуючы іх эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўцы. Атмасферныя ападкі ў выглядзе белых камячкоў, якія з'яўляюцца крышталікамі лёду, а таксама сучэльная маса гэтых ападкаў, пакрыўшая зямлю зімою, паўсюдна называецца *снегам* (асобная пушынка, крышталік снегу — *сняжынка (сняжына)*), аднак існуюць назвы, удакладняючыя гэта паняцце, менавіта: *пашоша* — першы снег, *вокідзь* — густы мокры снег у выглядзе камячкоў, *шрот, крупа, сечка* (з сінтаксічна-абумоўленым значэннем) — дробны, калючы, заледзянелы снег. Значэнне назоўніка *снег* дапаўняецца і значэннем прыметнікаў, якія спалучаюцца з ім: *мяккі, рыхлы, пушысты, рассыпчаты, соўкі* (у адносінах да незляжлага снегу, прычым *рассыпчаты, соўкі* — яшчэ і да падмёрзшага, часам у выглядзе ледзяных крупінак снегу), *сухі, калючы, мокры, мездраваты* (падобны да мяздры — аб падталым, рыхлым снезе), *набражлы* і інш. Дзеясловы *ісці, падаць, сыпаць (сыпацца), кружыць, ляпіць, валіць, сзячы, ваяцца (пра снег)* па-рознаму перадаюць асаблівасці снегападу. Словам *ляпіць* карыстаюцца тады, калі гаворыцца пра вялікі, часцей мокры снег у выглядзе камячкоў; *валіць* — пра густы мокры снег, які ідзе доўгі час; *сячы* — пра дробны заледзянелы снег, які суправаджаецца парывамі ветру; *кружыць* — ціха, спакойна падаць — пра мяккі, пушысты снег.

Надзвычайна багаты рад назваў, аб'яднаных агульным значэннем 'снежная бура': літаратурным словам *завіруха, завея, мяцеліца, замець, віхура, бура, буран* у гаворках супрацьпастаўлены лексемы *ўюга, пазём-*

ка, дзя, дуйка, пульга, шарга, круцеліца, крутавея, снежавей, кура, кудаса, хвіліца, сіпуга, часткова супрацьпастаўлены — *веза, завій, мятлюга*. Гэтыя словы не толькі выражаюць асноўнае паняцце, але і дыферэнцыруюць яго, перадаюць характар праяўлення данай з'явы, напрыклад: *кура, пазёмка* — не проста снег з ветрам (буран) і г. д. Кучы снегу, наменныя ветрам, маюць у беларускай мове семантычна-раўнацэнныя назвы *гурба, гура, гурлак, сумёт, сувей*, з якіх *гура, гурлак, сувей* — толькі ў гаворках, як і *курган* у значэнні 'вялікая гурба'. Тоеснымі па значэнню з'яўляюцца літаратурныя назвы эледзіянай коркі на паверхні снегу *шарпак і шарон*. Апошняя ў гаворках мае фанетычныя, дакладней лексіка-фанетычныя варыянты, не абумоўленыя фанетычнай сістэмай гаворак: *шарэн, шоран, шарос, сярэн, сяран, серна, сарун*. Некранутае снежнае покрыва называецца *цаліком* альбо *цальнікам*. Від атмасферных ападкаў у выглядзе ледзяных крышталаў, якія асядаюць на паверхні ахалоджаных прадметаў і па форме нагадваюць сняжынкі, у беларускай мове мае рад сінанімічных назваў *іней, віня, шэрань, шаць, мароз, намаразь, навіль*. Літаратурнымі лічацца лексемы *іней, шэрань, намаразь*. Што датычыцца слова *мароз*, то ў даным значэнні яго з'яўляецца семантычным дыялектызмам.

Пацяпленне надвор'я ўзімку, якое суправаджаецца раставаннем снегу, лёду, перадаецца назвамі *адліга (адлега), водцепель, растароп* (першая — літаратурнае слова, астатнія — дыялектныя). Пашыраная ў народнай мове лексема *адліга* мае шэраг словаўтваральных і лексіка-фанетычных варыянтаў: *адлежка (атлежка), атліга (атлега), атлыга, вогліг*. Тое ж значэнне выражаюць прыметнікі *адлежны (адліжны) і мяккі, цёплы (аб надвор'і ці ветры зімою)*. Першы мае больш вузкае значэнне — характарызуе пэўны стан надвор'я толькі ў зімовы перыяд; астатнія — у любы час года. Падобнае значэнне маюць і дзеясловы *адлегчы, адлігнуць, адпусціць* (апошні пашыраны ў гутарковай мове, *адлігнуць* — дыялектнае ўтварэнне). Агульнае значэнне — ператварыцца ў вадкі стан (пра снег) — аб'ядноўвае дзеясловы *раставаць (адтаваць), падтайваць, пускаць (распускаць), зганяць, сходзіць*. Аднак гэтыя словы адрозніваюцца ў колькасна-паняццёвых адносінах, выражаюць паняцці рознага аб'ёму: *падтайваць* выражае непаўнату дзеяння (блізкае значэнне мае і дзеяслоў *пускаць*), тады як *зганяць, сходзіць* абазначае зусім растаць. Ледзяны асадак на паверхні зямлі, дрэвах, правадах, які паяўляецца ў час ці пасля адлегі, у літаратурнай мове носіць назву *галалёд (галаледзіца)*. У дыялектах ёй супрацьпастаўляюцца безафіксныя і суфіксальныя ўтварэнні ад дзеяслова *абліваць: абліў, аблой, аблівень, абліваха; вобліў, вобліўя, вобліўкі*, а таксама блізкія па значэнню *склізота, слізгата (сліската), слізгота, слізгоцце, слізгацеча, слізговіца*.

Як назвы сырога халоднага надвор'я з дажджом альбо мокрым снегам ужываюцца сінонімы-дублеты *слота (слата), золь, золкасць, хлюпота*, астатнія належаць тым ці іншым гаворкам. Блізкі па значэнню і прыметнік *азызлы* — *азызлая зіма (мокрая, нядобрая)*. Словазлучэнню *мокрае надвор'е* ў гаворках адпавядаюць лексемы *макрата, макрэдзэ, макроць, макрэча*. Семантычна блізкімі з'яўляюцца спалучэнне *гнилое надвор'е* і назоўнік *гниллэ (гниллэ, а не надвор'е)*. Блізкім па значэнню са словам разгледжанай групы з'яўляецца і рад слоў *сыры, вільготны, золкі, волкі (вогкі, воглы, волкаваты), ёдкі*, абазначаючых сырое халоднае надвор'е з туманам і імглай (прамозглае надвор'е); тое ж значэнне ўласціва безасабова-прэдыкатным словам *сыра, вільготна, золка, волка, едка* і назоўнікам *сырасць, вільгасць, волкасць (волгасць), ёдкасць*.

Рух патоку паветра ў гарызантальным напрамку ў агульнанароднай мове называецца *ветрам*. Сінанімічнае яму *ветравей* належыць традыцыйна-паэтычнай лексіцы. Вялікі, моцны вецер абазначаецца аднакарачымі словамі *вятрышча, вятруга, вятрэча, вятрыска* (апошнія ў гаворках). Дарэчы, у мастацкай літаратуры адзначаны выпадкі, калі лексема

ветрыска ўжываецца ў тым жа значэнні, што і ветрык. У народнай мове ёсць і спецыяльныя лексемы для назвы моцнага ветру — шаргалом, шарга, якія семантычна збліжаюцца са словамі бура, буран, ураган (ураган — вельмі моцны вецер разбуральнай сілы). Парывісты кругавы рух ветру выражаюць назоўнікі віхор, віхр, віхура. Апошні ўжываецца яшчэ і як сінанімічная назва да слоў буран, завіруха. Моцны віхор, які ўздымае слуп вады, пылу, пяску, мае спецыяльную назву смерч. Моцны халодны вецер у гутарковай мове называюць сіверам, у гаворках у гэтым значэнні ёсць слова буд (пар. літ. значэнне гэтага слова — адкрытае месца, даступнае вятрам). Дыялектызм гліца — цёплы веснавы вецер — у літаратурнай мове адпаведнай назвы не мае: гэтае значэнне звычайна перадаецца словазлучэннем. Сухі гарачы вецер акрамя літаратурнай назвы сухавей, якая пашырана і ў гаворках, мае яшчэ і дыялектныя — цяпляк, сухаветрыца. Ветранае надвор'е ў гаворках мае спецыяльнае абазначэнне ветраніца, у літаратурнай мове раўназначны яму з'яўляюцца безасабова прэдыкатыўнае слова ветрана і словазлучэнне ветранага пагода (надвор'е). Значэнне назоўніка вецер дыферэнцыруецца, дапаўняецца і ўдакладняецца шматлікімі прыметнікамі і дзеясловамі: халодны, студзёны, цёплы, гарачы, сухі, вільготны, адлежны, калючы, рэзкі, ледзяны, парывісты, ураганны, мяцельны, нізавы, марскі, пустынный, зімні, веснавы, летні, асенні, усходні, заходні, пайночны, пайднёвы; пачацца (усцацца), нахапіцца (пачацца нечакана, раптоўна), усхадзіцца (пачацца з сілай — пра моцны вецер) і да т. п. Адсутнасць ветру выражаюць прыметнікі бязветраны, зацішыны, спакойны ў спалучэнні з адпаведнымі назоўнікамі, аднакарэнным з імі безасабова-прэдыкатыўныя словы і назоўнік бязветранасць.

Аб багаці народнай метэаралагічнай лексікі сведчыць шырокая сінанімія, цікавыя народныя ўтварэнні, вялікая ступень дэталізацыі паняццяў. Многія народныя метэаралагізмы з'яўляюцца больш выразнымі назвамі ў параўнанні з літаратурнымі словамі з прычыны сваёй матываванасці: *скавыш, пякун, траскун, абутрыць, навісь, крутавея* і інш. Пагэ-таму яны шырока выкарыстоўваюцца ў мастацкай літаратуры, як у празаічных, так і паэтычных творах.

Н. П. АНТРОПОВ

К ВОПРОСУ ПРАСЛАВЯНСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ПТИЦ В ЛЕКСИКЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Во многих работах как общеславянстического характера, так и более узких направлений, можно встретить утверждение, что основу наименований птиц в славянских языках составляет праславянская лексика. Сравнительно подробный список этих праславянских названий был в свое время составлен Л. А. Булаховским¹ и включил в себя около 80 орнитонимов. К ним необходимо еще добавить 15—20 наименований, проанализированных другими авторами. Между тем даже родов птиц на славянской территории известно много больше. Сам характер жизни и хозяйственной деятельности древних славян способствовал строгой дифференциации названий родов животных и птиц. Можно утверждать, что праславянских названий птиц в лексике даже отдельного славянского языка должно быть не менее ста. Среди белорусских орнитонимов нами выявлено таковых 136 из более чем 700 зафиксированных картотекой, или 18,1 % общего числа наименований. Определяя праславянские названия птиц, мы опирались на известную методику, разработанную О. Н. Трубачевым, основанную на следующих критериях: формально-словообразовательном, семантическом, ареальном и историческом. При этом учитывалось также мнение нашего ведущего этимолога, что «современное исследование считает наиболее актуальным выявление этимологических соответствий и параллелей, представленных целыми словами в славянских языках; выявление, далее, родственных форм и цельнолек-

семных соответствий, охватывающих часть славянских языков или один славянский и другие индоевропейские языки (проблема праславянских лексических диалектизмов)»².

Известно, и это особенно подчеркнул недавно Ф. П. Филин, что «не было праславянских племен, объединенное общностью происхождения и близостью племенных диалектов»³. Предлагаемая классификация белорусских орнитонимов праславянского происхождения основывается на выводах, вытекающих из этого утверждения. Материалом послужил составленный нами «Этимологический словарь белорусских названий птиц» (749 словарных статей).

1. Общеславянские названия птиц. Их 57 или почти 42 % общего числа белорусских названий птиц, восходящих к праславянскому лексическому фонду. Вероятно, это объективный показатель: Ф. П. Филин в упоминавшейся статье, анализируя материал семи выпусков «Этимологического словаря славянских языков» (М., 1974—1980), приходит к выводу, что «общеславянских слов было не более половины всего выявленного словарного состава диалектов праславянской эпохи, а скорее всего менее половины» (с. 12). Это соотношение должно, по нашему мнению, сохраняться в общих чертах во всех лексических микросистемах праславянского языка.

1.1. Наименования с так называемой «индоевропейской» этимологией (праславянские реконструкции, а также параллели из других языков ввиду обилия сопоставительного материала и некоторых технических трудностей не приводятся): варона, воран, гусь, дрозд, каня 'хищная птица', кос 'черный дрозд', лабудзь, лебедзь, сава.

1.2. Орнитонимы балтославянского характера: арол, гогаль, зяблю, коўпца, сарока, слонка, злука.

1.3. Наименования, являющиеся общеславянскими новообразованиями: баба 'неясить', берагуля 'береговая ласточка', верабей, вутва 'утка', гайворон, глушэц 'глухарь', голуб, горліца, гусак, дзяцел, жаўна, 'черный, зеленый дятел', жаўна₂ 'иволга', жораў, іволга, кабец 'кобчик', карасель, каўка, кукаўка, ластаўка, лунь, лыска 'лысуха', ляляк, нарэц 'нырковая утка', ораб, перапелка, пліска, рыбац 'чайка', салавей, сініца, скапа / скаба, скварэц, сойка, сокал, стрыж, стрынадка 'овсянка', чаіца, чайка, чапля, чыж, шчыгол, ястраб.

1.4. Праславянское заимствование: караголь 'ястреб-перепелятник'.

2. Праславянские диалектизмы, 79 названий, или 58 %. На основании работ Ф. П. Филина (в первую очередь — «Образование языка восточных славян». М., 1962), В. Будзишевской, А. П. Непокупного, Г. П. Клепиковой и др. возможна реконструкция шести праславянских диалектных зон: севернославянской, юго-восточной, восточнославянской, юго-западной, южной, западной. Территория распространения современного белорусского языка связана с тремя первыми. Теоретически вероятно, естественно, наличие белорусских орнитонимов, восходящих к праславянским диалектизмам этих трех зон.

2.1. Севернославянская диалектная зона (32 названия).

2.1.1. Наименования, распространенные во всех восточно- и западнославянских языках: бацян, чачотка.

2.1.2. Наименования, распространенные в большинстве севернославянских языков и диалектов: арабок 'рябчик', арэхаўка, баран 'бекас', гиль 'снегирь', дудак, 'удод', кніга 'чибис', краска 'сизоворонка', кулік, цяцэрка, чайка₂ 'чибис', чыранка 'чирок-свистунок', чырка, чырок; белазор 'кречет', белыхвост 'орлан-белыхвост', дроп 'дрофа', круцігалоўка, курапатва.

2.1.3. Наименования, распространенные во всех или большинстве севернославянских языков и диалектов, а также известные на части южнославянской территории: амялушка 'свистель', кукуля, пенка, суп 'коршун'; саракуш 'сорокопуд', скаўронак 'жаворонок'.

2.1.4. Наименования, предположительно относимые к диалектизмам

севернославянской зоны (известные части восточно- и западнославянских языков): бык 'выпь большая', грута 'веретенник большой', жаўназ 'золотистая шурка', нор 'ныряющая птица', саракапут, сыч.

2.2. Юго-восточная диалектная зона (16 названий).

2.2.1. Наименования, распространенные в восточно- и южнославянских языках (отмечаются преимущественно в отдельных языках или их диалектах, то есть не покрывают полностью всю юго-восточную область): белка 'птица белого цвета', вадзяны бык 'выпь большая', гава, галица, галка, голуб, грач, грывач 'вахирь', журавель, курыца, нясыць, сілязьень, сіп, удод.

2.2.2. Наименования, распространенные в восточно- и южнославянских языках, а также известные отдельным западнославянским: глухар, грак.

2.3. Восточнославянская диалектная зона (31 название).

2.3.1. Наименования, известные всем восточнославянским языкам: вутка / утка, вуця, дзяраба, драч, каршак / коршак, каршун / коршун, нырок, нырэц, цецера, чарнуха 'нырок белоглазый', чэрнь 'нырок красноголовый', юрок.

2.3.2. Наименования, распространенные в белорусском и русском языках: баравік 'анст черный', гранок 'береговая ласточка', кароза 'сойка', клест.

2.3.3. Наименования, распространенные в белорусском и украинском языках: бараўка, гарыст 'анст белый', сітка 'трясогузка', цецяр, цялягуз, 'черныш'.

2.3.4. Наименования, известные в русском и украинском языках (заимствованные белорусским языком): чарныш 'черныш'.

2.3.5. Праславянские диалектизмы белорусского языка: бабка 'сизая чайка', гарус (?) 'анст черный', дабад 'лебедь', рэпалус 'зарянка'.

2.3.6. Праславянские диалектизмы русского языка (заимствованные белорусским языком): вып, глупыш, крэчат, чэрнець 'чернеть хохлатая'.

Проведенный анализ выявленных праславянских названий птиц среди белорусских орнитонимов позволяет сделать следующие основные выводы: а) праславянские наименования птиц представляют собой, в основном, родовые наименования и, следовательно, действительно являются базой орнитонимических систем славянских языков; б) древним славянам, вопреки мнению Д. С. Сетарова⁴, были известны все птицы, их окружавшие; в) диалектные наименования птиц праславянского языка обнаруживают тенденцию к обозначению отдельных видов, т. е. к сужению значения; г) родовой состав древней славянской орнитофауны по данным белорусских орнитонимов, восходящих к праславянскому, в целом соответствует родовому составу орнитофаун отдельных славянских стран, что косвенно подтверждает расположение прародины славян на землях, близких к территории распространения современного белорусского языка.

¹ См.: Булаховский Л. А. Общеславянские названия птиц.— Известия АН СССР, отделение литературы и языка. М.— Л., 1948, т. VII, вып. 2, с. 97—124.

² Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи).— В кн.: Славянское языкознание: Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). М., 1963, с. 164—165.

³ Филин Ф. П. Проблемы исторической лексикологии русского языка (Древний период).— Вопросы языкознания, 1981, № 5, с. 10.

⁴ См.: Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях птиц.— Советская тюркология, 1970, № 2, с. 86.

ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОСТИ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВАРИАНТНОСТИ

(на материале словосочетаний,
выражающих пространственные отношения)

В современных русском и белорусском языках макрополе обстоятельственности¹, которое складывается из конституентов, выражающих обстоятельственные отношения, характеризуется наличием вариантных единиц. Так, один из фрагментов микрополя пространственных отношений включает варианты, которые представляют собой конкретные реализации следующих структурных схем словосочетания: а) модель с предлогом *между* (в бел. яз. — *паміж*) и существительным в творительном падеже; б) модель с предлогом *между* (в бел. яз. — *паміж*) и существительным в родительном падеже; в) модель с предлогом *меж* (в бел. яз. — *між*) и существительным в родительном падеже; г) модель с предлогом *меж* (в бел. яз. — *між*) и существительным в творительном падеже. В результате образуются две разновидности рассматриваемого вариативного ряда.

1) Противопоставление конструкций с предлогами *между* и *меж* (в бел. яз. — *паміж* и *між*), например: *Между деревьями* в путанице оголившихся черных ветвей *светилась* узкая полоска зары (Б е р е з к о Г. Дом учителя). Воздух побелел к рассвету, сразу омертвив разжиженный сонный свет луны, *сквозивший меж деревьями* (Б о н д а р е в Ю. Мгновения). *Паміж імі чарнела* няроўная паласа чыстай вады. Мокрая шчыліна, што *чарнела між імі*, сведчыла пра здрадніцкую ненадзейнасць гэтай ледзяной мясціны (Б ы к а ў В. Пайсці і не вярнуцца).

Различие данных вариантов состоит лишь в степени употребительности. В русском языке чаще употребляются конструкции с предлогом *между*, в белорусском языке построения с предлогом *між*. Указанные сочетания представляют ядерную зону² микросистемы данного типа.

2) Противопоставление форм творительного и родительного падежей зависимого компонента. Норма допускает оба варианта, хотя употребительнее предлога *между* с формой родительного падежа и предлога *меж* с формой творительного квалифицируется в некоторых словарях как устаревшее³. Ядерной конструкцией в этом случае является модель с предлогом *между* и существительным в творительном падеже (для русского языка), например: *И вскоре уже ходил между койками*, раздавал статьи (Б а к л а н о в Г. Навеки — девятнадцатилетние).

Данный вариант преобладает в количественном отношении. Периферийный слой поля составляет модель с родительным падежом зависимого существительного, например: *Маша ходит между коек*, поправляет сползшие одеяла (Д р а б к и н а А. ...И чуть вперед).

На периферии русской микросистемы располагается также конструкция с предлогом *меж*. В этом случае предпочтение отдается форме родительного падежа зависимого компонента, хотя последний может употребляться и в форме творительного падежа, например: *Со звоном и паром выскакивали* стреляные гильзы *меж станин* (Б о н д а р е в Ю. Горячий снег).

В периферийной зоне располагаются модель «глагол + сквозь + сущ. в вин. пад.» и конструкция «глагол + среди + сущ. в род. пад.», например: *Справа сквозь голые ветки деревьев виднелась* обширнейшая долина (К о п т е л о в А. Возгорится пламя). Ср.: *Внизу, в соседнем саду, между голыми ветвями, виднелись* каски (Б е р е з к о Г. Дом учителя). *Непцы ходят среди оленей*, расталкивают их (К а з а к о в Ю. Долгие крики).

Ср.: *Между выпряженных коней бродили ездовые* (Березко Г. Дом учителя).

В белорусском языке также допускается употребление вариантов и с формой родительного, и с формой творительного падежей зависимого компонента. Но преобладают конструкции «глагол+*між*+сущ. в род. пад.», которые составляют ядро белорусской микросистемы, например: *Між броваў у Юрася была доўгая зморшчына* (К а р а т к е в і ч У. Хрыстос прызямліўся ў Гародні). *Між няшчытна пакладзеных дошчак чарнелі паскі толю* (Б ы к а ў В. Сотнікаў).

Периферийную зону составляют модели «глагол+*між*+сущ. в твор. пад.» и «глагол+*паміж*+сущ. в твор./род. пад.», например: Горкая зморшчынка *была ў яго між брывамі*. Хлопец *стаяў амаль паміж* ягоных ног (К а р а т к е в і ч У. Каласы пад сярпом тваім).

Очень редко в белорусском языке встречается конструкция с предложением *праз*, которая варьируется с моделью с предложением *між* (*паміж*), например: Ен селяўся праз пальцы, можа ёй хацелася чымсьці заняць рукі (Ш а м я к і н І. Шлюбная ноч). Ср.: І заставалася тады б Марце толькі *прапускаць*, як пясок, золата *між пальцаў* (К а р а т к е в і ч У. Хрыстос прызямліўся ў Гародні).

Данная модель представляет периферию микросистемы. Там же располагается построение с предложением *сярод*, например: Тады ён пабег трушком і *знік сярод дрэў* (К а р а т к е в і ч У. Былі ў мяне мядзведзі). Ср.: Хутка Паўлюк заўважыў лясны ставок, маленькі, *схаваны між дрэў* (К а р а т к е в і ч У. Каласы пад сярпом тваім).

Таким образом, микросистема данного типа, наряду с другими конститuentами, включает общие для русского и белорусского языков варианты, которые имеют различное распределение в пределах микрополя. Для обозначения места, предмета, вблизи которого или вокруг которого совершается что-либо или размещается кто-что-нибудь, используются варианты словосочетаний, включающие в себя сочетания глаголов, предлогов *у, около, возле, подле, близ* и существительного в родительном падеже в русском языке, в белорусском — сочетания глаголов, предлогов *каля* и *ля* и существительного в родительном падеже, предлогов *пры, у* и существительного в предложном падеже. Образующийся вариативный ряд является многочленным: в русском языке он включает пять видов моделей, в белорусском ряд является четырехчленным. Для русского языка характерно широкое распространение предлогов *у, около, возле*. Редко используются *подле* и *близ*. Конструкции с перечисленными предлогами употребляются в сходных или одинаковых лексико-грамматических условиях и не различаются ни грамматическими, ни стилистическими оттенками, т. е. являются эквивалентами, например: Я *стоял у* закрытых *дверей* балкона (Б о н д а р е в Ю. Мгновения). *Стоя* с Федей *возле* *двери*, она смотрела на один из подоконников (С о т н и к Ю. Приключенные не удалась). Здесь люди *стояли* группами *около* *дверей* длинных домиков на колесах (Т р о е п о л ь с к и й Г. Белый Бим Черное ухо). Много часов *простоял* он *близ* операционного *стола* (Г у с а р о в Д. За чертой милосердия).

В белорусском языке употребление вариантов с предлогами *каля* и *ля* почти одинаково. Реже встречаются предлоги *пры, у*, например: Так звалася вёска, што *стаяла ў* баку ад вялікіх дарог *ля* самае *пушчы*. Думаў, пустое, аж гляджу, баба *стаіць каля* *лесу* (Б ы к а ў В. Воўчая зграя). Усё ж хутар *стаіць пры* *лесе* і паблізу ад мястэчка (Б ы к а ў В. Пайсці і не вярнуцца).

Таким образом, в русском языке ядерными построениями являются модели с предлогами *около, возле, у* и существительным в форме родительного падежа. Периферия представлена конструкциями с предлогами *подле* и *близ*. В белорусском языке ядро поля составляют модели с предлогами *каля* и *ля* и существительным в форме родительного падежа. Они равномерно распределены в системе центра. Периферийная зона представлена конструкциями с предлогами *пры* и *у*.

Для обозначения пребывания или направления в какое-нибудь место употребляются варианты конструкции с предлогами *в* и *на*. Указанные предлоги в равной мере используются в одинаковых или сходных лексико-грамматических условиях без каких-либо ограничений. При исследовании фактического материала были выявлены лексемы, которые могут выступать в эквивалентных параллельных сочетаниях с предлогами *в* и *на*. Среди них своей частотностью выделяются слова *кухня*, *огород*, *поле*, *небо*, *хутор* и другие в русском языке, в белорусском — *кухня*, *агарод*, *поле*, *неба*, *хутар* и другие. Например — в русском языке: Озираясь, она пошла на хутор (З а к р у т к и н В. Матерь Человеческая). Может, в хутор мотанул (Б о н д а р е в Ю. Горячий снег). Да, третьим классом! — вздохнула мать и ушла на кухню (В о р о б ь е в Е. Этьен и его тень). Она составила тарелки друг на друга и ушла с ними в кухню (С о т н и к Ю. Приключение не удалось). Лесник сел на «второй» троллейбус, проехал пять остановок (С е м е н о в Ю. ТАСС уполномочен заявить). Шевелев механически сел в троллейбус (Д у б о в Н. Родные и близкие). Лучше наверх, на небо смотреть (А с т а ф ь е в В. Царь-рыба). Он лежит на траве, раскинув руки, и смотрит вверх, в небо (С о л о у х и н В. Трава). И все-таки на кухне постоянно нужна вода (Б о н д а р е в Ю. Мгновения). То есть холодная вода в кухне нужна (Б о н д а р е в Ю. Мгновения). Что за звезды светились на небе? (Л о г и н о в В. Цвет топленого молока). Засветилась в небе неяркая сине-зеленая звездочка (П р и л е ж а е в а М. Три недели покоя). В белорусском языке: Марына ўвайшла на кухню, села за стол. Віктар увайшоў у кухню (Ш а м я к і н І. Атланти і карыяцыды). Пра дзірку ў плоце ён выйшаў на гарод (Б ы к а ў В. Дажыць да світаня). Як дужа голад даняў, вылезла ноччу у гарод (Б ы к а ў В. Сотнікаў).

Сапраўды, на хутары каня магло і не быць (Б ы к а ў В. Пайсці і не вярнуцца). У хутары, не бачылі, немцаў няма? (Б ы к а ў В. Зрада). Дзяўчына задуменна глядзела на свінцовае неба, з якога паціху церушыў снег (Б ы к а ў В. Пайсці і не вярнуцца). Маша доўга, не маргаючы, глядзела ў неба (Ш а м я к і н І. Шлюбная ноч). Яны выйшлі на двор (Ш а м я к і н І. Сэрца на далоні). Яны выйшлі ў двор (Б ы к а ў В. Пайсці і не вярнуцца). Вольга доўга сядзела на кухні (Ш а м я к і н І. Гандлярка і паэт). Сядзеў Ігнат у кухні (Б р ы л ь Я. Ніжнія Байдуны).

Количественные показатели, полученные в результате исследования фактического материала, свидетельствуют, что частотность сочетаний предлогов *в* и *на* со словами *кухня*, *огород*, *поле* в русском языке и *агарод*, *аўтобус* в белорусском практически одинакова. При слове *хутор* преобладает предлог *на* как в русском, так и в белорусском языках. В языке современных писателей чаще употребляется сочетание *в небе*, *в небо* (в бел. яз. — *у небе*, *у неба*). Возможно, это объясняется тем, что конструкция с предлогом *в* четче выражает пространственное значение, в отличие от построения с *на*, которое имеет дополнительный оттенок объектных отношений. В белорусском языке модель *у поле* (*у полі*) характеризуется большим употреблением по сравнению с *на поле* (*на полі*), что не подтверждает мнения некоторых лингвистов относительно более широкого использования конструкции с предлогом *на*⁴. Предлог *на* преобладает в сочетании со словом *кухня* в белорусском языке. Таково же мнение и Э. И. Борисоглебовской⁵. М. С. Евневич придерживается противоположной точки зрения, утверждая большую употребительность сочетания *у кухню* (*у кухні*) в белорусском языке⁶. Практически одинаково соотношенне сочетаний *у двор* (*у двары*) и *на двор* (*на двары*). Указанные построения равномерно распределены в структуре белорусской микросистемы, употребляются без каких бы то ни было стилистических различий. В русском языке сочетание *на двор* носит просторечный характер и встречается крайне редко.

Таким образом, для микросистемы русского и белорусского языков характерно наличие общих построений. Но отмеченные модели вариантов имеют различное распространение в пределах поля. Границы между

ядерной и периферийной зонами находятся в состоянии сильной размытости, о чем свидетельствует практически одинаковое употребление конструкций с предлогами *в* и *на* как в русском, так и в белорусском языках.

Для обозначения места пролегания, пути перемещения, пространства, в пределах которого или по поверхности которого происходит движение, в русском и белорусском языках употребляются следующие модели микрополя: а) предложная конструкция с существительным в форме дательного падежа (в бел. яз. — с существительным в форме предложного падежа и предлогом *па*); б) беспредложная конструкция с существительным в форме творительного падежа. Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о параллельном использовании перечисленных вариантов в одинаковых или сходных лексико-грамматических условиях, например — в русском языке: Я, конечно, видел и небо, как можно видеть его, когда *идешь по* луговой тропе, *по краю* оврага, *по косогору* (Солоухин В. Трава). Было приятно *идти краем* оврага, слышать пенне иволги (Ананьев А. Танки идут ромбом). Долго *идем тропой* с дюны на дюну (Казак в Ю. Долгие крики). С новоиспеченной нотариальной доверенностью в кармане он *шагал по* оживленной улице (Воробьев Е. Этьен и его тень). Они быстро *шагали* вдвоем центральной улицей города, застроенной купеческими особняками (Прилежаева М. Три недели покоя).

В белорусском языке: *Па хмызняку* яны *прайшлі* лагчыну. Яны *пайшлі хмызняком* уніз, у абход поля (Быкаў В. Дажыць да світанья). Ён *ішоў па полі*, даўшы сабе слова болей не лезці ў зараснікі (Быкаў В. Пайсці і не вярнуцца). Ён вярнуўся назад і на некаторай адлегласці *пайшоў полем* (Быкаў В. Дажыць да світанья). Конь *ішоў па вуліцы* па пяску навязжыку (Пташнік аў І. Найдорф). Трактар *ішоў вуліцай* ля плота (Пташнік аў І. Тартак).

Ядро поля русского и белорусского языков (по объему лексикки, вовлекаемой в словосочетание, по степени употребительности) составляют варианты с предлогом. Периферийную зону представляют беспредложные модели с творительным падежом зависимого компонента. В русском языке последняя характерна для разговорной речи. В белорусском языке обе модели используются без стилистической дифференциации, но вариант без предлога употребляется реже. На периферии поля находится конструкция с предлогом *через* и существительным в форме винительного падежа (в бел. яз. — предлог *цераз*), например — в русском языке: Ведь именно по этим цветам можно узнать, где и как *прошли через* наш луг весенние мутные воды (Солоухин В. Трава). Ср.: Владимир и Надежда *лугами прошли* до Енисея (Коптелов А. Возгорится пламя). *Идя по* суховатым лугам, внимательный человек заметит более темные и жирные зеленые полосы (Солоухин В. Трава).

В белорусском языке: *Пайшлі* далей *цераз балота*. Ср.: Знайшлі немцы, калі *пайшлі балотам* з-пад Камена (Пташнік аў І. Тартак). Ён *пайшоў па балоце* з усё большаю рызыкай шуснуць з галавой у прорву (Быкаў В. Воўчая зграя). В периферийной зоне микросистемы белорусского языка сосредоточена модель с предлогом *праз* и существительным в форме винительного падежа, например: Иван *бег праз* гароды — як толькі не разарвалася сэрца (Шамякі І. Вазьму твай боль). Ср.: *бяжыць цераз гарод / бегла гародам / бегла па гародзе*.

Таким образом, рассмотренный фрагмент синтаксического поля пространственности составляет в русском языке трехчленный вариативный ряд, в белорусском — четырехчленный. В структуре микросистем встречаются как общие модели, так и построения, свойственные одному из родственных языков.

В заключение обзора макрополя обстоятельственности с пространственным значением следует отметить, что в данном случае в русском и белорусском языках наблюдается расхождение в структуре микрополей, которое заключается в основном в различном распределении вариантов

словосочетаний в пределах микросистемы, в наличии стилистической дифференциации у указанных единиц.

¹ См.: Филичева Н. И. Синтаксические поля: Пособие по грамматике немецкого языка.— М., 1977; она же. Структура словосочетания и синтаксическое поле.— Вестник Московского университета. Серия 10, 1971, № 3.

² Статус вариантов в пределах микросистемы определяется в соответствии со степенью выражения общего синтаксического значения (с учетом наличия или отсутствия несущественных признаков грамматической модели) и на основе частотности употребления конструкций.

³ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка.— М., 1978, с. 316.

⁴ См.: Борисоглебская Э. И. Об употреблении глагольно-именных словосочетаний с предлогами «на» и «у» в современном белорусском языке.— В кн.: Вопросы филологии.— Минск, 1971, вып. 1, с. 26.

⁵ Там же, с. 25.

⁶ См.: Яуневич М. С. Асаблівасці ўжывання некаторых канструкцый з прыназоўнікамі ў і на ў беларускай мове.— Народная асвета, 1974, № 5, с. 55.

Н. П. ВОДНЕВА

НАРЕЧИЯ, ВОСХОДЯЩИЕ К ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ ЦВЕТА (на материале французского языка)

В современном французском языке отмечается распространение сочетаний «глагол + прилагательное цвета» типа *laver blanc*, *peindre gris*, *gîre jaune*. Истоки формирования сочетаний с адвербиализованным прилагательным цвета уходят в старофранцузский язык.

Уже в самый ранний период развития французского языка (XI—XIII века) выкристаллизовывается пять перспективных адвербиализованных прилагательных цвета (в дальнейшем АП): *cler*, *blanc*, *noir*, *rouge*, *vert*. В сочетании «глагол + АП» выбор прилагательного цвета не случаен, он предопределен чаще всего возможной совместимостью значений глагола и прилагательного. Иными словами, прилагательное цвета адвербиализуется, как только оно «мыслится вне сочетания с предметом и не в качестве субъекта или объекта».¹

Особый интерес представляет семантическое развитие изучаемых единиц в среднефранцузском языке (XIV—XV века). Семантическое взаимодействие некоторых прилагательных цвета с глаголами *faire*, *vestir*, *dire*, *respondre* могло служить основанием для возникновения устойчивых сочетаний, например: *Je suis vesve, seulete et noir vestue*. Ch. de P. I, 149. *Alions en ce brueil*, *Ou il fait vert*. Ch. de P. II, 60.

Все анализируемые единицы характеризуются возрастающей глагольной сочетаемостью, активно функционируют в среднефранцузском языке, обладают в большинстве своем развитой полисемантической структурой. Взаимодействие значения глагола и прилагательного способствует развитию конверсионного значения (*noir*, *vert*).² Наличие конверсионных значений в структуре АП цвета расширяет возможности их семантической и синтаксической сочетаемости с глаголами. Синтаксическая функция обстоятельства закрепляет новое значение прилагательного и способствует его переходу в наречие.

В течение среднефранцузского периода отмечается количественный рост АП, расширение их семантического объема, развитие их конверсионных значений. Большинство АП цвета (*clair*, *blanc*, *noir*, *rouge*, *vert*) регулярно употребляются в функции обстоятельства. Это — утвердившиеся в позиции наречия единицы, их адвербиальная функция выявляется в сочетаниях со многими членами лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов речи, движения, конкретного действия, эмоциональной сферы. Появление новых АП (*blcu*, *brun*) обусловлено семантическими связями между прилагательным и глаголом, т. е. конверсия прилагательного в наречие основана на смысловом взаимодействии и обогащении прилагательного и глагола. Например: *S'il te dit blanc, respons lui noir*. Desch., Godefroy X, 197. Не успеет он сказать тебе «белое», как

ты немедленно кричи «черное» (Он говорит одно, а ты — другое). Семантическое своеобразие АП цвета в языке XIV — XV веков проявляется в регулярности их переносного употребления.

Лексическая система ранненовофранцузского языка (XVI век) отличается богатством и разнообразием языковых средств. В общей эволюции языка XVI век является особенно важным этапом. В это время продолжают развиваться тенденции, заложенные в предшествующие периоды, и начинают действовать закономерности, во многом предопределившие современный облик языка.

В раннефранцузском языке продолжает расти группа АП цвета. К концу XVI века в функции обстоятельства употреблялось уже 10 прилагательных цвета. Так, АП *bleu*, *brun* — окказиональные наречия в среднефранцузском языке — расширяют в языке XVI века глагольную сочетаемость и переходят в группу функциональных наречий. Новые прилагательные *gris*, *jaune*, *mat* включаются в процесс адвербиализации в XVI веке, а на протяжении XVII — XX веков в него вовлекаются и другие прилагательные цвета: *azur*, *blond*, *écarlate*, *marron*, *rose*, *sombre*, *violet*. Таким образом, процесс остается активным и в современном языке. Сравним некоторые интересные сочетания с наречием цвета в языке XVI и XX веков:

Blanc, XVI век: *tenir blanc* (содержать в чистоте), *cracher blanc* (мучиться, изнывать от жажды), *demeurer blanc* (нести убытки); XX век: *laver blanc* (стирать чисто), *laquer blanc* (покрывать белым лаком), *cracher blanc* (изнывать от жажды), *bouillir blanc* (хорошо прокипятить), *fleurir blanc* (цвести белым цветом), *sourire blanc* (неестественно улыбаться), *dire blanc et noir* (колебаться; говорить то одно, то другое), *se fâcher tout blanc* (рассердиться; дойти до белого каления), *geler blanc* (покрыться инеем, занневеть) и мн. др.

Jaune, XVI век: *dire jaune* (говорить в сильном раздражении); XX век: *rire jaune* (принужденно смеяться), *sourire jaune* (криво улыбаться), *applaudir jaune* (принужденно аплодировать), *clignoter jaune* (мигать, моргать), *tauer jaune* (линовать; в желтую полоску) и др.

Следовательно, все прилагательные цвета, употреблявшиеся в функции наречия в языке XVI века, сохранили эту функцию в современном языке, расширив глагольную сочетаемость и развив конверсионные значения. Однако процесс этот не распространился на все прилагательные цвета. Язык художественной литературы, данные лексикографических трудов, материал современных исследований показали, что в языке закрепились только самые частотные, наиболее употребительные АП цвета (17 ед.): *azur*, *blanc*, *bleu*, *blond*, *brun*, *clair*, *gris*, *jaune*, *écarlate*, *marron*, *mat*, *noir*, *rose*, *rouge*, *sombre*, *vert*, *violet*.

Таким образом, состав наречий, восходящих к прилагательным цвета, непрерывно пополняется. Кроме использования цветовых прилагательных в основном значении (чаще в языке рекламы), писатели широко используют способность прилагательных цвета передавать сложные отношения, выражающиеся в переносных употреблениях. Характеристика процесса (или субъекта) связывается нередко с оценочной характеристикой, заложенной в семантике некоторых прилагательных цвета. Так, черный цвет, как известно, под влиянием символики цвета, издавна вызывает представление о пессимизме, горе, угрозах, красный — о гневе, возбуждении, голубой — об оптимизме и т. п. Например: *gendre noir* (оклеветать), *penser noir* (предаваться мрачным мыслям), *voir bleu* (витать в облаках), *se fâcher tout rouge* (рассвирепеть, ср. по аналогии: *se fâcher tout blanc*) и т. д. Это позволяет расширить семантические рамки некоторых АП цвета за счет новых сочетаний с глаголами.

Небезынтересно отметить, что в XVI веке в языке художественной литературы употреблялись наречия с аффиксом — *ment*, образованные от прилагательных цвета: *blanchement*, *brunement*, *jaunement*, *rougement*, *noirement*, etc., например: ... *jaunement* s'écouloit l'or. Tahureau, Gougenheim, 190. *La cendre çà et là noirement* si assisoit. Huguet V, 436.

Как видно из примеров, наречия на *-ment* обладали одной немаловажной особенностью. АП цвета восходят как к прямым, так и к переносным значениям исходных прилагательных, наречия же на *-ment* однозначны: их значения восходят к основным значениям семантически исходных прилагательных. Соответственно, семантика АП цвета шире семантики однокоренных единиц на *-ment*. Поэтому употребление наречий цвета на *-ment* становится более сдержанным после реформы языка³, затем к концу XVII века, по свидетельству словарей, совсем исчезает⁴. Эти формы наречия на *-ment* почти не сохранились и не оказали влияния на язык XX века. Исключение составляет *vertement*, сохранившееся в современном языке, так как оно обладало переносными деривационными значениями «сильно, энергично, резко, строго» в языке ранненовофранцузского периода (ср. в современном языке: *tancer vertement* — здорово отругать).

Таким образом, семантическая эволюция наречий цвета во французском языке XI—XX веков свидетельствует о том, что всем изученным единицам присуща тенденция к развитию значений на базе расширения и обогащения глагольной сочетаемости. Такой тип наречий уже хорошо известен языку, «отстоялся» в нем. Все новые единицы подвергаются стойкой адвербиализации и характеризуются растущей продуктивностью. «В современной разговорной речи процесс вовлечения прилагательных в обстоятельственные словосочетания протекает необычайно активно».⁵ Например: *Nous connaissons beaucoup d'hommes de sang mêlé... Ils pensent blanc, ils agissent blanc. Bedel, Grevisse 311. Le lin fleurit bleu. DEV, 131.*

Широкое употребление изучаемых единиц в современном французском языке соответствует нормам синтаксической связи слов: все они примыкают контактно и постпозитивно к глаголу. Велика роль окситонного ударения и окситонической организации предложения в закреплении контактной постпозиции АП.

Наблюдения над языковым материалом XX века показывают, что способность глаголов *fleurir* и *peindre* сочетаться с прилагательными цвета способствует возникновению новых сочетаний и образованию новых единиц.

Таким образом, широкие хронологические рамки исследования (XI—XX века) позволили увидеть перспективу, непрерывный исторический процесс формирования и функционирования наречий, восходящих к прилагательным цвета. Анализ семантики прилагательных цвета и диапозона глагольной сочетаемости позволили выделить три группы наречий цвета: 1) собственно наречия — *clair, jaune, rouge* — самостоятельные многозначные или однозначные АП с широкой глагольной сочетаемостью, обладающие конверсионными значениями; 2) функциональные наречия — *blanc, bleu, brun, gris, mat, noir, rose, vert* — несамостоятельные, фразеологически связанные единицы с узкой глагольной сочетаемостью; 3) окказиональные наречия — *azur, blond, écarlate, magron, sombre, violet*. Определяющим фактором принадлежности АП к окказиональным наречиям служит их единичная или эпизодическая сочетаемость с глаголом.

Активизация процесса адвербиализации прилагательных цвета способствуют: расширение круга прилагательных цвета, вовлекаемых в этот процесс (*voir magron, peindre violet, penser blanc, etc.*); расширение сочетаемости прилагательных цвета, так как они содержат образность, дают образную характеристику процесса или действия (*voter rouge, agir blanc, rêver noir, applaudir jaune, etc.*); увеличение круга глаголов, употребляемых в конструкции с АП (*fleurir, peindre, laver, voter, agir, colorer, etc.*).

Материалы исследования позволили проследить неуклонный рост числа АП во все периоды развития французского языка и утверждать, что класс наречий, восходящих к прилагательным цвета, является незамкнутым, открытым для новых единиц.

¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1927, с. 95.

² Конверсия прилагательного в наречие сопровождается расширением лексического и образованием конверсионного значения. Под конверсионным мы понимаем новое значение, приобретаемое лексической единицей в процессе ее адвербиализации.

³ См.: В г и л о т F. La doctrine de Malherbe. P., 1891, pp. 290—291.

⁴ Как отмечает Е. М. Чекалина, встречающееся сочетание наречия на -ment и прилагательного цвета в языке поэтов XVI века являлось «свидетельством формальной изошенности в выражении цвета». См.: Чекалина Е. М. О цветовом эпитете во французской поэзии XVI в. (Заметки о поэтике «Плеяды» и ее современников). — В сб.: Исследования по романской филологии. ЛГУ, 1978, вып. 2, с. 70.

⁵ Ш и г а р е в с к а я Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. — Л., 1970, с. 197.

В. А. БЕЛЬСКАЯ

К ДИСТРИБУТИВНОМУ АНАЛИЗУ СЛОВЕНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Поскольку «семантическая системность рассматривается не как абстрактная классификация слов, а как классификация, необходимая для порождения текстов»¹, существенную роль в системной организации лексики играют синтагматические отношения, т. е. отношения между элементами в речевой цепи, которые находят свое отражение в сочетаемости слов.

Являясь основной единицей языка, слово обладает потенциальной способностью избирательно сочетаться с другими словами в речевой цепи. Под семантической избирательностью понимается способность слова с той или иной степенью строгости регламентировать семантические признаки своего окружения.

Реальным проявлением семантической избирательности слов является лексическая сочетаемость. Различная лексическая сочетаемость служит объективным показателем значений исследуемых слов. Однако сочетаемость — это внешнее проявление значения слова. Реализация значения осуществляется в его употреблении, а само значение можно определить дистрибуцией слова. Под дистрибуцией понимаются слова, грамматически связанные с анализируемым². Анализ семантических отношений существительных, входящих в семантическую микросистему названий лиц современного словенского языка, может быть проведен путем изучения их сочетаемости, поскольку «существительное можно понимать как вместилище признаков»³. Эти признаки обнаруживаются, в частности, в сочетаниях существительного с другими словами.

Выборка материала проводилась из произведений современной словенской литературы. Анализу подвергались сочетания слов, обязательным компонентом которых является рассматриваемая лексема. Всего было отобрано 3082 сочетания анализируемых слов. Мы провели классификацию отобранных сочетаний, исходя из функций, выполняемых анализируемыми словами. Среди сочетаний названий лиц с другими словами выделяются сочетания, в которых изучаемые существительные выступают в подчиняющей функции — это подлежащее при глаголе-сказуемом и определительные сочетания, в которых рассматриваемые слова являются определяемыми. На долю первых приходится 1065 сочетаний, на долю вторых — 1024, из которых 389 составляют сочетания изучаемых лексем с прилагательными, 473 — это сочетания изучаемых лексем с местоимениями и 156 сочетаний приходится на долю несогласованного определения.

Большую группу составляют сочетания, в которых анализируемые лексемы занимают зависимую позицию и выступают в роли дополнения. Наиболее частыми здесь являются глагольные сочетания (735). На долю субстантивных приходится 159 сочетаний. Изучаемые лексемы образуют 99 сочетаний с числительными.

Исследование дистрибутивных свойств отобранных восьми существительных в выделенных моделях дает подтверждение тому, что значение

манifestируется в его употреблении. Чем большую сочетаемость слова мы рассматриваем, тем более полно можно описать его значение. Поскольку рассматриваемые существительные употребляются в сочетании с большим числом глаголов, прилагательных и местоимений, то в процессе анализа эти слова были объединены в группы, исходя из близости их семантики. Например, глаголы *rekti, oglasiti, vekati* и т. п. объединяются в группу глаголов речи, прилагательные *mladi, stari, novi* — в группу прилагательных, обозначающих возраст и время, местоимения *ta, to, tisti* и т. п. — в группу указательных местоимений. В таблице выборочно представлены данные сочетаемости рассматриваемых слов в цифрах и процентах.

Процентное выражение каждого из рассматриваемых сочетаний находится от количества данного типа сочетаний, а именно: сочетаний существительного с прилагательными, местоимениями и т. д. Например, было проанализировано 190 сочетаний изучаемых лексем с глаголами, обозначающими жесты, что составило 17,8 % общего числа сочетаний, в которых рассматриваемые слова выступают в роли подлежащего при глаголе-сказуемом. Существительное *dekle* образовало 32 сочетания с этой группой глаголов, что составило 24,2 % суммы сочетаний, в которых это слово выполняет функцию подлежащего. Следует отметить, что самым частотным в нашем материале является существительное *ženska*. Наиболее часто оно сочетается с глаголами речи, типа *umolkniti, odgovoriti, rekti, spregovoriti* и т. п. Это и понятно, так как речь, говорение является типичным признаком человека. Среди определительных сочетаний наибольшей частотой обладают сочетания этого слова с указательными местоимениями. Помимо названного существительного, высокой частотностью, как видно из таблицы, обладают сочетания этого ряда местоимений с существительными *možak* (80 %) и *moški* (52,8) в отличие, например, от слов *mož* (6,6 %) и *žena* (0). По-видимому, это явление говорит о более общем характере значения первых трех существительных, для уточнения, определения которых и необходимо употребление указательных местоимений. В свою очередь, последние два существительных, а также существительное *otrok* обладают высокой частотой сочетаемости с притяжательными и личными местоимениями третьего лица ед. и мн. числа. Очевидно, это особенность семантики существительных, которые обозначают названия лиц, связанных семейными отношениями.

Сравнение отдельных особенностей сочетаемости двух слов позволяет выявить особенности их семантики по отношению друг к другу. Так, указывая на наиболее общее значение существительных *možak* и *moški*, мы замечаем, что они имеют сравнительно равномерную частоту употребления с прилагательными, обозначающими физическую силу, положительные черты характера. Однако при сочетании с прилагательными, обозначающими внешнюю красоту, частота их употребления различна. На долю первого приходится 3,2, а на долю второго — 10,9 %. Обратное явление наблюдается при сочетании с прилагательными, обозначающими общую отрицательную оценку. Сочетания этой группы прилагательных с первым существительным составляют 13,1, а со вторым — всего лишь 1,6 %. Заметим также, что первое слово обладает самым высоким процентом сочетаемости из всех анализируемых слов с глаголами, указывающими на характеристику лица. Но более половины из них (8 из 13) — отрицательная характеристика типа *trpeti za megalomanijo* (страдать манией величия), *ne biti vljudni* (не быть вежливым) и т. д.

Таким образом, может быть сделан вывод, что второе слово более нейтрально по своему употреблению, а первое — более экспрессивно (экспрессия направлена в данном случае в отрицательную сторону). Очевидно, второе существительное можно пометить как разговорное.

Равномерно распределились сочетания существительных *fant* и *dekle* с прилагательными, обозначающими положительные черты характера, душевное состояние и т. д. Но резкая разница отмечается в сочетаниях

Лексическая сочетаемость существительных

Выполняемая функция	Типы сочетаний		fant		%		dekte		%		moski		%		mozak (ar)		%		zemka		%		moz		%		žena		%		otrok		%		Всего		%		
Подлежащее при глаголе-сказуемом	с глаголами движения		19	12,8	19	14,4	14	14	33	22,0	27	12,0	16	11,6	5	7,0	18	17,8	151	14,2																			
	с глаголами, обозначающими жесты		26	17,6	32	24,2	4	4	33	22,0	29	12,9	34	24,6	11	15,5	21	20,8	190	17,8																			
	с глаголами речи		14	9,5	15	11,5	10	10	10	6,7	35	15,6	12	8,7	5	7,0	8	7,9	109	10,2																			
	Итого		148	100	132	100	100	100	150	100	225	100	132	100	71	100	101	100	1065	100																			
Определяемое	с прилагательными, обозначающими возраст и время		12	33,3	12	20,7	9	29,0	39	60,9	29	30,5	22	44,9	2	10,0	9	25,0	134	34,5																			
	с прилагательными, обозначающими общую положительную оценку		3	8,3	15	25,8	3	9,7	3	4,7	7	7,4	5	10,2	8	40,0	1	2,8	45	11,6																			
	с прилагательными, обозначающими внешнюю красоту		8	22,2	11	19,0	1	3,2	7	11,0	9	9,5	—	—	2	10,0	2	5,6	40	10,3																			
	с прилагательными, обозначающими общую отрицательную оценку		1	2,8	1	1,7	5	16,1	1	1,6	9	9,5	1	2,0	2	10,0	1	2,8	21	5,4																			
	Итого		36	100	58	100	31	100	64	100	95	100	49	100	20	100	36	100	389	100																			
Определяемое	с притяжательными местоимениями		11	23,9	5	13,2	—	—	5	9,4	6	7,1	58	63,7	58	64,4	9	16,4	152	32,1																			
	с личными местоимениями в ед. и мн. ч.		5	10,9	—	—	—	—	1	1,9	—	—	20	22,0	27	30	14	25,5	67	14,2																			
	с указательными местоимениями		14	30,4	13	34,2	12	80,0	28	52,8	35	41,2	6	6,6	—	—	10	18,2	118	25,0																			
	Итого		46	100	38	100	15	100	53	100	85	100	91	100	90	100	55	100	473	100																			

этих существительных с прилагательными, обозначающими общую положительную оценку (*fant* — 8,3, *dekle* — 25,9 %), а также с прилагательными, обозначающими физическую силу. На долю первого существительного приходится 8,3 %, а у второго существительного сочетаний с этой группой прилагательных нами не отмечено. Главным, по-видимому, признаком, который фиксируется в сочетаемости для существительного *fant*, является возраст, потом общая положительная оценка и, наконец, внешняя красота, в то время как для *dekle* они таковы: общая положительная оценка, возраст, внешняя красота.

Естественно, что при рассмотрении большого количества фактов можно установить типичные окружения для каждого слова. При этом у слов, семантически близких, окружения похожи, различия между ними могут носить количественный характер. У слов, далеких по значению, окружения значительно отличаются.

Характерной чертой группы общих названий лиц является относительно четкая ее организация по возрастному принципу. Все анализируемые существительные обладают высоким процентом сочетаемости с прилагательными, обозначающими возраст. Исключение составляет существительное *žena* (10 %). Очевидно, признак «возраст» является здесь важным внутренним качеством, которое не нуждается в дополнительном выражении при помощи определений.

Высокой частотой сочетания с рассматриваемыми существительными обладают группы глаголов, обозначающих жесты, и глаголов движения. Первая группа глаголов наиболее часто сочетается с существительными *dekle* и *mož*. Причем при сочетании первого существительного примерно третья часть (11 из 32) приходится на глаголы, касающиеся внешности, типа *dvigniti pudrnico* (взять пудреницу) и т. д., а при сочетании второго существительного примерно третья часть (12 из 34) приходится на глаголы, содержащие признак «деятельность», «работа», а именно: *zavihteti kramp* (взмахнуть киркой), *sekati drevo* (рубить дерево) и т. п.

По-видимому, существительное *dekle* может использоваться в какой-то мере для обозначения лица, проявляющего интерес к своей внешности, а второе существительное, наверное, может называть лицо, выполняющее какую-то работу. Однако для получения более точных, надежных результатов необходимо привлечь к анализу материал большего объема.

Наибольший процент сочетаемости группы глаголов движения падает на слова *možak* и *otrok*, наименьший — на слово *žena*. В результате анализа выяснилось, что при сочетании существительного *otrok* с группой глаголов движения половина сочетаний приходится на глаголы, содержащие признак «быстрота», типа *tekati* (бежать), *planiti* (броситься), *gazsuti* (рассыпаться), *poditi* (гнать, преследовать) и т. п. Специфика значения существительных *možak* и *žena* в данном случае раскрывается лишь благодаря обращению к более широкому контексту. Это относится также к существительному *moški*, на долю которого падает самый маленький процент сочетаемости с первой группой глаголов.

Таким образом, изучение дистрибутивных свойств существительных, обозначающих названия лиц в словенском языке, помогает вскрыть их качественную близость и семантические различия.

¹ Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. — Минск, 1974, с. 5.

² См.: Супрун А. Е. Лекции по языковедению. — Минск, 1978, с. 72—95; Плотников Б. А. Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений. — Минск, 1979.

³ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — М., 1958, т. 1—2, с. 98.

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Глагольное словообразование современного немецкого языка включает в себя ряд способов, одним из которых является префиксация, выступающая как главное средство обогащения глагольной системы. Исторически префиксация восходит к особому виду словосложения, что позволяет ряду ученых, использующих диахронный критерий, рассматривать префиксацию как словосложение (Я. Гримм, Г. Пауль, В. Вильманнс). Некоторые исследователи приходят к выводу, что префиксация занимает особое, промежуточное место между словосложением и словообразованием (В. Хенцен, В. Флейшер, В. Мотч, М. Докулил и др.). Третья группа ученых рассматривает префиксацию как одно из продуктивных средств словообразования (В. Шмидт, Г. Крамер, Й. Комрад, Г. Бруно, М. Степанова, Е. Кубрякова и др.). Различие точек зрения по данной проблеме связано с неоднородностью системы глагольной префиксации, в которой четко выделены следующие слои.

Ядро составляют собственно префиксы, т. е. словообразовательные морфемы, которые закончили историю своего слияния с глаголом уже в древнегерманскую эпоху и в настоящее время не имеют свободного коррелята в языке. Таких префиксов в немецком языке восемь: *be-*, *ent-*, *emp-*, *er-*, *ge-*, *miß-*, *ver-*, *zer-*¹. Но синхронной системой словообразования префиксы *emp-* и *ge-* не рассматриваются, так как они непродуктивны, нечастотны и семантически нейтральны², префикс *miß-* является малопродуктивным и образует небольшой ряд слов (см. таблицу). Х. Бринкманн пишет, что в целом диапазон действия префиксов весьма различен: наиболее широк он у приставки *ver-*, наиболее узок у приставки *zer-*³. В. П. Недялков в своем обзоре первых компонентов непростых глаголов отмечает, что глаголы с этими элементами (неотделяемыми приставками *ver-*, *be-*, *ent-*, *er-*, *zer-*) составляют 95 % всех образований. Правда, он включает в разряд неотделяемых приставок кроме *ge-*, *emp-*, *miß-*, давно утративших в языке свободные корреляты, еще *hinter-*, *wider-* и *voll-*, соотносящиеся с оморфными предлогами (*hinter*, *wider*) и прилагательным (*voll*). Все шесть элементов рассматриваются как непродуктивные⁴. Тем не менее, включение последних трех в разряд неотделяемых, на наш взгляд, является неправомерным. Согласно традиционной точке зрения, мы относим *hinter-* и *wider-* к группе полупрефиксов с колеблющимся ударением, так как оба элемента употребляются почти в равной мере и как отделяемые (*hinterarbeiten*, *-bringen*, *-essen*...; *widerhallen*, *-klingen*, *-tönen*), и как неотделяемые (*hinterbleiben*, *-gehen*...; *widerfahren*, *-streben*)... *Voll* вслед за М. Д. Степановой рассматриваем как первый частотный компонент (отделяемый и неотделяемый). В слове Э. Матера с этим элементом зарегистрировано всего 19 глаголов.

Для обозначения словообразовательных элементов, образующих следующие два слоя системы глагольной префиксации, в лингвистической литературе употребляется ряд терминов, например: первый компонент сложного слова или компонент фразеологизма, отделяемая (отделяемо-неотделяемая) приставка, относительный префикс, полупрефикс, префиксоид, частица (*Partikel*, отсюда *Partikelverben*), морфемы, омонимичные словам, и др.

В советской лингвистической литературе большое распространение получил термин «полуаффикс» («полупрефикс», «полусуффикс»), введенный и обоснованный проф. М. Д. Степановой еще в 1953 г. «Основным признаком полупрефикса, — пишет М. Д. Степанова, — является его служебный характер, выявляющийся в особенностях не только его семантики, но и, прежде всего, его дистрибуции и функций»⁵. Е. С. Кубрякова в качестве главного признака полуаффикса отмечает «становле-

ние у соответствующей морфемы обобщенного значения, проходящего по однотипной серии конструкций»⁶.

Словообразовательные элементы следующих двух слоев мы также обозначаем термином «полупрефикс». Тем самым глагольные образования с предложными и наречными элементами рассматриваются не как сложные слова, а эти элементы включаются в систему глагольной префиксации, так как у них нет «ни одного специфического словообразовательного признака», а «функциональное различие между аффиксами и полуаффиксами отсутствует»⁷. Мы присоединяемся к точке зрения Е. С. Кубряковой о невыделении полуаффиксации как особого словообразовательного приема⁸.

Таким образом, второй слой системы составляют, по нашему мнению, полупрефиксы с колеблющимся ударением *durch-, im-, über-, unter-, wider-, hinter-* (см. таблицу). В. Хенцен включает сюда же и *voll-*. Уже в древневерхненемецком *über-, unter-, hinter-, durch-* в своем употреблении смыкаются с префиксами. Они регулярно стоят непосредственно перед глаголом и довольно редко встречаются в самостоятельном употреблении⁹. Данные элементы (и прежде всего *durch-, über-, im-, unter-*) еще в большей или меньшей степени сохранили свои пространственные значения.

Третий слой образуют отделяемые полупрефиксы *ab-, an-, auf-aus-, bei-, ein-, entgegen-, entlang-, gegenüber-, mit-, nach-, ob-, vor-, zu-*. Отделяемый (иногда неотделяемый) полупрефикс *ob-* является непродуктивным и нечастотным. В словаре Э. Матера мы находим только три глагола с этим полупрефиксом, т. е. мы имеем дело с реликтным, остаточным элементом, что позволяет не рассматривать его в синхронной системе глагольной префиксации.

Интересно мнение ряда лингвистов (М. Д. Степанова, А. И. Руфьева, П. Г. Левитене, И. Эрбен, В. Флейшер и др.), считающих данные элементы морфемами переходного типа, т. е. «они отличаются от первых компонентов сложных слов и в то же время неполностью превратились в морфемы-префиксы»¹⁰. В. Флейшер, например, говорит о «зародышах» развития этих элементов в глагольный префикс¹¹.

Но в немецком языке выделяется еще один слой словообразовательных элементов с серийной функцией, которые проф. М. Д. Степанова называет «первыми частотными компонентами». Образования «частотный компонент + глагол» в лингвистической литературе относятся к словосложению. Однако следует отметить своеобразие данных словообразовательных элементов, так как они обладают всеми качествами полуаффиксов, за исключением одного — семантического сдвига. «Сдвиг значения у этих элементов очень слаб или же отсутствует вообще», — пишет проф. М. Д. Степанова¹², т. е. обычно они функционируют с теми же значениями, что и их свободные корреляты. Кроме того, элементы, образующие четвертый, пограничный слой системы, не обладают такой многозначностью, как префиксы и полупрефиксы. Так, предлоги в соединении с *hin, her* всегда понимаются как указатели направления. В. Флейшер, анализируя данную группу элементов, отмечает, что, хотя иногда мы здесь и сталкиваемся с идиоматизацией (*hinrichten, sich hingeben, hervorbeschwoëgen, etwas heraushaben* и т. д.), все-таки в большинстве случаев такие глагольные образования характеризуются значением «указатель направления». Значение «направление» присуще большинству соединений с *her-, hin-, da(r)-* и производный глагол приобретает сему «направление» даже в тех случаях, где оно отсутствует у симплекса, ср.: *brüllen-heraus-, hinausbrüllen, wagen-sich hinab-, hinaufwagen*¹³.

Отнесение словообразовательных элементов четвертого слоя к префиксальной системе объясняется особенностями немецкого языка, в связи с чем К. С. Погорельская пишет: «Порядок слов, требующий, чтобы всякое слово, вступающее в семантическую связь с глаголом, ставилось обязательно перед инфинитивной формой глагола, послужило благоприятным условием для того, чтобы в категорию глагольных приставок во-

Префиксальная система современного немецкого языка

Слой системы	Словообразовательный элемент	Количество лексических единиц по группе	% по группе	Общее кол-во лексических единиц по слою	Общий %
Неотделяемые префиксы	ver-	1221	40,4	3023	24
	be-	834	27,6		
	er-	400	13,2		
	ent-	396	13,1		
	zer-	147	4,9		
	miß-	25	0,8		
Отделяемые-неотделяемые полупрефиксы	durch-	437	35,5	1230	10
	um-	357	29		
	über-	300	24,4		
	unter-	97	7,9		
	wider-	22	1,7		
	hinter-	17	1,4		
Отделяемые полупрефиксы	ab-	917	20,1	4578	36
	aus-	798	17,4		
	an-	748	16,3		
	auf-	613	13,4		
	ein-	607	13,3		
	zu-	263	5,8		
	vor-	233	5,1		
	nach-	208	4,5		
	mit-	91	2		
	bei-	55	1,2		
	entgegen-	34	0,7		
	gegenüber-	6	0,1		
entlang-	5	0,1			
Первые частотные компоненты	her-	978	26,1	3751	30
	hin-	879	23,4		
	da(r)-	368	9,8		
	прочие	1526	40,7		

влекались всё новые и новые слова — наречия нового образования типа *hinauf*, *hinüber*, имена существительные, прилагательные и др.»¹⁴. В силу этой особенности немецкого языка в слой первых частотных компонентов и сейчас вовлекаются новые слова, которые образуют более или менее многочисленные ряды. Например, *fern-*: *fernbedienen-*, *-bleiben*, *-halten*, *-lenken*, *-liegen*, *-sehen*, *-sprechen*, *-stehen*, *-steuern*.

Итак, словообразовательные элементы рассмотренных выше четырех слоев, несмотря на их неоднородность, объединяются в одну систему, которая понимается как «известным образом организованное (т. е. упорядоченное) целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определенных целей»¹⁵. Для системы глагольной префиксации характерно следующее: во-первых, все элементы «в словообразовательном отношении проявляют отчетливо вы-

раженное функциональное сходство»¹⁶; во-вторых, они обладают обобщенным, абстрактным значением; в-третьих, это обобщенное значение прослеживается в однотипной серии конструкций; в-четвертых, префиксы и прочие префиксальные элементы, соединяясь с «базисным глаголом», способствуют его семантической или же синтаксической модификации¹⁷. Количественные данные сочетаний префиксальных элементов с глаголами, процентное соотношение по группам и различным слоям отражены в таблице.

Общее число лексических единиц с перечисленными в таблице словообразовательными элементами составило по словарю Э. Матера 12582 (100 %). Интересно, что чем дальше отстоит от ядра слой, тем больше элементов он включает в себя. Так, неотделяемых префиксов и отделяемо-неотделяемых полупрефиксов насчитывается по 6, отделяемых полу-префиксов — 13, а первых частотных компонентов — 84. В этом самом многочисленном слое системы можно выделить элементы типа: *her* + предлог/наречие (15); *hin* + предлог/наречие (11); *da(r)* + предлог/наречие (19); прочие частотные компоненты (*auseinander-*, *ineinander-*, *entzwei-*, *los-*, *vorbei-*, *voll-*, *fort-*, *fehl-*, *weiter-*, *zurück-* и т. д.), т. е. элементы, соотносящиеся с местоимениями, наречиями, именами существительными, прилагательными (39).

Следует отметить, что четыре слоя системы характеризуются не только формальными признаками (отделяемость / неотделяемость, корреляция / отсутствие корреляции), но и семантической особенностью: по мере удаления от ядра, элементы которого обладают многозначностью, мы наблюдаем все большую семантическую четкость и однозначность большинства первых частотных компонентов. Между отдельными слоями системы нет четких границ, о чем свидетельствует, например, наличие слоя отделяемо-неотделяемых полупрефиксов, тяготеющих по формальному признаку к неотделяемым префиксам, т. е. к ядру.

Подтверждением системного характера глагольной префиксации является также и то обстоятельство, что элементы каждого из слоев не изолированы друг от друга, а находятся в постоянном семантическом взаимодействии: они могут быть объединены в синонимические группы, так называемые семантические «блоки» или антонимические пары, взаимовлиять на значение и употребление элементов системы. Проблема семантических отношений в данной системе сложна, представляет большой интерес и должна быть предметом специального исследования.

¹ См.: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка.— М., 1979; Mäter E. Deutsche Verben.— Leipzig, 1966, Н. 1, 3; Большой немецко-русский словарь.— М., 1980.

² Здесь следует упомянуть также отделяемый префикс *dar-* (двн. *da*; свн. *dar adv.* туда), который по той же причине в дальнейшем изложении не рассматривается.

³ Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung.— Düsseldorf, 1971. S. 230.

⁴ Недялков В. П. Обзор первых компонентов немецких непростых глаголов.— Уч. зап. Пятигорского гос. пед. института иностранных языков, 1961, т. 23, с. 130.

⁵ Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка.— М., 1953, с. 317.

⁶ Кубрякова Е. С. К определению аффикса.— В сб.: Вопросы романо-германской филологии. М., 1975, вып. 91, с. 35.

⁷ Кубрякова Е. С. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования.— В сб.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966, с. 84.

⁸ Кубрякова Е. С. К определению аффикса, с. 35.

⁹ Henzen W. Deutsche Wortbildung. Tübingen, 1965, S. 87.

¹⁰ Степанова М. Д. Указ. работа, с. 317.

¹¹ Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache.— Leipzig, 1974. S. 77—78.

¹² Словарь словообразовательных элементов..., с. 521.

¹³ Fleischer W. Wortbildung..., S. 311.

¹⁴ Погорельская К. С. Глагольные приставки.— В сб.: Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. М.— Л., 1935, с. 73.

¹⁵ Общее языкознание: Внутренняя структура языка.— М., 1972, с. 30.

¹⁶ Кубрякова Е. С. К определению аффикса, с. 34.

¹⁷ Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre.— Berlin, 1975, S. 67, 72.

ТИПОЛОГИЯ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКЕ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Внутри сочинительной связи выделяются два противопоставленных друг другу вида: однородное и неоднородное сочинение. Однородными членами предложения называются члены сочинительного ряда, выполняющие в предложении одинаковые синтаксические функции. Например: «Он читает *газеты и журналы*». Неоднородными называются разнофункциональные члены сочинительного ряда. Например: «Он *все и всем* объяснил сразу», «*Миргие и часто* поступают в таких случаях хуже».

Необходимо отметить неконгруэнтность терминов «однородность» и «однофункциональность». Тождество функций может быть наблюдаемо и при условиях, когда члены предложения непосредственно не связаны, например: «*Тонкий* намек на *толстые* обстоятельства». Из этого следует, что тождество функций — отношение за пределами синтаксической конструкции; однородность же — один из видов сочинительной связи, для которой характерны определенные законы сочетаемости компонентов.

Противопоставляя однородность и неоднородность друг другу, важно показать грамматическую значимость этих видов сочинения в отдельности, их самостоятельность в синтаксической системе. Для этого мы используем группу **облигаторных** и **факультативных** признаков сочинительной связи. Первые являются обязательными и классифицируют сочинение в ряду других синтаксических явлений. Факультативные признаки необязательны, вероятны, но при этом, как правило, характерны.

Синтаксическая однородность характеризуется следующими признаками: а) облигаторными: 1) выраженность сочинительных отношений, т. е. наличие союза и/или специфической интонации, 2) тождество синтаксических функций; б) факультативными: 1) лексико-семантическая близость компонентов, 2) морфологическое тождество компонентов, 3) словообразовательная близость компонентов, 4) фонетическая близость компонентов, 5) соподчиненность.

Если рассматривать каждый сочинительный вид в плане типологии, т. е. как абстрактные категории, а не конкретные синтаксические конструкции, то можно констатировать, что между однородностью и неоднородностью существует определенного рода деривационное отношение. Однородность, будучи наиболее типичным проявлением сочинительной связи, выступает в качестве образца, который имитируется, когда сочинением охватываются разнофункциональные члены предложения. Можно сказать, что однородность является фоном, на котором отображается неоднородность. Именно поэтому описание структурных признаков неоднородности предполагает историю деривации этого сочинительного вида. Процесс формирования неоднородности на основе однородности назовем **эффектом трансформации**.

Динамика эффекта трансформации состоит в том, что факультативные признаки однородного сочинения (лексико-семантическая, словообразовательная, фонетическая близость и морфологическое тождество компонентов) трансформируются, видоизменяются и для неоднородного сочинения становятся облигаторными. Таким образом восполняется отсутствие синтаксического тождества компонентов неоднородного ряда. Например: морфологическое тождество однородных членов не классифицирует однородность: оно может иметься и может отсутствовать: «Читать *быстро и правильно*», «Читать *быстро и без ошибок*». Именно поэтому мы и называем данный признак однородного сочинения факультативным. Факультативное же качество дает указанному признаку морфологической оформленности возможность трансформироваться и принимать в неоднородной конструкции характер облигаторного: «Будем пить чай *с сахаром и с папой*» (К. Симонов). Отсутствие такого тождества делает конструкцию крайне маловероятной (*с сахаром и без папы*)

либо означает, что данный ряд характеризуется облигаторным признаком иного качества.

Облигаторные признаки неоднородности являются факторами, способствующими установлению сочинительной связи между разнофункциональными членами в речевой деятельности говорящего. Назовем эти факторы стимулами такой сочинительной связи. В речевой деятельности при образовании конкретной сочинительной конструкции роль стимула оказывается первостепенной. В зависимости от его качества в грамматике говорящего выделяются несколько типов неоднородного сочинения. Рассмотрим наиболее регулярные из них.

1. Тип конструкций с лексико-семантическим стимулом. Представлен несколькими подтипами, которые определяются в зависимости от того, какими средствами достигается лексико-семантическая близость слов.

1А. Подтип конструкций с собственно лексико-семантическим стимулом. Сочинительные конструкции этого подтипа стимулированы лексико-семантической близостью их компонентов и являются наиболее регулярным проявлением неоднородного сочинения. Приведем несколько примеров: «*Чихать никому и нигде не возбраняется*» (А. Чехов), «*Чувствую себя вправе писать вам карандашом, в постели и самое домашнее письмо*» (А. Блок), «*Мы всем и всегда верим*» (Комсомольская правда, 30.10.80), «*Враг поднялся на командира и замахнулся автоматом, потому что стрелять ему было тесно и некогда*» (А. Платонов). В данных примерах слова, образующие сочинительный ряд, синтаксически разнофункциональны, но зато реализуют некоторое общее значение (*всем и всегда* — идея всеобщности, *никому и нигде* — идея отрицательности, *тесно и некогда* — значение неудобства и т. д.).

1Б. Подтип конструкций с лексическим стимулом. Конструкции этого подтипа также основаны на смысловой близости членов предложения, но в данном случае близость заключается в лексическом тождестве (т. е. повторении) компонентов сочинительного ряда. Несколько примеров: «*Она влекла его к себе, идущая в него через Дашу и из-за Даши*» (Ф. Гладков), «*Я насчитал пять дверей направо и шесть налево, и все они были обиты по-разному и разным*» (К. Воробьев), «*Это повесть о жизни или из жизни*» (Комсомольская правда, 18.9.80).

1В. Подтип конструкций с контекстуальным стимулом. Характерным для конструкций этого подтипа фактором смысловой близости компонентов является общность семантики их распространителей либо одинаковость распространителей. Например: «*Фильм сделан с добрым сердцем и добрыми руками*» (М. Неелова), «*Танцевать читатели желают от души. На хороших танцплощадках, под хорошую музыку*» (Комсомольская правда, 19.11.80), «*Впрочем, в такой же посуде и таким же способом можно готовить кофе крупного помола*» (Советская торговля, 10.10.80), «*Немцы контратаковали эту высоту много раз и большими силами*» (А. Платонов).

2. Тип конструкций с морфологическим стимулом может быть проиллюстрирован такими примерами: «*Выбегает чисто выбритый Стыдоба с повинной и Машей*» (Литературная газета, 18.2.81, с. 16), «*Выбежали девки и лакеи со свечами и радостными лицами*» (Л. Толстой), «*Они в полосатых футболках и в атаке*» (В. Маслаченко), «*...Во что бы то ни стало я рожусь в своей земле, в апреле, в день десятый*» (Б. Ахмадулина).

Выделение типов неоднородного сочинения проводилось выше в плане речевой деятельности говорящего. Как эти различные типы оцениваются другим участником коммуникативного акта — слушающим? Нами был проведен психолингвистический эксперимент, результаты которого позволяют в какой-то степени ответить на этот вопрос. В эксперименте приняли участие студенты-филологи младших курсов, имеющие представление о сочинительной связи. Количество испытуемых — 130 человек. В экспериментальном задании указывалось: «Ниже приводятся примеры предложений с сочинительной связью. Не противоречат ли, по вашему мнению, эти предложения нормам русского синтаксиса? Оцените

каждое предложение с этой точки зрения по трехбалльной системе: 3 — нормальное предложение, 2 — не очень удачное предложение, 1 — неудачное предложение, так сказать нельзя: 1. Человек отдал ему плащ, кобур и сорок рублей денег. 2. Перед ним вставала монолитная твердь тайги, созданной веками и на века. 3. К сожалению, пишу вечером, карандашом, на плохой бумаге, самое обыкновенное письмо. 4. Многие и часто поступают в таких случаях хуже. 5. Их можно было встретить в любой местности и в любой срок. 6. Весь день они носили воду, песок, уголь. 7. Он пришел без плаща, в мокрой от ливня шляпе, без сапог, в старом изорванном пиджаке. 8. Мы пили чай с папой и с пряниками. 9. Лишь изредка и лишь отдельные факты попадали в руки директора. 10. Поезда из Ленинграда и в Москву приходили полупустыми. 11. Она сидела в кресле и в голубом платье, положив на колени свои задумчивые руки. 12. Она говорила редко и только со мной. 13. Он учился правде и у правды. 14. Я верил вам и в вас. 15. Дедушка был в превосходном настроении и в сером клетчатом костюме».

Предложения данного списка представляют два вида сочинения: однородность и неоднородность. Однородные члены представлены: 1) однооформленными с морфологической точки зрения однородными членами (ОЧ): предложения 1, 6; 2) разнооформленными с морфологической точки зрения однородными членами (РОЧ): предложения 7, 10. Неоднородные члены представлены: 1) типом конструкций с лексико-семантическим стимулом (ЛСТ): предложения 2, 3, 4, 5, 9, 12, 13, 14; 2) типом конструкций с морфологическим стимулом (МТ): предложения 8, 11, 15.

Для экспериментального списка взяты наиболее регулярные типы неоднородности, примеры же с однородными членами выполняют в нем определенные фоновые функции. Предложения относились к разным типам в соответствии с теми определениями типов, которые сделаны выше.

В результате эксперимента были получены суммарные оценки для каждого предложения, а также определены средние суммарные оценки для каждого сочинительного типа. Эти (и другие) статистические данные об эксперименте содержит следующая таблица (см. таблицу).

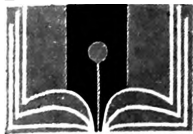
Тип конструкции	Номер предложения	Суммарная оценка	Средняя суммарная оценка	Дисперсия
ОЧ	1	339	350	121
	6	361		
РОЧ	7	324	274	2500
	10	224		
ЛСТ	2	245	266	1033
	3	223		
	4	247		
	5	250		
	9	261		
	12	330		
	13	275		
	14	300		
МТ	8	136	148	84
	11	158		
	15	151		

Данные в ряду средних суммарных оценок свидетельствуют о том, что каждый сочинительный тип с точки зрения нормативности / ненормативности оценивается по-разному. Так, наиболее «правильными» считаются конструкции ОЧ, наименее «правильными» — конструкции МТ. Корреляция нормативности и типа очевидна. Однако для разных типов эта корреляция варьирует в степени, т. е. в одних случаях тип сильнее обуславливает нормативность конструкции, в других — слабее. Можно ли определить градацию сочинительных типов в этом плане? Воспользуемся показателем дисперсии, вычисляемым по формуле:

$$\sigma_2 = \frac{\sum (X - m)^2}{N},$$

где X — элемент некоторого ряда, m — средняя, N — количество элементов ряда. (Данные о величинах дисперсии см. в таблице).

Дисперсию можно рассматривать как показатель разнородности суммарных оценок внутри каждого типа. Поэтому для конструкций, принадлежащих к типам с невысокой дисперсией (ОЧ и МТ), нормативность в большей степени обусловлена параметрами типа, чем для конструкций типов с высокой дисперсией (РОЧ и ЛСТ).

С. А. ЛЫСЕНКО

ГРОТЕСК В КИНОСЦЕНАРИИ С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА «МММ»

Крупнейший режиссер, теоретик кино, педагог, критик, публицист и драматург Сергей Эйзенштейн вошел в историю советского искусства как талантливый выразитель патетики героического, как художник, который изображал действительность, насыщенную глубоким содержанием, большими человеческими страстями, утверждал идею непобедимости революции, всегда искал и находил новые методы самовыражения.

В 1932 году как драматург он создает сатирический сценарий «МММ»¹ (в названии зашифрованы инициалы главного героя — Максима Максимовича Максима), в котором стремился выразить важную мысль: «В основу комической, как малой формы, идею мы берем большую. Глубокую и ударную идею о партийности. Идею о партийности под тем углом зрения, как она врезается в философию, в естествознание, в технику. Мы берем идею о партийности строительства нашей действительности»². Эйзенштейн обращает внимание прежде всего на внутреннюю партийность, «которая единственно обеспечивает безошибочность пути каждого в отдельности и победоносного шествия дела строительства в целом»³. Его волновало, по какому пути пойдет развитие советской комедии. В статье «Большевики смеются» (1937) он писал: «Каким же вырисовывается комизм и смех, который несет в мир молодой пролетарский класс, власть взявший в Октябре и в твердых руках несущий ее к окончательным победам? Будет ли его смех смехом пустой забавы и веселого времяпрепровождения на полный желудок или средством забыться от житейских невзгод? Будет ли это только мягкая ирония над забавными невзгодами смешного чудака, попавшего в смешное положение? Нет. Не такова традиция русского смеха»⁴. Он выступил против беззубого и беззаботного смеха. Мечтая о создании сатирического произведения, которое несло бы в себе большое человеческое содержание, и зная, что подобные задачи решаются весьма непросто, драматург этой цели подчинял многие средства художественной выразительности — гротеск, зрелищные, феерические элементы и мотивы.

Есть все основания говорить о творческом использовании С. Эйзенштейном в «МММ» традиций революционной сатиры Октября (памфлет, фельетон, плакат), а также драматургической практики В. Маяковского, у которого отрицание отжившего всегда шло от высокого идеала. Достаточно вспомнить созданные им колоритные портреты бюрократов: завтреста из сценария «Слон и спички» и Шкафолобова из комедии «Любовь Шкафолобова», и, наконец, Копытко («Товарищ Копытко или долой жир!»). Герой С. Эйзенштейна Максим Максимович — прямой наследник Победоносикова. Творческую близость В. Маяковского и С. Эйзенштейна С. Юткевич видит в ориентации обоих на «заостренную социальную сатиру»⁵.

Утверждение во всех сферах человеческих отношений разумного начала, взаимопонимания, духовности, творчества — вот то, ради чего написан сценарий «МММ». Утверждая положительное, приходится отрицать, высмеивать, выносить на общественный суд все, что мешает нашему обществу продвигаться по пути прогресса, что препятствует упрочению прин-

ципиально новых отношений между людьми. А для этого необходимы — зоркое художественное зрение, гражданственность.

По замыслу драматурга, Максим Максимович — «носитель административного восторга», «нездорового энтузиазма», «мещански безнадежен в своей обывательской концепции любого встречного события». Он живет «энтузиазмом ради энтузиазма. Делом ради буквы. Пафосом для пафоса, а главное тщеславием — для тщеславия... Но противоречие самой ситуации неизбежно диктует форму невероятного события. Немыслимая вещь. Немыслицей и дать. Дать необылицей в лицах». И далее: «Действительность определяет тему. Траговка — жанр. В основе траговки — невероятность. Невероятным должен быть и жанр»⁶.

Эти же мысли выражены и в заметках М. М. Штрауха, который должен играть заглавную роль. Однако «при самом невероятном, — утверждает он, — должны быть «философские высоты», действующие лица должны быть носителями идей, понятий (moralité)»⁷.

Драматург искал новые выразительные средства воздействия на аудиторию. Используя гротескный прием типизации во имя ниспровержения зла, он сквозь призму условности взглянул на события и своих отрицательных персонажей. Гротеск же поставил перед художником сложнейшие задачи: как соразмерить житейскую конкретность и емкую обобщенность, как убедительно выразить в странном, причудливом, алогичном — общезначимое в фантастически-сказочном — реальное или в неправдоподобном — истинное?

В прологе киносценария «МММ» (во всех черновиках он назван «Не в свои сани не садись») автор использует еще гиперболизацию в рамках реальных. Она позволяет сатирически заострить сюжет: все сотрудники конторы ушли на лыжный пробег, а в это время появился новый зав «заявлять положение: управлять конторой «Интуриста» в городишке №» (100). Деятельность его началась с того, что он принял человека без паспорта и документов за иностранца из Сингапура. И вот «машинной заходило учреждение» (101), дипломатический «талант» ММ букетом распустился: четверо портных «иностранца» обшили, «одели вплоть до запонок», «царицы из музея извлекли постель», а «перед окнами построен в честь его «линкольнов ряд». Банкет заказан; с Мурой во главе оркестр дам приглашен» (102). А когда пьяного «сингапура» унесли на ложе, «на царицыню постель». ММ не без бахвальства, подогретого вином и улыбкой Муры, захлебываясь, заявил, что он может «всех увлечь, зажечь, развлечь, к симпатии склонить и энтузиазм вселить» (104). Постепенно меняется характер условности: гротеск исподволь, но неуклонно вступает в свои права. Происходят самые невероятные вещи, сталкиваются абсолютно несоединимые реальности.

Драматург помещает своего «казенного энтузиаста» в выдуманную ситуацию. И ММ начинает вести себя в ней сообразно своему характеру, образу мышления, своим привычкам. Это способствует раскрытию истинных его черт.

Художник дает ход своей бурной фантазии. Под воздействием сверхъестественной силы (носителя фантастики, персонифицированного изображения ирреальной силы у С. Эйзенштейна нет, но фантастичность от этого не уменьшается) происходят чудеса. ММ видит собор, купола, своды, фрески.

Особенно одна —
В овальном круге розовый младенец.
И заиграл младенец.
В углу склонилась голова,
То строгий патриарший лик.
И крикнул кто-то, слезя задом
С фрески.

Спорхнул Сирия.
Алконост расправил крылья.
И из подземных могил
С седого бороною
Встал
Боярин. (109)

Воскрешение, к которому прибегает С. Эйзенштейн в киносценарии «МММ», — известный творческий прием В. Маяковского («Война и мир»: мастерские человеческих воскрешений в «Про это», «Клоп»). Оживший патриарх предложил идти к «рабу господнему Максиму». И тут же «выметнулись» на паперть слепые, гусяры, Василий Блаженный, Иван Успенский, Пожарский, Минин, боярство и богатыри: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович.

«Само по себе невероятное, которое изображается, не составляет под-

линного предмета познания... оно лишь метод, орудие, одосредованная форма исследования реальности»⁸. Собственно сатирический материал сочетается в сценарии с фантастикой, эксцентрикой и «аттракционами» (С. Эйзенштейн).

«Трюмо становится тремя вратами, открытыми на даль снегов» (110). Воскресшие «ввалились» в комнату к ММ. И он растерян. «Но гости как-никак. Их надобно приветствовать», принять... Происходит неловкое молчание, замешательство. «И вдруг... огромный клоп. И Макс его по шапке — хлоп! И клоп спасает положение: заметивши его, и Русь былая и Максим, единой яростью горя, единым фронтом беспощадно воюют с ним» (111). А далее кровать ММ становится подобием «боярской свадьбы». Любovníки жены, вылезшие из своих укрытий, «впрыглись и, обратясь конями, поволокли кровать, внезапно ставшую санями»: «ямщик взмахнул кнутом, и тройка через трюмо умчалась в чисто поле» (112). ММ оказался на запятках розвальней. Кони шарахаются. И Максим падает в снег. Герою кажется, что это был сон. Но вдруг звонок: «Он подошел и побледнел. Как автомат, вошел он в брюки. Как дизель, влез во френч. Как молния, умчался вон» (113). В конторе «Интуриста» ММ увидел странное зрелище: «В углу залег... боярин. На столе — мошачи — патриарх. Четыре гусяра слепых цедили в кружку из пустого бака с надписью «Отварная вода». Сокольников и Сирий с Алкономом развлекались «Ремингтоном». Богатыри храпели унисоном, и спал палач» (114). Общая растерянность. Возник вопрос: что делать с нахлынувшим боярством? Соплевались при закрытых дверях: принимать или не принимать, ведь как-никак «бояре-феодалы». ММ произносит речь о недопустимости приема. А в это время, стихией мести охваченный, Морис Поперечный, аспирант портновских наук и искусств («воплощенный червь сомнения и скепсиса»), изменившимися голосом, «от маловнятно названного учреждения» по телефону приказал принять бояр с почетом, а после «экскурсии глядеть окрестные соборы». Телефонный розыгрыш резко меняет поведение ММ. Он предлагает принять «бояр, как королей. И бутерброды с брынзой»⁹. В «Интуристе» думают над тем, «чем развлекать, как занимать, как время коротать?» (200), как удовлетворить духовные запросы, как «жизненность в программу впрыснуть?» (120). И решили в присутствии воскресших завод открыть, так как «гости еще с недоверием думали: «неужели большевики сумели малопримлемость креста вселить в сознание колеса?» (123). Предполагал ММ на пуске завода и речь держать, но только успевал произнести слово «товарищи», как его перебивали. Застыло все. И вот здесь автор, чтобы более полно выявить несостоятельность отрицательных персонажей, вводит в действие трех молодых рабочих. Реплика гласит: «ММ — за лак». — «Дурак», — сказал парняга внятно (125). Эти три парня и обеспечивают пуск завода «без парадов, без шумихи, без рекламы» (129). Бешеное кручение колес. Ураган выметает ММ и бояр с завода. После изгнания былая Русь посещает рынок, открытый «Откомхозом» на месте старого собора. Спекулянты и шарманщики лижут подола святых. Заблудившийся патриарх играет в «пятяк» с беспризорными. Лузгают семечки богатыри. Выступает эстрадная певица Ида. Сирий и Алконост попадают в отдел торговли живой птицей. А затем генералы, адмиралы и фрейлины былые обсуждают план государственного переворота, возрождения престола. Но заговор раскрыт. Из рядов красноармейцев гремит «в сто сорок три миллиона глоток: «Не отдадим!» (135). Начинается погоня за боярско-генеральской бандой.

Невероятное продолжается и в VI части сценария: ММ видит у сапожного станка боярина, палача, занятого квашенном капусте. «И понял Макс: бояр лечили трудпроцессом!», он потрясен и возмущен (ведь это гости!) и подает «прочухавшимся» боярям знак к бегству. Но в поле их настигла конная погоня во главе с мстительной Идой. Макс раздавлен. Что делать дальше? Однако Мура («недосягаемый и златокудрий идеал романтика»¹⁰), находчивости ей не занимать, победоносно (на зависть своей сопернице Иде — жене ММ) приказ угрозыска оглашает: «Бояре неповинны. Вопрос призыва на престол Романовых они решили с отходом в 320 лет назад, и только психике, на 320 лет отсталой, взбрести на ум могло такое. Отпустите!» (146 — 147). Драматург применяет кинематографический прием — обратное движение, исчезновение воскресших из кадра: «Умчались обратной съемкой в даль веков давно бояре...» (149).

И после этого действие возвращается к реальной жизни. Пустая скакерт перед героем, сотрудники «глазеют в четыре пары. — Ах, сколько

среди нас еще таких Максим Максимычей!» — слышится реплика. И ММ с экрана в публику метнул: «А... среди вас?»

Конечно, в изображенных ситуациях и образах много условности. Но разве нет службистов, подобных ММ? Разве живое явление в произведении С. Эйзенштейна обезличивается, теряет реальные черты? Разве это не показ невероятного как сгустка вероятностей, преувеличенных до таких размеров, которые в жизни не встречаются?

«МММ» — экспериментальный киносценарий. О нем можно спорить, что-то не принимать, но нельзя оставаться равнодушным к эксцентрике. Достаточно вспомнить эпизод с богатырями в трамвае, ревность ММ, которая привела к тому, что он хватается за воздух, «как рыба, побелевшими губами. И вдруг схватил по недосмотру губами микрофон и проглотил» (140), так что «передача событий внешних перешла во внутрь Максиму в душу» (142). И эксцентрика, и мотив двойничества (ММ раздваивается на представителя Любви и представителя Долга, между которыми происходит единоборство), и комические эффекты, создающиеся «руками, ногами, стенами, стульями, а не отвлеченными мышлениями»¹¹, гиперболизация и неожиданные пародийные ракурсы, фантастичность, хлесткость и выразительность речи персонажей — все подчинено воспроизведению гротескных ситуаций и образов, положений и характеров.

В киносценарии положительный идеал не персонифицируется, а подразумевается, вытекает из общей направленности произведения. Объективно-критически оценивая события и поступки, драматург тем самым выражает свое отношение, свою мировоззренческую и эстетическую позицию, которая проявляется во всей организации произведения, в характерах и способе реализации художественного конфликта, в обличительной направленности смеха, в способах и принципах типизации. Позиция автора выражается логикой, тоном и манерой повествования. Показывая неизбежность искоренения зла, пороков, драматург утверждает этим самым торжество добра, благородных целей и идеалов. Гротескный пафос у С. Эйзенштейна является, таким образом, стилиобразующим фактором. Реализм не только допускает, но активно использует условность, внутренне оправданную реалистическим контекстом.

¹ Известно три редакции сценария «МММ». Мы пользуемся третьей, опубликованной в сб.: Из истории кино. Документы и материалы. — М., 1977, вып. 10. Ссылки на страницы этого издания даются в тексте статьи, в скобках.

² Эйзенштейн С. М. Максим Максимович Максим (Небылица в лицах): Замечания к сценарию. Рукопись. 10 декабря 1932. — ЦГАЛИ, ф. 1923, оп. 2, ед. хр. 178, с. 8.

³ Там же.

⁴ Эйзенштейн С. М. Избранные произведения в 6-ти томах. — М., 1968, т. 5, с. 83.

⁵ Юткевич С. В лаборатории смеха. — В сб.: Из истории кино: Документы и материалы. — М., 1977, вып. 10, с. 97.

⁶ Эйзенштейн С. М. Максим Максимович Максим (Небылица в лицах): Комментарий к сценарию. Автограф. — ЦГАЛИ, ф. 1923, оп. 2, ед. хр. 179, с. 12, 23.

⁷ Режиссерские заметки М. М. Штрауха к сценарию и съемкам «МММ»: Июль 1932—1933. — ЦГАЛИ, ф. 1923, оп. 2, ед. хр. 179, с. 12.

⁸ Дмитриев В. Реализм и художественная условность. — М., 1974, с. 17.

⁹ Режиссерские заметки М. М. Штрауха к сценарию и съемкам «МММ», с. 23.

¹⁰ Эйзенштейн С. М. Либретто сценария. Литературный и режиссерский сценарий: Заметки, рисунки к фильму. 1932—1933. — ЦГАЛИ, ф. 1923, оп. 2, ед. хр. 180, с. 6.

¹¹ Эйзенштейн С. М. Максим Максимович Максим (Небылица в лицах), с. 4.

А. М. ТИКОЦКИЯ

О РЕЧЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ ГАЗЕТНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

Основополагающим принципом газетного языка, как известно, является принцип сочетания, тесного взаимодействия стандарта и экспрессии. Эта концепция обоснована и подробно проанализирована в книге В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе» (М., 1971). Исследователь указывает, что экспрессия возникает как своего рода противовес языковому стандарту. На основе анализа разных речевых стилей он приходит к выводу, что для одних из них характерно преобладание стандарта, для других — стремление к эмоциональности.

Увлечение «звонкой фразой», громкими словами, риторикой не менее вредно, чем мертвящая сухость стиля. Эта «болезнь» чаще поражает газетчиков. И особенно, на наш взгляд, ею страдают спортивные журналисты. Языку спортивной печати присущи те же качества, что и языку прессы вообще. Известно, что в системе газетного языка выделяются многочисленные речевые клише, обозначающие в образной форме определенные понятия и имеющие ярко выраженный экспрессивный характер: «белое золото», «голубые артерии», «получить прописку» и др. Со временем эти речевые заготовки теряют свою выразительность, яркую экспрессивность и уступают место другим. В тех же случаях, когда изжившая себя метафора продолжает употребляться, она превращается в свою противоположность — штамп. С этими же процессами можно столкнуться во многих заметках, статьях, репортажах на спортивную тему. Более того, именно здесь использование всякого рода метафорических словосочетаний, переносных значений встречается особенно часто, что объясняется, по-видимому, самим материалом, особенностями предмета описания. Упорная, не знающая компромиссов борьба, то и дело возникающие драматические ситуации, сильный накал страстей — все это несовместимо с серым, маловыразительным языком.

Вот несколько примеров¹. «Вчера в Москве завершился традиционный хоккейный турнир... Поклонники советской команды... интересовал вопрос, сумеет ли она на этот раз более уверенно подобрать ключи к воротам соперников, лучше сыграть в защите, чем в предыдущей встрече со сборной ЧССР и отыграть за недавнее поражение» (Веч. Минск, 22.12.80). «Счет на 7-й минуте открыл минчанин Тукмаков. Это произошло после того, как Беляев выиграл вбрасывание в зоне гостей и переадресовал шайбу товарищу по тройке» (Веч. Минск, 11.12.80). «Примеры дерзкого штурма мировых достижений показали молодые Алексей Демянюк (Украина) — в прыжках в высоту и москвич Владимир Поляков — в прыжках с шестом... Вдохновение, а также поддержка зрителей помогли в тройном прыжке одолеть 17 м 1 см хорошо знакомому белорусским любителям спорта Владимиру Грищенкову... Он к званию победителя летнего первенства добавил себе такой же титул зимой» (Зн. юности, 10.02.81). В последнем примере речь идет о соревнованиях по легкой атлетике, проходивших в Минске. Кстати, сам оборот «добавить к званию (титулу) звание (титул)» довольно распространен в газетных материалах на спортивную тему.

Прочитав лишь эти небольшие фрагменты спортивных материалов, можно уже почувствовать, что стиль их отличает особый пафос, свойственный, впрочем, большинству материалов этого рода. Турнир в Москве не «закончился», а «завершился», причем это были не «соревнования», а именно «турнир», навевающий мысли о рыцарских доспехах и временах средневековья. Советскую команду поддерживали не «болельщики», не «любители спорта», а «поклонники». Хоккеист не перехватывает шайбу после вбрасывания, а обязательно «выигрывает» его, а легкоатлет не стремится улучшить мировые достижения, а «штурмует» их, причем штурмует не как-нибудь, а «дерзко». Может возникнуть мысль, что речь идет о событиях, по крайней мере, всенародного значения. Между тем автор повествует таким изысканным слогом всего лишь о спортивных соревнованиях, причем, зачастую, местного значения.

Впрочем, характер взаимодействия эмоционально-оценочных единиц и элементов неоценочного характера, строевых слов в приведенных выше примерах, с некоторыми оговорками, можно еще признать допустимым.

Как известно, стандартные и экспрессивные сегменты в языке газеты взаимодействуют по-разному на разных уровнях. Здесь нужно отметить чередование стандартного обозначения с соответствующим ему более редким словом, метафорой, описанием, термином, иноязычным переводом и т. д.²

Приведем несколько примеров таких чередований из материалов спортивной прессы: «К горным вершинам, где даже знойным летом не тает снег, поднялась на велосипедах группа туристов из нашей республики. Пробег по заоблачным дорогам Тянь-Шаня общей протяженностью 3350 километров был совершен с целью разведки. По нему будут «ходить» велотуристы Белоруссии. О подробностях необычного путешествия ...рассказал председатель комиссии велотуризма Республиканского совета по туризму и экскурсиям Г. Б. Андреев» (Ф-к Бел., 12.12.81). Основной принцип языка газеты выражен здесь в чередованиях нейтрального, общеупотреб-

тельного «подняться» и специального «ходить», терминологического «пробег» и общепотребительного «путешествие». Если в первом чередовании экспрессивную функцию выполняет специальное слово, то во втором — общеупотребительное.

Экспрессивный эффект может достигаться введением в нейтральные, со стилистической точки зрения, речевые отрезки языковых единиц книжного или, наоборот, разговорного характера: «Велотуризм — увлекательное занятие для молодых. В наших городах он должен стать таким же массовым, как в Борисове. Или в соседней Литве, откуда в пору летних отпусков антузасты разбегжарятся на двухколесных машинах чуть ли не по всему Союзу. Республиканский совет по туризму и экскурсиям располагает дорожными машинами, палатками и другим необходимым для походов снаряжением» (Ф-к Бел., 12.12.81). Здесь на фоне нейтрального речевого контекста взаимодействуют книжные «увлекательное», «массовый», «располагать»; специальные «дорожные машины», «снаряжение» и разговорные «пора» и «чуть ли не».

Представляют интерес и источники пополнения спортивными журналистами своих лексико-фразеологических запасов. Известно, что для газетного языка вообще характерно широкое использование лексики и фразеологии различных областей человеческой деятельности³.

Рассмотрим источники лексико-фразеологических средств спортивной журналистики. Большая группа слов и словосочетаний взята из гуманитарных наук (искусствоведение и литературоведение): «развязка», «спектакль», «драма», «интрига», «сюжет», «воплотить», «квартет», «ансамбль» и др. Приведем примеры: «В конце периода красный свет вспыхнул еще раз за воротами гостей, но арбитр гол не засчитал... Развязка могла быть еще более неожиданной — за три секунды до конца бросок Лубкина пришелся в штангу ворот минчан» (Веч. Минск, 09.02.81). «Что касается сюжета матча, то он оказался интригующим и до последней минуты держал в напряжении буквально каждого, кто пришел на стадион» (Ф-к Бел., 22.08.81). «Преимущество нашей команды воплотили в голы В. Жлуктов (дважды), А. Мальцев, В. Шалимов, С. Шепелев» (Веч. Минск, 22.12.80). «Воплотить в голы» звучит как явный стилистический диссонанс. Лучше было бы сказать так: «Преимущество нашей команды выразилось в голах, забитых В. Жлуктовым» и т. д.

Из естественных наук и медицины взяты слова и словосочетания «эксперимент», «пища для размышления», «ассистент», «ассистировать» и др.: «Старты в минском манеже дали специалистам большую пищу для размышления» (Веч. Минск, 09.02.81). «А затем Василевский (ему ассистировал Гуринович) подтвердил, что не зря считается лучшим бомбардиром «Динамо» (Ф-к Бел., 04.09.81).

Из военного дела взяты слова и словосочетания «стратегия», «тактика», «атака», «штурм», «бой», «оборонительный заслон», «смотреть», «тактико-технический» и др.: «...по горячим следам вывод можно сделать один — зимний спорт королевы спорта удался» (Веч. Минск, 09.02.81). «Одесситы попали под мощный шквал атак, которых никак не ожидали» (Ф-к Бел., 07.06.81).

Некоторые слова, довольно часто встречающиеся в материалах о спорте, по своему происхождению являются историзмами: «фаворит», «мушкетер», «дружи́на», «турнир», «поединок». Приведем примеры: «И. Ушакова во встрече за выход в финальную восьмерку уступила Н. Гилязовой (РСФСР)... В финале сабельного турнира были два члена сборной СССР — Н. Алехин и В. Еременко» (Ф-к Бел., 02.06.81). «Квартет белорусских мушкетеров в составе Н. Алехина, В. Еременко, О. Горошевича и Г. Гасюковича в полуфинале нанес поражение сильной команде РСФСР — 9 : 5...» (Ф-к Бел., 03.06.81). «Но, начиная где-то с середины первого тайма, могилевчане принялись доказывать, что фавориты все-таки они» (Ф-к Бел., 01.09.81). «Два периода этого увлекательного поединка транслировались по Центральному телевидению и собрали многомиллионную аудиторию» (Веч. Минск, 20.12.80). «Аплодисментами встретили многочисленные зрители шахматные дружины двух стран...» (Ф-к Бел., 03.06.81).

Уровень подготовки спортсменов, их физические данные нередко характеризуются словами, которые обычно употребляются для характеристики интеллекта человека: «одаренный», «талантливый», «вдохновенно», «вдохновение» и т. п. Например: «Наконец, в наличии лучшая школа-интернат по тяжелой атлетике в нашей стране, куда зачисляются самые

одаренные юноши из всей Армении (речь идет о подготовке тяжелоатлетов — А. Т.)... Досконально продумана система поощрения первого тренера, нашедшего талантливого спортсмена и отдавшего его в интернат» (Ф-к Бел., 01.09.81). «...Беда в том, что мы ищем таланты локальным способом и очень редко — по всей области, республике» (Там же). Употребление, к тому же без чувства меры, этих слов в отношении спортсменов, т. е. людей, занимающихся (за исключением шашкистов и шахматистов) физическим трудом, может вызвать у читателя негативную реакцию.

В спортивных материалах можно также встретить слова, связанные по своему происхождению с охотой, сельским хозяйством, метеорологией: «Одесситы попали под мощный шквал атак, которых никак не ожидали» (Ф-к Бел., 07.06.81). «Он (тур — А. Т.) оказался самым «неурожайным» — 4 мяча в четырех встречах» (Ф-к Бел., 02.09.81). «Сразу после матча команда пришла к единому выводу: в неожиданной осечке на финише тура виновата она сама» (Ф-к Бел., 12.12.81).

Особо нужно отметить случаи, когда термины одних видов спорта используются применительно к другим видам: «А тем временем во Дворце работников искусств Литовской ССР участники чемпионата (чемпионата СССР по шахматам — А. Т.) вот-вот пересекут, если можно так выразиться, финишный створ — осталось преодолеть еще два этапа, то есть два тура» (Зн. юности, 13.01.81). В данном примере терминологическое словосочетание «финишный створ», взятое из легкой атлетики, используется при разговоре о шахматах. Еще примеры: «Международный гроссмейстер Виктор Купрейчик, отлично стартовавший в чемпионате, проявляет завидное постоянство и даже не помышляет передавать «майку лидера», хотя к нему уже вплотную приблизился молодой гроссмейстер А. Юсупов» (Там же). «В Пинске финишировал всесоюзный чемпионат профсоюзов по русским шашкам» (Ф-к Бел., 25.08.81).

Созданию экспрессии подчинено в газетных выступлениях на спортивную тему и использование пословиц, поговорок, крылатых выражений: «Этому турниру будет предшествовать первенство Минска, которое планируется сделать открытым, чтобы спортсмены других городов нашей республики смогли на других посмотреть и себя показать» (Ф-к Бел. 30.01.81). Иногда пословицы, поговорки подвергаются переосмыслению, что достигается заменой отдельных слов: «Следующие два матча баскетболисты РТИ проведут в Новосибирске и Ташкенте, а затем возвратятся домой, где в заключительных играх второго тура встретятся с таллинским «Калевом» и тбилисским «Динамо». Что ж, аппетит приходит во время игры» (Зн. юности, 13.01.81).

Однако далеко не всегда эти экспрессивно окрашенные единицы используются удачно, далеко не во всех случаях они уместны: «Сначала пахтаторовцы нарушили правила... а через пять минут динамовец Павлов, тактически сыгравший против Семененко, позволил Якубику, тоже с пенальти, свикнуть один мяч» (Ф-к Бел., 01.09.81). Здесь неудачно употреблено слово, взятое из области этики. Образность не возникла из-за отсутствия какой-либо связи между основным значением слова и тем, в котором оно употребляется в данном контексте. То же можно сказать об употреблении слова «метаморфозы» в следующем примере: «В последних турах... первое в сезоне поражение потерпели динамовцы Киева... а нынешние обладатели Кубка СССР армейцы Ростова и прошлогодний бронзовый призер ленинградский «Зенит» оказались в опасной зоне. Вот такие метаморфозы наблюдаются нынче в чемпионате страны» (Там же). «На лед вышли две команды прославленных ветеранов советского хоккея... Те, кто пришел на этот матч, смогли наблюдать неувядающее мастерство спортсменов, которые в разное время блистали на хоккейных стадионах страны и мира» (Веч. Минск, 20.12.80). Наблюдать «мастерство», пусть даже «неувядающее» нельзя; лучше, очевидно, было бы сказать так: «наблюдать игру, в которой спортсмены показали свое мастерство». Приведем еще несколько примеров: «Автор... поставил ряд проблем (не слышком ли сильно сказано! — А. Т.), касающихся подготовки тяжелоатлетического состава... Одно конкретное соревнование рассматривается в комплексе общих тенденций развития «железной игры в Белоруссии» (Ф-к Бел., 01.09.81). Метафора несостоятельна уже хотя бы потому, что тяжелая атлетика не относится к игровым видам спорта. «За шашечными лаврами прибыли на полесскую землю четырехкратный чемпион СССР гроссмейстер В. Габриелян (Вооруженные силы, Баку)... и другие известные шашкисты» (Ф-к Бел.,

25.08.81). Употребление выражения «шашечные лавры» не оправдано контекстом и смыслом.

Не идет на пользу языку спортивной печати и засорение его специальными словами. Действительно, далеко не каждый поймет, что хотел сказать автор в такой, например, фразе: «И здесь одна из стремительных контратак «Имппульса» могла закончиться голом, но защитник «захлестнул» сопернику ноги» (Зн. юности, 26.08.81). «Два хет-трика зафиксированы в нынешнем первенстве, и оба они на счету игроков «Днепра» В. Васетькова и А. Василевского (Ф-к Бел., 02.09.81). Ссылки на то, что «специалисты поймут», не могут служить оправданием. Газеты, о которых идет речь, не являются специальными изданиями. Значит и писать здесь журналисты должны так, чтобы их понял каждый читатель.

В статьях, очерках, репортажах, заметках наши газеты рассказывают о сегодняшнем дне советского спорта, о победах и каждодневном напряженном труде спортсменов. И от того, как журналисты пишут, во многом зависит, найдет ли их слово нужный отклик у читателя.

¹ В данной статье используются спортивные материалы трех газет: «Знамени юности», «Вечернего Минска» и «Физкультурника Белоруссии».

² См.: Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе.— М., 1971, с. 105.

³ См.: Солганик Г. Я. Лексика газеты.— М., 1981.

М. П. ДОРОШКЕВИЧ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Улучшение благосостояния советских людей и повышение материального уровня позволяют организовать их полноценное питание. Ускоренное развитие общественного транспорта значительно снижает двигательную активность населения. Снижение подвижности, полноценное питание приводят к энергетическому дисбалансу, т. е. неполному расходованию энергии, получаемой организмом из высококалорийных продуктов питания, особенно содержащих жиры. Такое явление ведет к снижению интенсивности обмена веществ, процессов окисления и приводит к накоплению жира в тканях организма. Некоторые авторы этому обстоятельству придают особое значение. Так, А. А. Коробкова и Ю. Б. Винниченко (1978) наряду с изучением других параметров отмечают значительное увеличение толщины кожно-жирового слоя в процессе длительной гипокинезии. Отложение жира происходит не только в подкожно-жировой клетчатке, но и во внутренних органах. Вместе с тем при умственном труде возрастает роль психоэмоциональных факторов, действующих на организм человека и, в частности, на кору головного мозга (Е. Г. Кунашева, 1980). Снижается интегральная деятельность коры по переработке обильной информации, падает работоспособность, наступают апатия, утомление. В таких условиях возникают отрицательные эмоции, нередко приводящие к конфликтным ситуациям, которые, в свою очередь, становятся причиной различных предболезненных состояний и даже патологических процессов. Последние в молодом возрасте мало беспокоят, поэтому молодежь, как правило, считает себя практически здоровой и редко обращается к врачам.

Методом опроса и собеседований нами изучено 112 выпускников средних школ, желающих продолжить учебу в специальных учебных заведениях. Все они, согласно заполненной участковым врачом и представленной в учебное заведение форме № 286, считались практически здоровыми. Однако при специальном медицинском освидетельствовании в учебном заведении у них были выявлены те или иные отклонения в состоянии здоровья. У значительной части выявлена склонность к избыточному весу. Из 112 обследованных и опрошенных у 16 — ожирение первой степени, девять из них окончили школу на хорошо и отлично, семеро рассказали, что жили рядом со школой и мало двигались, а свободное время проводили за книгой или у экрана телевизора. Физкультурой занимались только по программе. Четверо были шахматистами-разрядниками, остальные спортом интересовались как болельщики.

Отрицательное влияние гипокинезии (малоподвижности) особенно очевидно в период полового формирования человека. Гипокинезия способствует нарушению функций эндокринных органов, регулирующих интенсивность нервных процессов. Не случайно у одиннадцати опрошенных были отмечены различные неврологические расстройства, которые у пяти абитуриентов сочетались с избыточным весом. Четверо из пяти указали на возможную взаимосвязь возникновения нарушений нервной системы с различными психоэмоциональными расстройствами последних лет пребывания в школе.

К сожалению, во многих школах мало внимания уделяется улучшению психоэмоционального климата в коллективах. Так, часть абитуриентов на-

звала одной из важнейших причин развития у них нервных расстройств отсутствие авторитета в классе. Хотя они дружили с ребятами из других школ, но отсутствие контакта с одноклассниками переживали болезненно. В формировании оптимальных психологических условий в коллективах огромная роль принадлежит лидеру — классному руководителю. Однако, как выяснилось из беседы, некоторые учащиеся хорошо учились, но поддержки со стороны классного руководителя не чувствовали. Последний, как им казалось, относился к ним предвзято. Учащиеся чувствовали себя в своего рода изоляции, уединении. Вынужденное уединение пагубно действует на несформировавшуюся психику молодых людей. Благополучные отношения в микро- и макроколлективах, организаторская роль лидера являются важным фактором в профилактике болезненных состояний у молодежи.

Так как значительная часть отклонений в состоянии здоровья, как правило, носила функциональный характер, т. е. не имела отклонений в структуре органа, большинство абитуриентов были зачислены в учебные заведения. Об этом они были поставлены в известность, что, естественно, вызвало положительные эмоции, радость, подбодрило обследуемых. Положительное решение проблем, связанных с жизненно важным этапом, обязало поступающих максимально подчинить свой внутренний мир качественно новому микроклимату высшего учебного заведения, подчинив, среди прочих, основные регулирующие процессы коры устранению функциональных отклонений в их организме.

Совершенствуясь в процессе эволюции, кора головного мозга, волевые процессы, возникающие в ней, подчиняют себе все более широкие горизонты как окружающей среды, так и различные стороны внутреннего мира человека, т. е. последние становятся более управляемыми сознанием. Однако очень важно, чтобы это управление было постоянным для активизации его в данный период целенаправленной деятельности. Цель, как доминирующий очаг, возникший в коре головного мозга, подчиняет себе внутренний мир индивидуума. Задача каждого молодого человека — научиться концентрировать энергию на достижение положительных целей. Достижить этого можно методом самовнушения, т. е. подчинением своих поступков поставленной цели. Сделать это нелегко, для чего следует осознать важность цели и возможность достижения положительных результатов. Прежде всего необходимо выработать для себя определенные условия. Разработать общие принципы таких условий в вузе может помочь любой педагог-воспитатель. Он же должен убедить студента в достижимости его цели. Формирование убежденности должно начинаться с момента поступления в учебное заведение, когда абитуриенту предлагают режим, только тогда возникнут предпосылки для исчезновения выявленных отклонений в состоянии его здоровья. Психологическое внушение, подкрепленное специальными физиологическими формами реабилитации, способствует постепенному исчезновению болезненных функциональных состояний. Вот почему среди студенческой молодежи (бывших десятиклассников) должны проводиться широкие психофизиологические реабилитационные мероприятия с использованием аутогенной тренировки. Правильно организованный режим умственного труда, питания, тренировочные занятия, различные волевые физические упражнения, туризм, короткий разгрузочный послеобеденный сон позволяет без активного медицинского вмешательства предупредить развитие таких состояний. Вопросам аутогенной саморегуляции и других реабилитационных мероприятий учащейся молодежи, кроме кураторов, должны уделять большое внимание физиологи, психологи, преподаватели физической культуры и спорта. В отдельных трудно корригируемых случаях следует направлять студентов в кабинеты медицинской психологии, где юноше или девушке будут даны специальные рекомендации, препятствующие психофизиологической реабилитации болезненных состояний.

Итак, у значительной части выпускников средних школ, желающих продолжать учебу и признанных, согласно ф. № 286, практически здоровыми, в результате специального медицинского осмотра выявляется целый ряд отклонений в состоянии здоровья. Результаты комплексного обследования абитуриентов дают основание полагать, что наиболее частыми причинами различных отклонений являются гиподинамия, избыточный вес, психоэмоциональные расстройства. Метод аутогенной саморегуляции, а также использование механизма обратной психофизиологической связи (биофенбек) способствуют исчезновению функциональных расстройств в организме. В профилактике болезненных состояний молодежи велика роль лидера коллектива как одного из создателей определенного психологического климата.

ВЛИЯНИЕ РОК- И КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ НА ЦЕРЕБРАЛЬНУЮ ИНТЕГРАЦИЮ

Проблема влияния музыки на человека приобретает все большую актуальность, во-первых, из-за необычайной близости этого вида искусства к человеку в условиях роста коммуникативной сети, а во-вторых, вследствие неуклонно развивающейся потребности самих людей в музыке. Как музыка влияет на мозг слушателя? Разнятся ли по своему воздействию произведения разных музыкальных стилей? Пока эти вопросы решаются в основном на эмпирическом уровне, и разная музыка более или менее активно используется в педагогической практике, в клинике, на производстве, в быту. Однако научный интерес к этой проблеме стремительно растет. Венский международный симпозиум по неврологии 1972 года явился своеобразным рубежным моментом в оформлении направленности этого научного поиска на изучение центральных мозговых механизмов анализа музыки человеком. Важнейшими достижениями на пути решения этой задачи стали следующие факты: нейромеханизмы восприятия музыки и речевой деятельности у человека общие, и они связаны с перестройками в доминантных соотношениях полушарий мозга, с изменениями функционального состояния (тонуса) головного мозга в целом. Наряду с этими открытиями нейропсихологов нейрофизиологи, работая на животных, внесли свой вклад в развитие представлений о мозговых механизмах, участвующих в обработке сложных звуковых сигналов: эти нейромеханизмы не ограничиваются рамками слухового анализатора, а включают в себя активационную систему мозга, двигательные структуры подкорковых образований.

Таким образом, согласно исследованиям самых последних лет музыка обнаруживает свое отношение к управлению рабочим тономом мозга человека, к управлению функциональной взаимосвязью гемисфер. Однако вопрос о параметрах музыкального сигнала, влияющих на перестройку церебральной интеграции, пока остается открытым, хотя уже есть некоторые данные, показывающие, что в опознании тональных и частотно-модулированных посылок доминирует правое полушарие¹, а в опознании ритмической структуры сигнала показано преимущество левой гемисферы². Основываясь на приведенных данных, авторы статьи выдвинули предположение, что музыка, в которой преобладает ритмический параметр, и музыка, в которой преобладает мелодическая линия, должны по-разному влиять на функциональное состояние головного мозга человека. Относя к первому названному виду музыки ритмическую музыку, в частности, музыку стиля рок, а к мелодическому виду музыки классическую, имеющую развитую мелодическую линию, мы установили, что изменения биоэлектрической активности головного мозга человека под влиянием этих двух видов музыки носят разнонаправленный характер и отражают перестройки в корково-подкорковых соотношениях³. Продолжая мысль о неоднородности музыки в организации музыкального языка-сигнала и неодинаковости воздействия ритмичной и мелодичной музыки на функциональное состояние головного мозга человека, авторы исследования решили проследить по комплексному ряду показателей динамику перестройки церебральных взаимоотношений полушарий мозга человека под влиянием рок- и классической музыки.

Наше исследование сочетает в себе три методики: 1) нейрофизиологическую методику ЭЭГ-регистрации биопотенциалов головного мозга человека, отражающих системную работу его структур; 2) психофизиологическую методику измерения латентного периода произвольной двигательной реакции на световой стимул, используемую для определения направленности функциональных сдвигов в ЦНС; 3) психологический метод цифрового теста для определения объема кратковременной памяти испытуемого. Выбирая такой комплексный методический подход, мы рассчитываем на то, что он позволит наполнить психологическим содержанием нейрофизиологические и физиологические характеристики динамики функционального состояния ЦНС под воздействием музыки разных видов, а также даст возможность проследить функциональную направленность этих перестроек. Кроме того, привлечение метода цифрового теста в сочетании с методикой ЭЭГ разрешает проверить связь полушарной доминантности со знаково-вербальным видом информации, имеющим отношение, по данным нейропсихологических исследований, к функциям левого полушария, в отличие от образно-эмоциональной информации живописи и музыки, восприятие

которой связывают с превалированием правой гемисферы в системной работе головного мозга человека ⁴.

В эксперименте приняло участие 58 студентов БГУ и МГПИИЯ, из них 27 человек слушали только классическую, 31 — только рок-музыку. ЭЭГ-регистрация производилась с помощью восьмиканального электроэнцефалографа и анализатора-интегратора фирмы «Медикор». Биопотенциалы отводились цепочкой от переднелобной, прецентральной, теменной и заднеслуховой зон обоих полушарий. Испытуемый находился в экранированной кабине, лежа в удобном положении. Музыка звучала с магнитофона, помещенного вне камеры. Музыкальные отрывки из произведений Шопена и записей ансамбля «Бони М» предъявлялись в течение 10 мин.

Производился визуальный анализ ЭЭГ, а также анализ интегративной мощности альфа-диапазона (с помощью анализатора-интегратора) в фоне и под музыку. Эпоха (время) анализа — 10 с. Для определения пространственного распределения мощности альфа-составляющей ЭЭГ находили процент этой составляющей в каждом отведении от суммы мощностей альфа-составляющих всех отведений в фоне и при слушании музыки. Затем выявляли величину изменений между фоном и ЭЭГ-реакцией на музыку (по каждому отведению). Учитывался только знак изменения: увеличение (+) или уменьшение (—). На основании полученных значений строился суммарный график направленности изменения альфа-активности каждого отведения по двум группам испытуемых: слушателей рок- и слушателей классической музыки. Достоверность изменений определялась по критерию знаков для $P = 0,05$.

Динамика функционального состояния головного мозга слушателей по параметрам двигательной активности определялась по анализу гистограмм последовательностей латентных периодов произвольной двигательной реакции на световой стимул, фиксируемых с помощью прибора «ИПР-01». Гистограммы обрабатывались по методике, предложенной Б. Д. Асафовым и Т. Д. Лоскутовой ⁵. Дополнительно к предложенным названными авторами параметрам нами находилось отношение фоновых значений к значениям последствия слушания музыки. Достоверность изменений определялась по критерию Стьюдента (при значении $P = 0,05$), для среднего значения отношения фонового параметра к параметру последствия по двум группам испытуемых: слушателей рок- и слушателей классической музыки.

Для определения объема кратковременной памяти на цифровой материал испытуемым предъявлялись два последовательных ряда из 10 двузначных цифр и учитывался процент воспроизводимого материала до и после прослушивания музыки. Учитывая отношение фоновых значений к значениям последствия, находили среднее значение этого отношения для двух вышеназванных групп слушателей разных видов музыки.

ЭЭГ-результаты воздействия классической и рок-музыки, полученные в ходе эксперимента, соответствуют ранее нами найденным и подробно описанным ⁶, поэтому мы, руководствуясь целью данной работы, хотим остановиться на функциональной направленности ЭЭГ-изменений, возникших под влиянием музыки. Генерализованный характер изменений в ЭЭГ слушающих, имевший место как под влиянием классической, так и рок-музыки, свидетельствует о перестройках в целостной системной работе всего головного мозга, о преобразованиях в деятельности центральных механизмов регуляции корково-подкорковых взаимоотношений. Выявилась разнонаправленность функциональных сдвигов под воздействием этих двух видов музыки, которая выражалась в генерализованных изменениях по альфа- и тета-диапазонам.

Под влиянием классической музыки у большинства испытуемых (25 человек) наблюдался диффузный рост синхронизации по альфа-частоте, в среднем амплитуда альфа-колебаний увеличилась, по сравнению с фоном, на 15 мкв, а альфа-индекс вырос на 35 %. Под влиянием рок-музыки у всех испытуемых наблюдалось угнетение альфа-активности и смещение ЭЭГ-колебаний в сторону тета-диапазона. На 4—6-й минутах прослушивания рок-музыки в ЭЭГ у 20 человек наблюдалось возникновение комплексов полиморфных тета-волн, чередовавшихся с моментами восстановления альфа-активности по всем отведениям. При дальнейшем прослушивании музыки длительность комплексов тета-волн возрастала до 25—30 с, а тета-активность принимала характер билатеральных гиперсинхронных пароксизмальных вспышек по этому диапазону с амплитудой в среднем 140—180 мкв.

Согласно установившимся в нейрофизиологии представлениям о функ-

циональной значимости биоритмов головного мозга человека, альфа-ритм отражает системную работу корковых элементов мозга⁷, а наличие билатеральных гиперсинхронных пароксизмальных вспышек в тета-частоте свидетельствует о функционально-патологической активности диэнцефальных образований подкорки⁸, отражает нарушение в нормальных соотношениях коры и подкорковых структур, которое ведет к нарушению замыкательной функции мозга⁹.

Таким образом, по полученным ЭЭГ-данным, музыка представляется как сильный раздражитель, способный перестраивать корково-подкорковые соотношения, причем, классическая музыка, отличающаяся развитой мелодической линией, обнаруживает способность стимулировать активность корковых элементов мозга, а рок-музыка, основными слагаемыми которой являются гипертрофированный ритм и неразвитая мелодия, стимулирует активность подкорковых структур и одновременно гасит активность корковых отделов. О способности музыки направленно воздействовать на корково-подкорковые соотношения, определяющие функциональное состояние мозга, говорит также и тот факт, что описанные ЭЭГ-изменения у слушателей никак не обнаружили своей зависимости от отношения испытуемых к данным видам музыки, равно как и от степени их музыкальной подготовки.

Анализ пространственного распределения альфа-активности показал, что описанные выше изменения в корково-подкорковых соотношениях были сопряжены с перераспределением межполушарной функциональной активности, с перераспределением церебральной доминантности гемисфер. Изучение изменений пространственного перераспределения относительной мощности альфа-активности было основано на следующих экспериментальных данных.

1. Группа слушателей классической музыки (27 человек). Левое полушарие: переднелобное-прецентральное отведение — 18/9 д (в числителе количество случаев увеличения относительной мощности альфа-активности, в знаменателе — уменьшения; д — достоверные изменения, н — недостоверные); прецентально-теменное отведение — 12/15 н; теменно-слуховое — 11/16 н.

Правое полушарие: переднелобное-прецентральное отведение — 16/11 н; прецентально-теменное — 25/2 д; теменно-слуховое отведение — 23/4 д.

Из приведенных данных видно, что при слушании классической музыки происходит перераспределение альфа-активности в пользу переднелобной и прецентральной зон левого полушария и теменно-слуховой области и прецентральной зоны правого полушария. Необходимо также отметить, что значительно увеличивается альфа-активность обоих полушарий по сравнению с фоновой ЭЭГ, что хорошо видно из отношения количества случаев увеличения относительной мощности альфа-колебаний (+) к количеству случаев уменьшения (—): левое полушарие — 1,05; правое — 3,56. Наряду с генерализованным увеличением альфа-активности по обоим полушариям под воздействием классической музыки особенно значителен рост альфа-колебаний в правом (более чем в три раза по сравнению с фоном).

Наши данные о росте альфа-активности под влиянием классической музыки совпадают с уже имеющимися в работах отечественных и зарубежных исследователей¹⁰, также зарегистрировавших рост синхронизации в альфа-частоте под воздействием классической музыки. Есть мнение, что нейропсихологическая функция альфа-ритма связана с работой сканирующего механизма, обеспечивающего перцепцию образа¹¹.

Переходя к описанию пространственного перераспределения относительной мощности альфа-активности в ЭЭГ слушателей рок-музыки, нужно прежде всего отметить, что они разнонаправлены с теми, которые возникают под влиянием классической музыки как по характеру организации пространственных корковых взаимоотношений, так и по полушарным соотношениям.

По группе слушателей рок-музыки получены следующие результаты. Левое полушарие: переднелобно-прецентральное отведение — 15/16 н; прецентально-теменное — 31/0 д; теменно-слуховое — 17/14 н. Правое полушарие по тем же отведениям соответственно: 20/11 н; 6/25 д; 4/27 д. Влияние рок-музыки выразилось в угнетении альфа-активности центрально-теменной и теменно-слуховой областей правого полушария. У всех испытуемых под влиянием ритмичной музыки в прецентально-теменной

области левого полушария наблюдались только случаи увеличения процента альфа-активности этого отведения к мощности альфа-активности всех отведений. Однако нужно подчеркнуть, что все указанные изменения пространственного перераспределения альфа-активности протекают на фоне угнетения абсолютного значения альфа-диапазона. В 19 случаях регистрация альфа-составляющей по истечении 4—6 м прослушивания ритмичной музыки становилась затруднительной вследствие появления в ЭГ слушающих вышеописанной полиморфной тета-активности, сочетающейся с пароксизмальными вспышками. Необходимо отметить также роль левого полушария в нарушении межполушарного баланса по альфа-диапазону. В относительных величинах количество случаев увеличения относительной мощности альфа-активности к случаям уменьшения ее по полушариям выглядит так: левое полушарие — 2,1; правое — 0,48. Нельзя, однако, по полученным данным сказать о том, какое из полушарий является инициатором перераспределения относительной мощности альфа-активности. Возможно, именно угнетение альфа-колебаний в правом полушарии является причиной нарушения межполушарного баланса по альфа-диапазону. Проллеживается закономерность, выраженная в том, что разбалансировка межполушарных соотношений по альфа-частоте предшествует смене доминирующего ритма в ЭГ на тета-диапазон.

Анализ динамики функционального состояния головного мозга испытуемых по параметрам двигательной активности показал, что после прослушивания рок-музыки отмечается облегчение этой активности, выражающееся в уменьшении латентного периода произвольной двигательной реакции на световой стимул. Воздействие классической музыки не ведет к столь выраженному изменению в двигательной сфере и оказывает тормозное влияние на двигательную активность человека. Изменения в функциональном состоянии головного мозга человека под воздействием этих двух видов музыки выражаются в цифровых значениях отношений фоновых показателей к показателям последствия (см. таблицу).

Параметры гистограмм	Фон/классическая музыка/	Фон/рок-музыка/
Среднее значение латентных периодов	0,92 ± 0,03	1,16 ± 0,11
Функциональное состояние системы	0,87 ± 0,12	1,01 ± 0,43
Концентрация внимания и устойчивость двигательной реакции	1,06 ± 0,09	0,76 ± 0,16
Уровень функциональных возможностей (для выполнения двигательной функции)	1,09 ± 0,04	0,52 ± 0,32

Интересными оказались результаты теста по определению объема кратковременной памяти на цифровой материал. В результате обработки полученных данных по воспроизведению двух двузначных цифровых последовательностей из 10 цифр установлено, что после прослушивания рок-музыки достоверно улучшается, по сравнению с фоном, среднее значение отношения фоновых данных к данным последствия, величина которого составила $0,87 \pm 0,09$. После прослушивания классической музыки достоверных изменений в объеме кратковременной памяти на цифровой материал нами не обнаружено, отношения фоновых значений к значениям последствия составили $0,99 \pm 0,05$. Как нам кажется, эти результаты подтверждают имеющиеся данные о функциональной специализации полушарий в приеме знаковой и образно-эмоциональной информации и свидетельствуют о ведущей роли левого полушария в приеме первого вида информации. Проведенный нами эксперимент показывает в ЭЭГ-данных, что рок-музыка погашает активность корковых отделов правого полушария и перераспределяет межполушарные соотношения в пользу левой гемисферы, а данные психологического теста могут достаточно убедительно свидетельствовать о функциональной специализации левого полушария на прием и воспроизведение знаковой информации.

¹ См.: Darwin C. J. Ear differences in the recall of fricatives and vowels.— *Quart. J. Exp. Psychol.*, 1971, v. 23, n 1, p. 46—62.

² См.: Robinson G. M., Solomon D. J. Rhythms is processed by speech hemisphere.— *J. Exp. Psychol.*, 1974, v. 102, N 3, p. 508—511.

³ См.: Новицкая Л. П., Дубовик В. В. Влияние мелодичной и ритмичной музыки на изменение низкочастотных составляющих ЭЭГ человека.— Известия Академии наук БССР. Серия биол. наук, 1980, № 5, с. 36—41.

⁴ См.: Денисова З. В. Механизмы эмоционального поведения ребенка.— Л., 1978, 143 с.; Risolatti G., Umida C., Berlucchi G. Opposite superiorities for right and left cerebral hemispheres indiscrimination RT to physiognomical and alphabetical material.— Brain, 1971, v. 94, p. 431—442; Geffen G., Bradschaw J. L., Nettleton N. C. Hemispheric asymmetry. Verbal and spatial encoding of visual stimuli.— J. Exp. Psychol., 1972, v. 95, p. 25—31.

⁵ См.: Асафов Б. Д., Лоскутова Т. Д. Количественная оценка функционального состояния центральной нервной системы.— В кн.: Функциональные состояния мозга. М., 1875, с. 27—32.

⁶ См.: Новицкая Л. П., Дубовик В. В. Указ. статья.

⁷ См.: Шеповальников А. Н., Цицерошин М. Н., Апанасюнок В. С. Формирование биоэлектрического поля мозга человека.— Л., 1979, с. 144.

⁸ См.: Жирмунская Е. А. Биоэлектрическая активность здорового и больного мозга человека.— В кн.: Клиническая нейрофизиология. Л., 1972, с. 240—242; Новицкая Л. А. Электроэнцефалография и ее использование для изучения функционального состояния мозга.— В кн.: Естественно-научные основы психологии. М., 1978, с. 168.

⁹ См.: Мещеряков В. А., Хананашвили М. М. Новые данные о нейрофизиологических основах замыкательной функции головного мозга в норме и патологии.— В кн.: Современные проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1979, с. 152.

¹⁰ См.: Никифоров М. И. Об усилении альфа-ритма и других изменениях ЭЭГ при положительных эмоциях.— В кн.: Актуальные вопросы регуляции дыхания. Куйбышев, 1979, с. 61—64; Уолтер Д. О. Модели мозга типа линейных систем.— В кн.: Функциональное значение электрических процессов головного мозга. Л., 1977, с. 373—382.

¹¹ См.: Walter W. G. The function of electrical rhythms of the brain.— J. Mental Sci., 1950, v. 96, p. 1—31. Wiener N. Cybernetics or control and communication in the animal and the machine.— Cambridge, MIT Press, Massachusetts, 1961, 261 p.

Л. А. САВАТЕЕВА

ФРИДРИХ ФРЕБЕЛЬ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ПЕДАГОГ-ГУМАНИСТ

Исполнилось 200 лет со дня рождения прогрессивного немецкого педагога-гуманиста Фридриха Фребеля. Уже в годы детства Фридрих убедился, что учитель приветливостью и ласковостью достигает гораздо лучших результатов, чем строгостью и педантизмом. Получив среднее образование, он слушал лекции в Йенском, а затем в Берлинском университетах. Вынужденный из-за материальной необеспеченности оставить учебу Фребель сменил несколько профессий, но с 1805 года прочно связал свою судьбу с педагогической деятельностью.

Большое влияние на педагогические взгляды Фребеля оказали труды и деятельность швейцарского педагога Песталоцци, у которого он работал с 1807 по 1810 год. Позднее Фребель разработает и предъявит людям, избравшим педагогическое поприще, следующие требования: знание «философских дисциплин, общих вопросов естествознания, антропологии, психологии, этики, теоретической педагогики, умения владеть детьми, знать психические и физические особенности детей. А для подготовки образованного учителя необходимы: знание языка (особенно родного), математики, естественных наук: физики, химии, ботаники, зоологии, минералогии, а также истории, географии, методики, эстетическое и художественное образование, умение владеть искусством. Естественно, разделение условное, так как учитель в процессе деятельности обучает и воспитывает. Кроме того, каждый педагог должен уметь анализировать результаты своей деятельности»¹.

В 1811—1813 годах Фребель продолжает образование в Геттингенском, а затем в Берлинском университетах. Особое внимание он уделяет изучению физики, химии, минералогии, естествознания. На формирование его мировоззрения оказала влияние немецкая классическая философия. После окончания Берлинского университета он полностью посвящает себя делу воспитания детей.

Педагогическая деятельность Фридриха Фребеля является историческим примером неустанной борьбы за право воспитывать людей совершенными и гармоничными. Требуя всеобщего народного воспитания, организации буржуазно-демократических единых школ на базе детских садов, Фребель внес значительный вклад в решение проблем воспитания человека.

Обширное педагогическое наследие Фребеля отражено более чем в двух тысячах публикаций. Кроме того, Фребель известен как издатель многих педагогических журналов: «Роль семьи в воспитании» (1826), «Воскресный листок» (1838—1840), «Еженедельник Фридриха Фребеля» (1850) и др. Следуя педагогическим принципам Песталоцци, Фребель в 1816 году открывает воспитательное учреждение в селе Грисгейм (Тюрингия), которое через год переводит в соседнее село Кайльгау. Свое учреждение Фребель назвал «Универсальным германским воспитательным институтом». Обучение и воспитание в системе Фребеля составляло единое целое. Руководящим принципом в работе было пробуждение у учащихся самостоятельности и активности путем самовоспитания. На уроках дети изучали учебные предметы на основе принципов наглядности и доступности. Фребель утверждал, что выученное можно только тогда считать правильно и вполне усвоенным, когда один учащийся мог доступно изложить материал другому. В Кайльгау особое внимание уделялось физическому развитию. Дети плавали, занимались гимнастикой, несмотря на ненастье ходили в горы. Основой развития детей Фридрих Фребель считал три ноты гармонического аккорда: жизнь, движение, знание.

Особое внимание Фребель уделяет связи между физическим и умственным трудом, указывая, что люди мысли и люди дела составляют чуть ли не отдельные касты: люди мысли оставляют свои внешние органы без всякого упражнения, между тем как для людей мускульного труда область мысли остается навсегда заповедною страной, куда им вход воспрещен².

На конкретных жизненных примерах Фребель показывает, как нужно воспитывать детей, учитывая, что «человек есть творческое существо». Нужно воспитывать не человека книги, а человека дела, так как в деятельности и творчестве гармонически образуются и разворачиваются все его силы и способности.

В 1826 году Фридрих Фребель издает книгу «Воспитание человека», где в общих чертах излагает свою систему воспитания и обучения, доведенную, к сожалению, только до отроческого возраста. Особый интерес представляют главы: «Грудной ребенок», «Ребенок», «Отрок», «Пороки отрочества», «Школа», «Семья и школа». Некоторые требования к воспитанию человека и конкретная методика, сформулированные в книге, поучительны и для современных педагогов.

В 1828 году в Германии усилилась политическая реакция, и Фребель был обвинен в распространении «вредных идей». Его воспитательное учреждение было закрыто. Попытки Фребеля в последующие годы открыть новые воспитательные учреждения не увенчались успехом. В целях пропаганды своей педагогической теории и методики Фребель начинает издавать газеты и журналы. Из всех этих изданий впоследствии сотрудник Фребеля Ланге составил книгу «Педагогика детского сада» (в России переведена и издана в 1913 году под названием «Детский сад»).

Как педагог Фребель занимает середину между Песталоцци и Фихте. Песталоцци утверждал, что дети должны воспитываться дома, у матери, Фихте считал, что воспитывать детей необходимо в научных воспитательных учреждениях. Фребель связывает эти звенья. Когда Н. К. Крупская разрабатывала проблемы ответственности общества за воспитание детей, она прежде всего обратила внимание на теорию и практику воспитания Фридриха Фребеля, предлагая применять их с учетом изменившихся общественных условий в нашей стране.

28 июня 1840 года Фридрих Фребель открыл первый немецкий детский сад. Он просуществовал всего семь лет и был закрыт из-за недостатка средств. Тогда Фребель переключился на подготовку «детских садовниц»-воспитательниц. Впоследствии Фребелю удалось открыть еще один детский сад — в Мариентале, но в 1851 году по приказу властей все детские сады в Германии были запрещены. Фребелю вменялось в вину, что он через детские сады проводил в жизнь свою социалистическую систему и осуществлял атеистическое воспитание детей. Вскоре после этого 21 июня 1852 года Фребель скончался в Мариентале. После смерти, несмотря на противодействия реакционных сил, имя Фридриха Фребеля и его труды получили широкое признание и известность не только в Германии, но и далеко за ее пределами.

¹ Фребель Ф. Воспитание человека.— М., 1913, с. 46.

² См.: Бобровская С. Л. Сущность системы Фребеля.— М., 1872, с. 3.

Ф. И. Кулешов. Лекции по истории русской литературы конца XIX — начала XX в. — Минск: Изд-во БГУ, 1980, — 382 с.

Лекции профессора Ф. И. Кулешова являются итогом его многолетней научно-исследовательской работы, значительно обогащают наши представления о литературе дооктябрьской эпохи и восполняют некоторые пробелы в ее изучении.

Книга, за исключением обзора пролетарской литературы, состоит из монографических глав, построенных по хронологическому принципу. Они очень содержательны, конкретны, написаны с присущей всем работам Ф. И. Кулешова научной добросовестностью и обстоятельностью, отличаются аргументированностью выводов, мастерством идейно-эстетического анализа. Автор приводит новые факты, заново прочитывает известные произведения, пересматривает сложившиеся представления. Особенно хочется подчеркнуть новаторский характер лекций о С. Сергееве-Ценском и Л. Андрееве.

Творческий путь каждого писателя Ф. И. Кулешов прослеживает в динамике, эволюции, как процесс становления и развития индивидуальности, обусловленный особенностями эпохи и времени. Отсюда возникает необходимость в рассмотрении вопросов мировоззрения, метода, стиля, традиций и новаторства.

С правильных марксистско-ленинских методологических позиций исследователь проводит разграничение между реализмом и нереалистическими методами в литературе и в то же время выявляет различные формы их сочетания в творчестве Блока, Брюсова, Андреева, Толстого, Сергеева-Ценского, Маяковского. Дialectичность мышления позволяет ему признать не только отрицательное, но и позитивное влияние писателей-модернистов на раннего А. Толстого. Совершенно правилен вывод о том, что «на ранней стадии поэтического творчества и литературно-критической деятельности Маяковского нельзя ни отделить от футу-

ризма, ни противопоставлять его футуризму как модернистскому течению. В продолжение двух лет (1912—1914) Маяковский был тесно и совершенно добровольно связан с футуристами творчески, организационно и своими литературно-эстетическими взглядами» (с. 336).

Ф. И. Кулешов разграничивает понятия «декадентство» и «символизм». «Декадентство и символизм, — пишет он, — не обязательно выступают в их единстве, упадочные настроения могут быть воплощены и выражены средствами реалистического письма, а стихи символистов вовсе не непременно являются декадентскими» (с. 252). С его точки зрения Блок, считавшийся одним из вождей русского символизма, не был декадентом, хотя и испытал влияние декадентства. В главе о Блоке благодаря сопоставлению реальных событий и фактов из жизни поэта с их субъективной трансформацией в «Стихах о Прекрасной Даме» очень убедительно раскрыта сущность символистской поэтики. Из конкретного анализа вытекает вывод автора о художественном методе Блока после революции 1905 года: «Блоковская поэзия не стала реалистической. Она сохранила определяющие черты романтического метода, развивалась в границах поэтики и эстетики символизма. Блок оставался романтиком-символистом. Но его творчество наполнилось содержанием, мотивами и образами, взятыми из реальной жизни» (с. 335).

Самая большая глава в книге посвящена Л. Андрееву. Это обусловлено необычайной сложностью его творчества. Ключ к пониманию «кричащих противоречий» писателя Ф. И. Кулешов ищет в обстоятельствах его жизни, индивидуальных свойствах личности и особенностях исторической эпохи. Очень хорошо показана трагическая раздвоенность личности писателя, сильно проявлявшаяся в его творчестве. Л. Андреева долгое время считали декадентом, проповедником социального пессимизма и даже ренегатом. Используя новые материалы, Ф. И. Кулешов смело разрушает старые со-

диалогічныя схемы, вніматэліва перасматрывае традыцыйныя адносторонніе ацэнкі рэды прадзвядзеній Андрэева («Стена», «Бездна», «Мысль», «Так было», «Тыма», «Царь-голод»). Но, с другой стороны, он умалчвае аб аб'ектыўна-рэакцыйным сэнсе некаторых прадзвядзеній пісатэля в конкретна-історычных умовах яго врэмені, сглажывае астроту прынцыпальнай борыбы, которую велі Горькый (между прочим, он приводит только позитивные высказывания Горького об Андрееве), марксистская критика начала века (А. Луначарский, В. Воровский). Здесь, как нам кажется, исследователь отстывает от собственного всей его книге принципа сочетания современной и исторической точек зрения. «Жанр» лекции в отличие от учебника допускает свободу в обороте, в определении объема и расположении программного материала. И хотя в таких случаях рецензенту дозволяется говорить только о том, что есть в книге, хочется все же отметить, что для ее завершенности не хватает обзора модернистских течений в русской поэзии конца XIX — начала XX века и заключения.

Издredка в лекциях встречаются неточности, неудачные выражения. Сошлюсь лишь на один пример: «План показался Керженцеву легко осуществимым. Ведь кое-кто из его родителей страдал запоем, другие (?) были предрасположены к психическим заболеваниям» (с. 107). Но все это мелочи в сравнении с огромной работой, продланной Ф. И. Кулешовым по созданию курса лекций — ценного и полезного пособия для студентов и преподавателей литературы.

А. Г. Жаков

Тураўскі слоўнік, вып. 1. / Пад рэд. А. А. Крывіцкага.— Мінск: Навука і тэхніка, 1982.— 252 с.

Палесскія гаворкі, як прызнана ўжо даўно, захоўваюць у сабе многа каштоўных фактаў, неабодных для высвятлення гісторыі не толькі беларускай, але і іншых славянскіх моў. Вось чаму цікавасць лінгвістаў да гэтых гаворак з кожным годам павялічваецца. У выніку шматлікіх дыялекталогічных экспедыцый апошняга часу ў розныя раёны беларускага Палесся ўжо сабраны вялікі матэрыял па лексічных, фанстычных і граматычных асаблівасцях. На парадку дня стаіць задача яго апрацоўкі, сістэматызацыі і абагульнення. У гэтым кірунку праводзіцца пэўная работа. Асабліва сур'езным навуковым заданнем трэба лічыць укладанне рэгіянальных палескіх слоўнікаў. З іх «Тураўскі слоўнік», над якім працуе ініцыятыўная група сектара дыялекталогіі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Акадэміі навук БССР, будзе найбольш важным у многіх адносінах. Важнасць яго вызначаецца перш за ўсё тым месцам, якое займае тураўская гаворка сярод іншых беларускіх палескіх гаворак.

«Тураўскі слоўнік», па задуме ўкладальнікаў, уключае ўсю традыцыйную лексіку гэтай гаворкі як цэласную сістэму, што велмі каштоўна з лінгвістычнага пункту гледжання.

Першы выпуск «Тураўскага слоўніка» (плануецца пяць выпускаў), падрыхтаваны А. А. Крывіцкім, Г. А. Цыхунічым і І. Я. Яшкіным, змяшчае 3275 слоў на літары А — Г. Гэта словы ўсіх часцін мовы. Укладальнікамі выяўлены і пададзены нават такія, якія выступаюць толькі ў складзе фразеалагічных спалучэнняў: *бут (буту нема* — пра бесперапынную дакуку), *вінды (вінды отпроўцяць* — гэрэзнічаць, насіцца), *волошны (волошная межа* — мяжа паміж асобнымі гаспадаркамі ў мінулым) і іншы.

Кожнаму слову прысвечаны асобны артыкул. Артыкулы ўключаюць граматычныя і стылістычныя паметы, тлумачыліце значэнняў і ілюстрацыйныя прыклады. З граматычных памет прынята ўказанне на частіну мовы, род назоўнікаў, трыванне дзеясловаў і некаторыя іншыя, са стылістычных — указанне на эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку слова і сферы яго ужывання. Значэнні слоў — пераносныя — выяўлены надзвычай тонка і дакладна. Яны раскрыты пры дапамозе літаратурных адпаведнікаў або анісальна, калі ў беларускай літаратурнай мове адпаведніка няма.

Кожнае са значэнняў ілюструецца адным або некалькімі прыкладамі звязанага тэксту з указаннем населенага пункта, дзе яны зафіксаваны. Гэтыя прыклады падабраны велмі ўдала: прыводзіцца многа прыказак, прымавак, загадак і фразеалагічных спалучэнняў. Не ілюструюцца толькі некаторыя тэрміны, наменклатурныя назвы і словы з вузкай сферай ужывання на той падставе, што ілюстрацыі толькі б дубліравалі тлумачыліце іх лексічных значэнняў.

Фанетычныя і акцэнталагічныя варыянты слоў (*андык* і *ендык*, *балабушка*, *балабошка*, *булабушка* і *болобешка*, *вэрба* і *верба*) падаюцца ў адным слоўніковым артыкуле з найбольш характэрным і часта ўжывальным варыянтам на першых месцах, а граматычныя і словаўтваральныя варыянты (*бурлак* і *бурлака*, *воркотня* і *воркуценя*, *гіч*, *гічанье*, *гічовінье* і *гічье*) афармляюцца самастойнымі артыкуламі. Праўда, гэты прыцып вытрыманы не зусім паслядоўна.

Да некаторых слоў даюцца кароткія заўвагі аб мясцовых звычаях і павер'ях, звязаных з абазначаным словам прадметам ці паняццем (гл. словы *баба*, *болець*, *весна*, *водопоцье*).

Слоўніковым артыкулам папярэднячае змястоўная прадмова А. А. Крывіцкага, у якой прыведзены геаграфічныя, гістарычныя і этнаграфічныя звесткі аб Тураўшчыне, ахарактарызаваны галоўныя асаблівасці яе гаворкі, расказана аб часе і метадах збірання матэрыялаў для слоўніка і абгрунтаваны лексікаграфічныя прыцыпы, паводле якіх ён укладаўся. Пасля прадмовы дадзены спіс населеных пунктаў, у якіх праводзілася збіранне лексічных матэрыялаў, пералік дыялекталогічных экспедыцый у гэтыя

населенные пункты с указанием удаленности, а таксама расшыфровка прынятых укладальнікамі скарачэнняў. Да выпуска прыкладзены ўзоры мясцовай гаворкі — 25 звязных тэкстаў розных жанраў, запісаных на магнітафоне і перададзеных графічна з захаваннем усіх фанетычных, акцэнталагічных і граматычных асаблівасцей мясцовага маўлення.

Як на зместу, так і па навуковай апрацоўцы першы выпуск «Тураўскага слоўніка» з'яўляецца значным дасягненнем беларускай дыялектнай лексікаграфіі. Ён стане ўзорам для ўкладання наступных рэгіянальных слоўнікаў і, несумненна, будзе з прыхільнасцю сустрачы славістамі ў нашай краіне і за рубяжом.

І. К. Германовіч

Современный русский язык. Часть 2: Словообразование. Морфология. Морфологический анализ. — Минск: Изд-во БГУ, 1981. — 400 с.

Книга представляет собой учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов (первая часть выпущена тем же издательством в 1979 году).

Пособие создано квалифицированными коллективом. П. П. Шуба написал главы «Грамматика» (общее введение), «Морфология» (общее введение в учение о частях речи), «Глагол», «Наречие», «Категория состояния», «Неполнозначные части речи», «Модальные слова», «Междометия», «Звукоподражания»; А. Ф. Манасикова — «Морфология»; И. К. Германович — «Имя числительное», «Местоимение», «Литература»; И. А. Карабань — «Словообразование»; Л. А. Шевченко — «Имя существительное»; А. Г. Мурашко — «Имя прилагательное». Оно включает в себя традиционные разделы: морфологию (с. 89—392), словообразование (с. 5—64). Новым разделом является морфонология.

Раздел морфонологии написан лаконично, довольно содержательно, четко. В нем раскрыты вопросы фонемной структуры морфем, фонологических чередований, определено содержание морфонологии. Начало раздела изложено несколько сложно для студентов и топичливо. Пожалуй, следовало бы указать, что содержание морфонологии еще строго не определилось.

В разделе «Словообразование» рассмотрены основные программные вопросы: словообразование как наука, его место в системе наук о языке, объект изучения, синхронный и диахронический аспекты изучения словообразования, отношение словоизменения к словообразованию, способы словообразования, словообразовательный тип и др. Попутно описываются некоторые термины морфемки (состава слова), раскрываются задачи морфемного и словообразовательного анализа. Вопросы словообразования и состава слова изложены в целом научно и доступно для студентов, с элементами новизны в трактовке.

Основное место в книге занимает морфология (с. 304). В разделе обстоятельно описываются общие и частные грамматические и лексико-грамматические категории, грамматические формы, частные и категориальные грамматические значения самостоятельных частей речи; довольно полно характеризуются служебные части речи; излагается теория частей речи, раскрываются основные понятия морфологии: грамматическое значение, грамматическая форма, грамматическая парадигма и др. Авторы обычно придерживаются общепринятых теоретических положений или наиболее распространенных. Иногда ведется полемика с привлечением дополнительной аргументации.

Пособие в целом не лишено и некоторых просчетов. Так, слишком лаконично изложен материал по одновидовым глаголам, неполно раскрыты их формальные и семантические признаки (с. 270). Лишь условно можно говорить, что совершенный вид от несовершенного отличается завершенностью действия (с. 88).

Существительное *переподготовка*, пожалуй, образовано не при помощи префикса *пере-*, а при помощи суффикса *-к-* (ср. *перезамена*). Существительное *горе-ученик* (с. 149) вряд ли следует считать сложным (*горе-* — префикс). Наречие *во-первых* в синхронном плане образовано не лексико-синтаксическим способом, а суффиксально-префиксальным. Отрицательные местоимения (с. 239) образуются скорее не от относительных местоимений, а от вопросительных. В разделе «Словообразование» не раскрывается значение термина *конверсия*, а позже он используется (с. 341). Не в общепринятом значении употребляется термин *конфиксация* (он приемлем лишь в случаях, когда префикс и суффикс выступают в одном значении, не расчлняясь, но такие случаи в русском языке крайне редки), не совсем приемлем он в одном ряду с терминами *префиксация с нулевой суффиксацией*, *суффиксация с постфиксацией*, *префиксация с постфиксацией*. Излишен термин *суффицирование* (с. 269). Вряд ли оправдан термин *нулевая основа* (с. 218—219). Частица *вишь* образована, по-видимому, не от *видишь*, а от *вижь* (ср. *виждь*).

Обычно значение постфикса *-ся* отмечается для таких возвратных глаголов, которые образованы лишь от переходных. Если руководствоваться этим, то нельзя в группу взаимно-возвратных включать глаголы *перезваниваться*, *переговариваться*, в группу косвенно-возвратных — *столоваться*, в группу возвратно-пассивных — *чудиться*, *сниться*, *казаться* (с. 279—280). Не относятся к четвертому продуктивному классу глаголы *гнуть*, *тянуть*, *тонуть*, *лынуть*, *кануть*, *обмануть* (с. 257; о чем правильно сказано в пособии на с. 262, 318). Нельзя категорично заявлять, что при местоимении кто всегда употребляется сказуемое в единственном числе (с. 225).

Иногда нечетко и неполно даются определения имени существительного (не указано на синтаксическую функцию,

с. 103), глагола (на первое место следовало поставить вид и залог, как категории, свойственные всем грамматическим формам, с. 247). Приставной звук [н] у местоимений появился не после падения редуцированных (с. 218), а в доисторический период в результате действия закона открытой слогов (произошло переразложение основы фонетического слова). Разряд относительных местоимений выделяется не по значению, а по функции (с. 214). Модальное слово *видать* соотносится не с предикативом (с. 383), а с глаголом.

В пособии без достаточной аргументации в основном воспроизведена старая виноградская классификация слов по разрядам (на наш взгляд, приемлемее было бы в изложении этого вопроса идти вслед за академическими грамматиками). Сплошь и рядом между лексическим значением и номинативным лексическим значением ставится знак равенства, что приводит к обеднению семантической характеристики предлогов, союзов, частиц, междометий, которые, естественно, не имеют номинативных значений, но лексические (словесные) значения имеют, ибо это все-таки слова. Замечания авторов «служебные слова не имеют ярко выраженного лексического значения» (с. 352, 365, 373 и др.) неопределены. Отмеченные недочеты могут быть легко устранены при переиздании.

Хотя пособие написано коллективом авторов, разнородной в стиле изложения почти отсутствует. Рецензируемая книга несомненно окажется очень полезной для студентов.

И. С. Козырев

Т. П. Бандарэнка. Аднатыпныя словазлучэнні ў сучаснай беларускай літаратурнай мове.— Мінск: Навука і тэхніка, 1981.— 130 с.

Манаграфія Т. П. Бандарэнкі прысвечана сістэматызацыі і апісанню аднатыпных склонава-прыназоўнікавых і беспрыназоўнікавых словазлучэнняў з рознымі іменнымі і дзеяслоўнымі разрадамі слоў у ролі канструктыўна-вядучага кампанента. У ёй даследуюцца словазлучэнні, звязаныя паміж сабой адзіствам сэнсава-сітаксічных і словаўтваральных (дэрывацыйных) сувязей, агульнасцю граматычных значэнняў і семантычных функцый. Работа складаецца з трох раздэлаў. У першым з іх «Аднатыпныя субстантыўныя і дзеяслоўныя словазлучэнні» даследуюцца адпаведныя тыпы сітаксічных канструкцый з назоўнікамі і дзеясловамі ў ролі галоўнага слова, якія, будучы суадноснымі па ўтварэнню, знаходзяцца паміж сабой у цесных словаспалучальных і дэрывацыйна-семантычных сувязях. Асобна разглядаюцца аднатыпныя беспрыназоўнікавыя словазлучэнні з залежнымі кампанентамі ў форме роднага, давальнага і творнага склонаў, а таксама шматлікія групы склонава-прыназоўнікавых канструкцый з рознымі формамі граматычна падпарадка-

ваных слоў. На канкрэтных прыкладах з розных крыніц Т. П. Бандарэнка праследжвае магчымасці замены адных сітаксічных канструкцый другімі, адзначае выпадкі супадзення і адрознення іх па форме залежнага слова і значэнню. У мэтах больш поўнай і дакладнай характарыстыкі супастаўляльных канструкцый аўтар выкарыстоўвае метады структурнага апісання і трансфармацыйнага аналізу адпаведных трансформ.

У другім раздзеле «Аднатыпныя субстантыўныя і ад'ектыўныя словазлучэнні» разглядаюцца сітаксічныя канструкцыі з назоўнікамі і прыметнікамі ў ролі галоўнага кампанента. Словаўтваральная суадноснасць такіх словазлучэнняў у раздзе выпадкаў дапаўняецца семантычнай суадпаведнасцю.

Апошні, трэці раздзел «Аднатыпныя ад'ектыўныя і дзеяслоўныя словазлучэнні» прысвечаны аналізу суадносных сітаксічных канструкцый з прыметнікамі і дзеясловамі ў якасці апорных структураўтваральных кампанентаў словазлучэння. У гэтай групе супастаўляльных канструкцый падрабязна аналізуюцца беспрыназоўнікава-прыметнікавыя і адпаведныя ім дзеяслоўныя словазлучэнні з родным, давальным, вінавальным і творным склонамі назоўнікаў ці іншых слоў з агульным прадметным значэннем, а таксама суадносныя паміж сабой прыназоўнікавыя канструкцыі з рознымі склонавымі формамі залежных слоў у якасці граматычна падпарадкаваных кампанентаў адпаведных сітаксічных утварэнняў. Як і ў папярэдніх раздзелах, аўтар манаграфіі дакладна вызначае структурныя і семантычныя адметнасці тых і другіх груп словазлучэнняў, ролю і месца іх у агульнай сістэме словаспалучальных сувязей сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

У «Заклучэнні» падагульняюцца назіранні аўтара над функцыянаваннем у мове суадносных семантыка-сітаксічных структур. Тут жа пералічаюцца фактары, якімі абумоўліваецца структурная і семантычная суадноснасць свабодных словазлучэнняў, адзначаюцца ўмовы, пры якіх устанаўліваюцца адносны поўнай і частковай аднатыпнасці супастаўляльных канструкцый, а таксама выпадкі структурнай і семантычнай неадпаведнасці іх. Аўтар адзначае ролю канструктыўна-вядучага слова ва ўтварэнні новых структурна-семантычных тыпаў суадносных канструкцый, ускрывае дыялекты ўземаадносін паміж структураўтваральнымі тыпамі словазлучэнняў, тэндэнцыі развіцця словаспалучальных сувязей і адпаведных груп словазлучэнняў. Разам з тым указваецца на супярэчлівы характар уземаадзеяння паміж структурнымі адзікамі мовы, як і самімі працэсамі іх відазмяненняў і развіцця.

Навуковая праца Т. П. Бандарэнкі з карысцю будзе прачытана спецыялістамі мовазнаўцамі і ўсімі, хто цікавіцца праблемамі сучаснай лінгвістычнай навукі.

А. І. Наркевіч

Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. (Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой). / Под ред. и с предисловием Б. А. Успенского. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. — 776 с.

Московский университет выпустил сохранившуюся в рукописи «Российскую грамматику» А. А. Барсова, написанную 200 лет тому назад. Издание открывается обширным предисловием профессора Б. А. Успенского, привлечшего много новых документальных данных о научной деятельности и жизненном пути А. А. Барсова, который был избран членом Российской академии в день ее открытия — 21 октября 1783 года. В предисловии говорится, что А. А. Барсов был одним из последователей учения о русском языке, созданного М. В. Ломоносовым. Более того, он хорошо ощущал непорядочность грамматики второй половины XVIII века и внес в свой труд целый ряд новшеств, которые учитывали характерные для того времени особенности словоупотребления и формообразования, произношения и орфографии. Правильно отмечается, что «Барсов вводит в русскую лингвистическую традицию целый ряд существенно важных понятий и определений. Так, например, Барсов впервые в русистике пользуется понятием «основы», которое отчетливо противопоставляется корню, и занимается определением словообразования и формообразования... Барсов фактически первый рассматривает категорию вида в русском глаголе (хотя термин вид имеет у него другое значение)» (с. 7). С полным основанием автор предисловия указывает на то, что «лингвистические идеи Барсова намного опередили свое время, оказавшись во многом созвучными современному языкознанию. В его грамматике фактически предвосхищено понятие грамматической формы, которое впоследствии было сформулировано Ф. Ф. Фортунатовым... И в фонетике, и в словообразовании Барсов пытается определить свойства языковой единицы через отношение ее к другим единицам, предвосхищая структурный подход к языку...» (с. 7—8). Можно вполне согласиться с мнением автора предисловия, что «грамматика Барсова — ценнейший и уникальный источник по истории русского литературного языка второй половины XVIII века. Стилистические характеристики Барсова

очень детальные и всегда достоверны; они представляют непосредственный интерес как для историка литературного языка, так и для историка литературы. Труд Барсова может служить незаменимым подспорьем при интерпретации литературных текстов данного периода» (с. 8).

К приведенным характеристикам можно добавить и то, что А. А. Барсов при подготовке своего труда, как и М. В. Ломоносов, опирался на живой разговорный и значительно обновленный книжный язык второй половины XVIII века, когда намечались основные тенденции его литературной нормализации. Удивившись в недостаточном научном уровне выпускавшихся в то время обычных школьных или «училищных» пособий, ученый сознательно стремился к выработке общего теоретического взгляда на весь строй русского языка. Этим самым он открыл новый важный этап в создании научных основ русского языкознания.

Необходимо сказать о тщательной подготовке текста трех списков барсовской грамматики и столь же вдумчивом лингво-текстологическом комментировании, проведенном М. П. Тоболовой. Очень отраднo, что издательство и типография Московского университета в целом хорошо справились с большими трудностями редактирования, набора и корректорской правки публикуемых текстов. Достаточно верное воспроизведение печатными средствами сложных в полиграфическом отношении текстов — это залог безошибочного языковедческого истолкования их, особенно при рассмотрении фонетических, орфографических и морфологических явлений русского языка конца XVIII века. Вопреки тенденции некоторых издательств не показывать погрешностей печати, в рецензируемом издании дан почти полный список замеченных опечаток, и это может служить доказательством того, что издатели «Российской грамматики» А. А. Барсова высоко ценят научное достоинство впервые публикуемых текстов и с глубоким почтением относятся к лингвистическому наследию.

Опубликование исключительно важного для истории отечественной филологии труда академика А. А. Барсова бесспорно принесет большую пользу научным работникам, преподавателям вузов и аспирантам.

М. Г. Булахов

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЛОЛОГИИ

Профессорско-преподавательский коллектив филологического факультета отметил 60-летие БГУ имени В. И. Ленина значительными успехами в научно-исследовательской работе. Только за 1981 год сотрудниками факультета изданы 23 книги, в том числе 7 монографий, 12 учебников и учебных пособий с грифом Минвуза и Минпроса БССР и СССР, 11 учебно-методических пособий, 270 статей общим объемом 444,9 п. л.

Наиболее значительными из этих работ являются монографии проф. С. Х. Александровича «Слова—багацце», проф. О. А. Лойко «Паазія і час», доц. Л. А. Муриной «Культура речи в школах с белорусским языком обучения», доц. Г. Д. Синенко «Іван Навуменка», «Ніл Гілевіч», доц. В. П. Рагойши «Напісана рукой Купалы», доц. Т. И. Шамякиной «На ліні перасячэння».

Вышли из печати учебники и учебные пособия для вузов и средних школ. В их числе: первое в нашей стране учебное пособие для вузов «Введение в славянскую филологию» А. Е. Супруна и А. М. Калюты; «Современный русский язык. Словообразование. Морфонология. Морфология» коллектива авторов под редакцией проф. П. П. Шубы; «Гісторыя беларускай літаратуры» доц. Д. Я. Бугаева в соавторстве; «Гісторыя беларускай савецкай літаратуры» доц. М. Б. Ефимовой и О. В. Козловой в соавторстве; «Беларуская дзіцячая літаратура» доц. В. А. Лашкевич; «Родная літаратура. Хрэстаматыя для VIII класа сярэдняй школы» проф. С. Х. Александровича; «Методика преподавания русского языка в национальной средней школе»; «Грамматика русского языка. Синтаксис. Учебник для 7—8 классов киргизской школы»; «Русский язык. Учебник для 4 классов школ с белорусским языком обучения» проф. А. Е. Супруна в соавторстве; «Русский язык. 5—6 классы школ с белорусским языком обучения» П. П. Шубы, А. М. Бордовича, Н. М. Пипченко, И. А. Рабчинской и другие.

В работе юбилейных научных конференций «Научная организация учебного процесса» (11—12 января) и «Актуальные проблемы общественных наук. Актуальные проблемы естественных наук» (12—13 января) приняли участие ведущие ученые университета, АН БССР, ГДР, ряда вузов республики. Было заслушано и обсуждено 52 доклада по проблемам совершенствования учебного процесса, развития белорусского и русского языкознания и литературоведения.

Научно-методическая конференция рассмотрела широкий круг вопросов, связанных с повышением качества преподавания, оптимизацией содержания обучения и др. Так, большой интерес вызвали доклады проф. А. Е. Супруна о роли лекций в учебном процессе и вопросах оптимизации содержания обучения. Анализ некоторых видов учебной работы по введению в языкознание на заочном факультете посвятил свой доклад и. о. проф. Н. А. Павленко. О роли курсовых работ в профессиональной подготовке филологов говорили в своих докладах преподаватели Р. И. Брагин, А. С. Шепченко, А. М. Шилович.

На пленарном заседании научной конференции с докладом «Проблемы развития белорусского языкознания и литературоведения» выступил проф. О. А. Лойко. Разнообразной была тематика секции литературоведения и фольклористики. Здесь были доклады о современной белорусской фольклористике и роли Белгосуниверситета в ее развитии, о поэтическом переводе как системе, о перспективных тенденциях в развитии белорусской советской прозы 20-х годов XX века, о состоянии традиционных жанров белорусской фольклорной прозы на современном этапе, о ленинской концепции романтизма и другие.

Ряд докладов, заслушанных на лингвистической секции, был посвящен различным вопросам грамматики и лексикологии белорусского, русского и славянских языков. С интересом были заслушаны доклады проф. А. Е. Супруна о лексической типологии в славистическом и общелингвистическом аспектах, проф.

П. П. Шубы о принципах отбора лексики для учебных словарей второго языка в условиях близкородственного билингвизма, проф. В. В. Аниченко (Гомельский университет) о видах лексикографической работы, М. И. Конюшневич о сочинении разнофункциональных членов. Лексикологическим проблемам были посвящены доклады М. В. Добрян, В. И. Морозова (Гродненский университет), К. М. Голумянц, С. А. Емельяновой, Г. В. Пальцева и других. О словообразовании как способе пополнения лексических средств современного белорусского литературного языка говорилось в докладе проф. Л. М. Шакуна, о некоторых особенностях терминотворчества в белорусском языке 20—30-х годов — в докладе доц. В. П. Красней. С содержательными сообщениями выступили на секции доц. Е. И. Янович, Н. И. Гилевич, и. о. проф. Н. А. Павленко, Л. И. Бурак, ст. преп. Л. Г. Мощенская, доц. Н. Д. Михей и другие.

Н. М. Питченко

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Юбилейная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы общественных и естественных наук» состоялась в университете 7—8 января. Секция филологических наук работала 8 января под председательством проф. А. Е. Супруна. Здесь было заслушано 8 докладов преподавателей и аспирантов факультетов филологического и журналистики.

С докладом «Белорусская орнитологическая номенклатура» выступил аспирант Н. П. Антропов. Подробный анализ окказионализмов как разновидности неологизмов, их роли в произведениях современных белорусских поэтов был дан в докладе аспирантки кафедры белорусского языка А. И. Басовой «Некаторыя асаблівасці стварэння аказіяналізмаў». Преподаватель этой же кафедры Ж. Е. Белокурская на материале «Другога чытання для дзяцей беларусаў» Я. Коласа рассмотрела процесс формирования норм правописания современного белорусского языка, отметив особую роль Я. Коласа в формировании этих норм. Различные варианты белорусских необрядовых песен были проанализированы в докладе В. В. Колодинского «Эстетическая сущность вариантов белорусских необрядовых семейно-бытовых песен». Л. И. Полонская на основе психолингвистического метода провела исследования подсистемы глаголов шума.

Доклад «Революционно-публицистическая деятельность В. А. Радус-Зеньковича» подготовил преподаватель факультета журналистики В. Г. Булацкий. Доклад Е. И. Кононовой «Против угроз войны, за укрепление обороноспособности страны (Партийно-советская печать западных областей Белоруссии 1939—1941 гг.)» был посвящен отражению в прессе воспитательной работы партии и правительства, проводившейся в условиях нарастающей угрозы войны среди населения западных областей Белоруссии.

Работа конференции показала, что молодые филологи и журналисты принимают активное участие в решении задач, стоящих перед современной наукой.

А. М. Тикоцкий

ЗМЕСТ

Владимир Алексеевич Белый (К 60-летию со дня рождения) 3

ДА 100-ГОДДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ ЯНКІ КУПАЛЫ І ЯКУБА КОЛАСА

<i>Прохарава С. М.</i> Аналіз рускіх і польскіх перакладаў верша Я. Купалы «А хто там ідзе?»	6
<i>Галай В. М., Кірысь В. Н.</i> Германізмы ў мове твораў Янкі Купалы	9
<i>Кабржыцкая Т. В.</i> Аналіз твораў Якуба Коласа «Да працы!» і «Наперад!» у школе	11

ЛІТАРАТУРАЗНАУСТВА

<i>Соколова Е. В.</i> Историко-литературные истоки реализма А. И. Эртеля	16
<i>Ковалева Т. В.</i> Проблема женского характера в творчестве И. С. Тургенева и Жорж Санд	20
<i>Махалински Ромульд.</i> Детские характеры в повеллистике Андрея Платонова	23
<i>Леонова Е. А.</i> О некоторых композиционно-стилевых особенностях рассказов И. Бобровского о второй мировой войне	26

МОВАЗНАУСТВА

<i>Мурашка А. Р.</i> Беларуская метэразлагічная лексіка	30
<i>Антропов Н. П.</i> К вопросу праславянских наименований птиц в лексике белорусского языка	35
<i>Лещенко В. Л.</i> Характеристика синтаксического поля обстоятельственности в русском и белорусском языках с точки зрения вариантности (на материале словосочетаний, выражающих пространственные отношения)	38
<i>Воднева Н. П.</i> Наречия, восходящие к прилагательным цвета (на материале французского языка)	42
<i>Бельская В. А.</i> К дистрибутивному анализу словенской лексики	45
<i>Силаева Т. А.</i> Системный характер глагольной префиксации современного немецкого языка	49
<i>Киклевич А. К.</i> Типология сочинительных конструкций в языке и речевой деятельности	53

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Лысенко С. А.</i> Гротеск в киносценарии С. Эйзенштейна «МММ»	57
<i>Тикоцкий А. М.</i> О речевой экспрессии газетных материалов на спортивные темы	60

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Дорошкевич М. П.</i> Некоторые аспекты психофизиологической реабилитации состояния здоровья студенческой молодежи	65
<i>Новицкая Л. П., Дубовик В. В.</i> Влияние рок- и классической музыки на церебральную интеграцию	67
<i>Саватеева Л. А.</i> Фридрих Фребель — выдающийся педагог-гуманист	71

РЭЦЭНЗІІ

<i>Жаков А. Г. Ф. И. Кулешов.</i> Лекции по истории русской литературы конца XIX — начала XX в.	73
<i>Германовіч І. К.</i> Тураўскі слоўнік, вып. 1	74
<i>Козырев И. С.</i> Современный русский язык. Часть 2	75
<i>Наркевіч А. І. Т. П.</i> Бандарэнка. Адыатыпныя словазлучэнні ў сучаснай беларускай літаратурнай мове	76
<i>Булахов М. Г.</i> Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова	77

ХРОНІКА

<i>Пипченко Н. М.</i> Научные исследования по филологии	78
<i>Тикоцкий А. М.</i> Конференция молодых ученых БГУ	79